

СЕРИЯ • ЕЕ ЛЮБИМЫЙ РОМАН •
У ЛЮБВИ ЛЕГКАЯ ПОСТУПЬ

Janette Oke

LOVE'S
UNFOLDING DREAM

Originally published
in English under the title
«Love's Unfolding Dream»

*Published by Bethany House Publishers,
a division of Baker Book House, P. O. Box 6287,
Grand Rapids, MI 49516-6287, USA. All rights reserved.*

Джанет Оак

Книга шестая

РАСЦВЕТАЮЩАЯ МЕЧТА ЛЮБВИ

Роман

*Им кружили голову обычные радости
и переживания девического возраста,
и под ними таилась...*

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.111(71)-312.2

ББК 84(7Кан)6-44

О12

Серия «Ее любимый роман: у любви легкая поступь».

Оак Д.

О12 Расцветающая мечта любви / Пер. с англ. Е. Корневой. — Роман. — Свет на Востоке, 2011. — 304 с.: ил. (Серия «Ее любимый роман: у любви легкая поступь»).

ISBN 978-966-2089-40-0 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-73-7 (Герм.)

Шестой роман американской писательницы Джанет Оак из серии книг, повествующих об истории семьи Дэвис. Действие романа разворачивается на западных землях Северной Америки, осваиваемых переселенцами в начале XIX века.

Это история о милосердии и дружбе. Белинда, «нежданный» ребенок Марти и Кларка, с сочувствием и нежностью относится к обиженным и обездоленным. Ее брат, доктор Люк, предлагает ей стать медсестрой и ассистировать ему в работе. Но хватит ли ей внутренней силы, чтобы лицом к лицу сталкиваться со страдающими людьми? И что произойдет, если Белинда, Эмми Джо и Мелисса влюбятся в одного и того же хорошего парня?

Уже не ребенок, но еще и не девушка, она с открытым сердцем познает жизнь.

УДК 821.111(71)-312.2

ББК 84(7Кан)6-44

Переводчик — Е. Корнева

Художник — Л. Бунина

Компьютерная верстка — Т. Крук

Корректоры — Н. Назарова, Н. Боярин

Изд. № 01.508

ISBN 978-966-2089-40-0 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-73-7 (Герм.)

ISBN 978-0-7642-2853-7 (Амер.)

© Русский перевод: «Свет на Востоке», 2011.

© Janette Oke, 2004.

С любовью и глубоким уважением посвящаю
эту книгу памяти трех замечательных отцов:
Фредерика Джорджа Стивса,
моего папы,
которого я любила с раннего детства,
Джона Гиффорда Стивса,
дяди, заменившего мне отца,
и Гарольда Эдварда Оака,
который стал мне в браке любящим и добрым отцом.

ДЖАНЕТ ОАК родилась в городе Чемпион в провинции Альберта, что в глубине канадских прерий. Ее отец был фермером. Джанет росла в большой дружной семье. Она окончила колледж Маунтин-Вью-Байбл (Альберта), где познакомилась с будущим мужем Эдвардом. В мае 1957 года они поженились. Ее муж служил пастором в нескольких церквях в штате Индиана, а также в Канаде. Затем супружеская пара провела несколько лет в Дидсбери и Калгари: Эдвард занимал различные посты в администрации колледжей, а Джанет писала. Она является автором более шестидесяти романов и повестей для взрослых и детей. Общий тираж ее книг превысил двадцать два миллиона экземпляров.

У Эдварда и Джанет три сына и дочь. Все они обрели свои половинки и подарили родителям двенадцать внуков. Семья Оак активно участвует в жизни церкви в городе Дидсбери (провинция Альберта).

Посетите персональный веб-сайт Джанет Оак:

www.janetteoke.com

СЕМЬЯ ДЭВИС

С течением лет семья Дэвис увеличилась, и ее члены повзрослели. Возможно, вам потребуется памятка, чтобы не запутаться.

Кларк и Марти, овдовевшие в первом браке, решили объединиться, чтобы создать новую семью.

Нандри — приемная дочь, вышла замуж за Джоша Коффина. Их дети: Тина, Эндрю, Мэри и Джейн.

Клэ — вторая приемная дочь Дэвисов, сестра Нандри. Она замужем за пастором Джо Бервиком. Их дети: Эстер Сью, Джоуи и Пол.

Мисси — дочь Кларка от первого брака, стала женой Вилли Ла Хэй. Они переехали на Запад. Их дети: Натан, Джосайя, Мелисса и Джулия.

Клэр — сын Марти от первого брака, женился на Кейт. Их дети: Эмми Джо, Дэн, Дэвид и Дэк.

Арни — первый общий ребенок Кларка и Марти, женат на Анне. Их дети: Сайлас, Джон и Эйб.

Элли — второй ребенок Кларка и Марти. Замужем за Лейном Говардом. Их дети: дочь Бренда и близнецы Вильям и Уиллис.

Люк — третий ребенок Кларка и Марти, брат Арни и Элли, женат на Эбби. Их дети: Томас и Аарон.

Белинда — младшая дочь Марти и Кларка.

Глава первая

БЕЛИНДА

— Мама! Посмотри!

Услышав восклицание младшей дочери, Марти быстро взглянула на дверной проем, забыв о печенье, которое вырезала. По голосу дочери она поняла, что случилась какая-то неприятность — звук дрожал в воздухе, словно Белинда стояла прямо перед ней. У Марти похолодело в груди: «*Что случилось? Может, Белинда поранилась?*»

Она быстро оглядела стройное тело девочки, ожидая увидеть кровь. Платье Белинды, чистое и аккуратно выглаженное еще несколько минут назад, когда она вышла из дому, смялось и испачкалось. Лента выпала из одной из длинных, аккуратно заплетенных кос, и она растрепалась, свисая ей на плечи. На лице были грязь и следы от слез. Но от опытного взгляда матери не укрылось, что дочь цела и невредима. Она, сама того

не сознавая, незаметно с облегчением вздохнула, посмотрев во встревоженные, наполненные слезами голубые глаза.

— Посмотри! — еще раз сдавленным голосом воскликнула Белинда.

Марти взглянула на протянутую руку дочери. Там лежал маленький воробей с мокрыми взъерошенными крыльшками. Головка неуклюже свешивалась в сторону. Она увидела, что маленькое тельце трепещет, и содрогнулась от сострадания.

«Почему Белинда? — застонало материнское сердце. — Почему именно она нашла птицу?» Марти знала, какая у дочери добрая душа. Она целый день будет горевать о воробышке.

Марти вытерла испачканные мукой руки о передник и потянулась, чтобы обнять Белинду. Она ничего не сказала о грязном платье и растрепанных волосах:

— Где ты его нашла? — спросила она полным сочувствия голосом.

— Его кошка поймала! — всхлипнула Белинда. — Мне пришлось гоняться за ней по всему амбару, а потом... потом...

Она не могла продолжать. Слезы лились неудержимым потоком, и девочка, сотрясаясь от рыданий, спрятала головку на груди Марти.

Марти обнимала ее, пока она не успокоилась. Затем Белинда подняла на мать большие заплаканные глаза.

— Он умрет, да? — дрожащим голосом произнесла она и посмотрела на маленькую птичку, которую бережно сжимала в руке.

— Ну, я... я не знаю, — заикаясь, ответила Марти и еще раз взглянула на раненого воробышка.

Да... он умрет. Он умрет, как бы они ни мечтали о чуде. Но она не решалась сказать это Белинде. Однако раньше ей не раз приходилось видеть чудеса. *«Господи, — взмолилась она про себя, — я знаю, это всего лишь воробей, но Ты говорил, что ни одна птица не упадет на землю без Твоей воли. Если Ты так же горюешь о нем, как Белинда, то не мог бы Ты сделать так, чтобы он выздоровел?»*

— Нужно его согреть, — с надеждой предложила Белинда.

— Возьми в моем шкафу пустую корзинку. А я принесу фланель из корзинки с тряпьем, — ответила Марти.

Белинда поспешила наверх, чтобы найти корзинку, а Марти отправилась в кладовку, где держала старую одежду и простыни, которыми можно протирать пыль и мыть пол. Она нашла кусок мягкой фланели и вернулась в кухню как раз в ту минуту, когда Белинда вбежала обратно в комнату.

Они вместе устроили теплую постельку, и Белинда осторожно положила в нее крошечную птичку. При этом головка прички безвольно моталась из стороны в сторону и не было видно никаких признаков жизни, кроме едва заметной дрожи. Ее состояние было еще более тяжелым, чем они предполагали. Белинда опять расплакалась:

— Может, отвезем его к Люку?

«Ох, — подумала про себя Марти, — ехать в город из-за умирающего воробья!» Сколько «пациентов» Белинды вылечил Люк за эти годы?! Он всегда был так терпелив, делая все, что

в его власти, чтобы спасти каждое крошечное живое существо. «Но на этот раз... на этот раз он ничем не сможет помочь», — уверенно решила Марти. Но она ничего не сказала.

— Надо спросить у папы. Он скоро придет, — предложила Марти.

Она вновь занялась печеньем. Кларк и правда скоро придет, и он голоден и хочет поужинать. Марти помыла руки перед тем, как выложить печенье на противень.

Белинда взяла корзину с раненым воробышком и поставила ее в укромный уголок рядом с плитой. Марти заметила, что девочка перестала плакать, но ее глаза по-прежнему были красными и потемневшими от ужаса происходящего. «Зачем только кошки убивают воробьев?» — молча сокрушалась Марти, выкладывая печенье на плиту. Она знала, что это глупый вопрос, но у нее болело сердце, когда она видела горе дочери. Вообще-то Марти прекрасно известно, что Белинда любит и кошек, которые живут на ферме. Она точно так же боролась бы за то, чтобы спасти жизнь каждой из них, — и не раз делала это с помощью Люка. Но им обязательно нужно охотиться на маленьких птичек.

— Но это же несправедливо, мама! — взорвалась Белинда, нежно проведя пальцем по перышкам тщедушного тельца. Больше оно даже не дрожало.

Открылась и с шумом закрылась входная дверь, и еще до того, как Марти услышала голос, она поняла, что в дом вошла старшая дочь Клэра и Кейт:

— Бабушка! — позвала Эмми Джо, не успев войти в кухню. — Бабушка, ты не знаешь, где Линди?

Так Белинду называла только Эмми Джо. Более того, Марти была уверена, что Эмми Джо — единственная, кому это сходило с рук. Белинда всегда четко произносила свое полное имя, но смешливая, задорная Эмми Джо не обращала внимания на эти нежности и называла Белинду придуманным прозвищем.

— Да вот же она, у плиты! — ответила Марти, не поворачиваясь и не отводя взгляда от кастрюли, содержимое которой помешивала.

Эмми Джо вошла в комнату. Марти поняла это по прерывистому дыханию. Опять, видимо, бежала! Впрочем, Эмми Джо всегда бегала.

— А хочешь, мы... — начала девочка, подходя к любимому уголку Белинды, но замолчала. — Что это у тебя? — без особого интереса спросила она. — Очередная мышь?

— Птица, — бесцветным от горя голосом ответила Белинда.

— Что случилось?

— Ее кошка поймала.

— Она ее сильно поранила?

— Да, очень сильно.

— А почему же ты не отвезла птичку к дяде Люку?

Эмми Джо прекрасно знала, что обычно делала Белинда, когда находила больное животное.

— Мы ждем папу.

Белинда слегка отставила руку, чтобы Эмми Джо взглянула на бедняжку. На секунду фиалковые глаза девочки расширились от жалости. Воробей такой маленький, такой беспомощный, такой... помятый.

— Мне... мне кажется, он уже умер, — с искренним состраданием сказала она.

Белинда чуть не расплакалась, но тут птичка опять вздрогнула.

— Нет! — уверенно возразила девочка. — Смотри!

Марти взглянула на печенье в духовке, попросила Белинду подвинуться вместе с ее драгоценной птичкой, чтобы подбросить дров в огонь, а потом повернулась, собираясь накрывать на стол. И в этот момент, возвещая о прибытии Кларка, залаяла собака. Марти перевела глаза на часы на полке. Она запоздала, но и Кларк пришел раньше, чем она рассчитывала.

— Дедушка! — позвала Эмми Джо, как только он прошел в дверь. Но не успел он с ней поздороваться, как она выпалила: — А Линди опять нашла больную птичку!

Кларк с обеспокоенным выражением лица вошел в комнату. Он быстро оглядел комнату и заметил дочку, которая сидела на корточках в углу у плиты, крепко сжимая в руках корзину. Он встретился глазами с Марти. *«Что на этот раз?»* — безмолвно спросил он. В ответ она лишь слегка покачала головой: *«Ничего не поможет. Птица сильно изранена»*.

Когда Белинда увидела отца, ее глаза вновь наполнились слезами.

— Это воробей, папа, — ответила она на невысказанный вопрос. — Его поймала кошка.

Судя по растрепанному виду Белинды, ей пришлось долго гоняться за кошкой, чтобы выручить птичку. Конечно, это не оставило у Кларка никаких сомнений в том, в каком состоянии находится жертва. Он повесил пиджак и подошел к двум

девочкам, склонившимся над корзиной. Он протянул руку к птице, но остановился и мягко спросил:

— Совсем плоха, да?

Вместо этого он протянул руку и пригладил растрепанные волосы младшей дочери и осторожно вытер с ее щеки грязное пятно:

— Даже не знаю, что делать, — неуверенно пробормотал он. — Мне кажется, что если мы постараемся помочь бедной птичке, то только причиним ей боль.

По щекам Белинды снова потекли слезы:

— Но Люк...

— Твой брат сделал бы все, что мог, мы оба это знаем.

Дверь опять с шумом открылась. В этот раз в доме появился Дэн, еще один ребенок Клэра. Он задыхался от бега и, не успев войти в кухню, прокричал:

— Эмми! Тебя мама зовет. Пора ужинать.

Эмми Джо неторопливо поднялась на ноги. Ей явно не хотелось уходить со сцены, где разыгрывалась драма. Наверное, она надеялась, что, если родные соберутся к дяде Люку, ее тоже позовут.

— Вы поедете в город, дедушка? — быстро спросила она.

Кларк покачал головой.

— Сложно сказать. Это нужно обсудить. Боюсь...

— А что случилось? — поинтересовался Дэн. Войдя в кухню, он сел на корточки рядом с дедушкой и уставился на корзиночку.

— Ой! Мертвая птичка! — воскликнул он, не дождавшись ответа.

— Она не мертвая, — всхлипнула Белинда, — только раненая.

Дэн перевел глаза с Белинды на Кларка. Разве он сказал что-то не то? Неужели птичка?..

Кларк протянул руку и положил ее на плечо мальчика:

— Ей сильно досталось, — объяснил он, — но она борется за жизнь.

Марти посмотрела на печенье: оно красиво подрумянилось. Скоро будет готов ужин, но она едва могла подойти к плите, ведь рядом с ней толпились четыре человека, переживающих за воробья. Марти тоже было его жаль. Она огорчалась, когда видела, что маленькое существо обижают и причиняют ему боль. Но такова жизнь, в конце концов. Животные убивают и сами становятся жертвами. Так уж устроено в природе. Это закон существования пищевой цепочки. *«Кошке нужно кормить котят, — напомнила себе Марти, — она должна...»*

Но тут, перебив ее мысли, заговорил Дэн.

— Вы собираетесь отвезти его к дяде Люку? — спросил мальчик.

Кларк медленно покачал головой, но не успел он ответить, как Дэн заявил:

— А ведь он может его вылечить!

— Твой дядя Люк — хороший доктор. Я и не отрицаю, — тихо заметил Кларк. — Но и у хороших докторов возможности не безграничны. Бедную птичку сильно искусали. Не думаю, что...

— Люк говорит, что никогда-никогда нельзя сдаваться, — страстно перебила его Белинда. — Он говорит, что

всех можно спасти, если бороться, даже если пульс совсем слабенький.

— Верно, — согласился Кларк, — верно.

— Так мы поедem к нему? — взмолилась Белинда.

Кларк посмотрел на Марти поверх детских головок. «*Ты же не собираешься?..*» — было написано на ее лице, но Кларк едва заметно пожал плечами: «*А что еще мне остается делать?*»

Марти смотрела на мужа. Она знала, что он очень устал после целого дня в поле. Конечно, теперь ему легче работать, — ведь у него появился новый протез, который он получил благодаря настояниям Люка. Но даже если и так: посев — тяжелая мужская работа. У него оставались кое-какие дела, но он собирается ехать в город ради полудохлого воробья. И какой в этом смысл? Ровно никакого!

Марти опять посмотрела на Белинду. Наверняка дочь прислушается к разумным объяснениям. Ей уже исполнилось одиннадцать лет, и она должна знать, что смерть является естественным продолжением жизни. Но нет, Белинда не желала этого понимать. Она боролась со смертью каждой клеточкой своего существа, и ее главным союзником был старший брат Люк — добрый, чуткий доктор Люк. Он тоже боролся со смертью. Если кто и одобрит поездку в город ради спасения воробья, так это ее брат.

— Пойду запрягу лошадей, — предупредил Кларк.

— Но... но как же ужин? — осмелилась возразить Марти. — Твой...

— Подождет, — ответил Кларк, умоляюще глядя на Марти. Он надеялся, что она поймет.

Она поняла. Кларк решил съездить в город не ради умирающей птички. Он хотел помочь дочери, чтобы не разбить ей сердце.

— Прости... прости, что задал тебе новую работу, — пробормотал Кларк. — А главное, не суетись. Я найду, что поест, когда вернусь домой.

Но Марти беспокоилась вовсе не из-за работы, а о нем, Кларке. Он должен поужинать. Он должен отдохнуть. И все же...

Дверь опять открылась, и в кухню с шумом вбежал четырехлетний Дэк. Его ярко-рыжие волосы, как обычно, были взъерошены. Он был младшим сыном Клэра и всеобщим любимцем. Когда он увидел, что Кларк накидывает на плечи пиджак, который недавно снял, его веснушчатое лицо с круглыми щечками расплылось в широкой улыбке.

Он обхватил пухлыми ручками ноги дедушки, проказливо ему улыбнулся и стал молотить Кларка кулачком по протезу.

— Тук-тук! — шаловливо воскликнул он, — тук-тук!

Кларк не стал одергивать мальчика. Он наклонился и взял его на руки.

— Кто стучится в дверь мою? — с напускной серьезностью задал он вопрос, который предполагался в их маленькой игре.

— Это я, Дэк! — радостно ответил малыш.

— Какой Дэк? — как полагается, спросил дедушка.

— Быстрый Дэк, ловкий Дэк... не поймать меня вовек! — ликуяще выкрикнул мальчик.

Они вместе рассмеялись, и Дэк обнял толстенькими ручками дедушку за шею.

— А зачем Дэк ко мне пришел? — поинтересовался Кларк.

— Меня мама послала, — объяснил он. — Она сказала, чтобы я позвал Эмми и Дэна.

Кларк посмотрел на детей, которые по-прежнему заглядывали в корзинку Белинды.

— Да, лучше поторапливайтесь, — посоветовал он, — а то если за вами придется идти папе, он будет очень недоволен.

Они встали, и Эмми Джо взяла младшего брата за ручку, в последний раз взглянув на дедушку, словно надеясь, что он пригласит ее поехать с ним.

Кларк обернулся к Белинде.

— Я буду готов через минуту, — известил он ее. — Лучше взять пальто. — И он тут же ушел.

Вздохнув, Марти повернулась, чтобы вынуть печенье из духовки. Хрустящее печенье было таким горячим, что от него исходил пар, — все именно так, как любит Кларк. Но сейчас он не станет его есть, а когда вернется, оно уже остынет. Марти сняла печенье с противня. Вдруг Белинда тихо всхлипнула. Марти бросилась посмотреть, что за беда опять приключилась.

— По-моему, он уже умер, — прошептала Белинда сквозь рыдания. — Посмотри! Он похолодел.

Марти взглянула на воробьишку. Белинда права. Доктор Люк уже не сможет ему помочь.

Девочка вновь разразилась слезами, и Марти обняла ее, чтобы утешить.

— Нужно сказать папе, пока он не запряг лошадей, — тихо пробормотала она скорее себе, чем дочери, но пораженная горем Белинда кивнула.

Марти подумала, что этот кивок означает, что она не возражает, и поспешила в конюшню за Кларком. По пути она глубоко вздохнула. Она была рада, что мужу не придется ехать в город, а бедная птичка больше не страдает, но ей было жаль, что Белинда так сильно мучается каждый раз, когда видит страдания птицы или животного. Прекрасно, что девочка умеет сопереживать, — это признак благородства натуры, но Белинда чересчур чувствительна. Она во многом похожа на старшего брата, Люка. Очень похожа! Она даже более чувствительна, чем он. *«Ей будет тяжело жить, — сокрушалась Марти. — Сколько боли, жестокой боли, придется ей вытерпеть на жизненном пути?»* От этой мысли она вздрогнула.

Кларк выводил из стойла первую лошадь.

— Слишком поздно, — сказала Марти. — Птичка умерла. Так что садись ужинать.

На лице Кларка отразилось беспокойство, а не облегчение, как можно было ожидать.

— Она справится, — уверяла мужа Марти. — Поплачет немного, затем похоронит его, и воробей упокоится в саду рядом с другими животными. Завтра она снова придет в себя.

Они оба знали, что так оно и будет. Некоторое время Белинда печалилась о потере, но потом к ней возвращался ее веселый нрав. Они не раз видели это раньше. Марти пошла к дому, а Кларк повел Короля обратно в конюшню. Похоже, жеребец радовался, что поужинает вовремя.

Кларк снял упряжь, повесил ее на крючок и направился к дому. Только тогда он понял, как устал и проголодался. Но

его походка была твердой и ровной. Хромота была едва заметна. Кларк снова порадовался тому, что деревянный протез служит ему почти так же хорошо, как собственная нога. Приятно, что руки свободны! Наконец-то он избавился от костыля. Но он сильно утомился, и сейчас все тело ныло из-за давления протеза на культю. Он мечтал о том, как снимет его и поставит на ночь в угол.

Но сейчас он этого не сделает. Ему еще нужно кое-чем заняться. И он не снимет его и после того, как все закончит. Он знал, что Марти внимательно наблюдает за ним, улавливая малейшие признаки боли или усталости. Если он снимет протез до того, как ляжет спать, она поймет, что ему нездоровится. А она и так сильно о нем беспокоится. Зачем ее расстраивать! Нога отдохнет, пока он поужинает, а когда придет пора заняться делами, он наверняка почувствует себя лучше.

Кларк радовался, что ему не придется вместе с воробьем долго трусить на лошади в город. Он слегка улыбнулся, подумав о том, сколько раз мечтал о том, чтобы в мире не осталось ни одного воробья. Надоедливые маленькие проказники! А Белинда еще переживает о них. И все же... они тоже Божьи твари, и Кларк с радостью помог бы Белинде бороться за то, чтобы спасти жизнь одному из малых сих.

Глава вторая

ДОКТОР ЛЮК

Как и предсказывали Кларк и Марти, Белинда оплакала умершего воробья, заботливо сложив ткань и выставив ею коробку, чтобы похоронить его в ней. Она позвала Эмми Джо и всех мальчиков, чтобы они вместе с ней после ужина участвовали в маленькой церемонии. Она заплакала, когда птичку опустили в ямку рядом с другими могилками в дальнем конце сада.

Когда все было закончено, девочка вновь вспомнила о детских забавах. Воскресный вечер завершился радостной игрой в пятнашки, в которой участвовали все пятеро детей.

Марти, вылив воду из таза на розовый куст у двери, вздохнула с облегчением. По характеру Белинда была радостной, спокойной девочкой. *«Если бы только она не горевала так сильно, когда находит мертвых или умирающих животных!»* — в сотый раз

взмолилась она про себя. Она всей душой надеялась, что в конце концов Белинда смирится с тем, что жизнь бывает жестока, и это будет вызывать у нее меньше переживаний. Никто не говорит, что страдание — это хорошо. Но всем приходится время от времени сталкиваться с болью. Марти подождала Кларка, который шел к дому с ведром, до краев наполненным белым пенящимся молоком.

— По-моему, она уже оправилась от горя, — сказал он, с облегчением незаметно кивнув в сторону Белинды.

— Да, обычно она довольно быстро забывает о неприятностях, но сколько слез она проливает, когда о них узнает! — ответила Марти, когда они вместе вошли в дом.

— Если честно, я предпочитаю иметь чувствительную дочь, а не черствую и бессердечную, — заметил Кларк.

Марти покачала головой и вздохнула. Она много раз убеждалась в том, что чувствительность Белинды — черта, к которой сложно привыкнуть.

— Она изменится, когда подрастет, — успокоил ее Кларк. — Надеюсь, она не будет бросаться из крайности в крайность.

Марти не могла представить, что Белинда сильно изменится.

— Не думаю, что такая опасность существует, — уверила она мужа.

— Буду молиться о том, чтобы ее чуткость приносила пользу, — заметил Кларк. — Должно быть, у Бога есть особое предназначение для таких, как Белинда.

Марти, процеживая молоко и наливая в кувшин, чтобы потом снять с него сливки, раздумывала над словами мужа. Кларк

стал поворачивать ручку сепаратора, а Марти стояла и слушала тихое жужжание. Вскоре Кларк набрал нужную скорость и повернул кран, чтобы молоко вылилось во вращающуюся миску аппарата. Молоко показалось из левого носика, а вскоре из правого в кувшин для сливок заструился более тонкий ручеек густых сливок.

— Она так похожа на Люка! — решила Марти, продолжая разговор, который они начали несколько минут назад.

Кларк кивнул:

— И на Арни. Он настолько чувствительный, насколько позволительно мужчине.

Теперь кивнула Марти. Да, Арни *чувствительный*. Он не мог смотреть на то, что кто-то мучается от боли. Но он бы не стал плакать в открытую, как Белинда. Арни бы просто отошел в сторону, и только по его несчастным глазам было бы заметно, как страдает его душа, когда он сталкивается с неизбежными горестями человеческой жизни.

— Бедный Арни, — заметила Марти. — Наверное, Белинде немного проще. Во всяком случае, она может поплакать, когда страдает. А мальчики, особенно Арни, всегда старались сдерживать слезы.

— Интересно, где они этого набрались? — подхватил Кларк. — Я никогда не говорил им, что мальчики не должны плакать.

— И я не говорила. Наверное, в школе нахватались. Дети иногда бывают жестоки друг к другу.

Молоко и сливки продолжали литься из носиков сепаратора.

— Забавно! — продолжала размышлять Марти. — Они похожи, и в то же время такие разные!

— Как это?

— Ну, Люк заботливый и чуткий, верно, но... он не прячется от боли. Он выходит ей навстречу и сражается с ней. Я не сомневаюсь в том, что он вполне заслужил право стать врачом. А вот Арни никогда бы не смог заниматься медициной. Он не выносит вида страданий и, как я заметила, пытается от них отстраниться.

Кларк, кажется, задумался над высказыванием Марти.

— По-моему, ты права, — наконец с печалью согласился он. — Арни было бы тяжело работать врачом. У него гораздо лучше получается просто быть отцом.

Марти улыбнулась. Арни и правда был прекрасным отцом. Сначала они даже беспокоились, что он разбалует малышей, но он избежал этой опасности. И, хотя это было ему тяжело, он наказывал детей, когда они этого заслуживали.

Хорошо, что Арни помнил об этом. Трое его сыновей были весьма неугомонными. Они нуждались в сильном, твердом влиянии отца. Мать, миниатюрная Анна, с трудом с ними справлялась. Марти улыбнулась, подумав об этом трио. Сайлас был ровесником Эмми Джо. Они родились с разницей всего в четыре дня. Недавно они отпраздновали десятый день рождения. Белинда старше их почти на год.

Среднего сына звали Джон. Ему исполнилось семь лет, и он уже ходил во второй класс. Эйб, младшенький, еще оставался дома, но ему уже не терпелось пойти в школу со старшими братьями. Анна делала все, что могла, чтобы его развлечь.

Он просил научить его читать, чтобы не отставать от братьев, когда те сидели, уткнув носы в книги. Анна считала, что учить его должны в школе, но Эйб не давал ей покоя, и в конце концов она сдалась и показала малышу буквы. И теперь старшие мальчики приносили в дом книги, чтобы маленький Эйб тоже их читал.

Плавное течение мыслей Марти было прервано топотом бегущих ножек. Дэвид, третий ребенок Клэра, ворвался через заднюю дверь. Его глаза горели, а щеки покраснелись от бега.

— Спрячь меня, спрячь меня, бабушка! — взволнованно воскликнул он.

— Вот это да! — заметил Кларк, который только что закончил работать с сепаратором. — А я думал, что по правилам в доме прятаться нельзя.

Дэвид тут же остановился и уперся взглядом в пол. Он знал это правило. Секунду он стоял молча, а потом с веселой искоркой в глазах взглянул на Кларка:

— Тогда спрячь меня на улице! Хорошо, дедушка?

Кларк расхохотался.

— Где же я тебя спрячу? — спросил он малыша.

— Не знаю. Но ты всегда придумываешь что-то интересное. Правда!

Малышу не сразу удалось уговорить Кларка участвовать в игре.

— Пожалуйста! — упрашивал Дэвид.

Кларк посмотрел на Марти и опять рассмеялся. Она знала, что он мечтал сесть в любимое кресло, вытянуть ногу

и погрузиться в интересную книгу. Но вместо этого Кларк взял Дэвида за ручку.

— Кто водит? — спросил он.

— Дэн. И он очень хорошо ищет, — театральным шепотом предупредил Дэвид.

— А кто-нибудь прятался на грядке с ревенем? — так же тихо и таинственно спросил Кларк, подыгрывая внуку.

Дэвид покачал головой. Его глаза заблестели, когда он понял, как здорово будет прятаться под большими листьями ревеня.

— Может, там попробуем? — предложил Кларк, и они вдвоем вышли из кухни.

Марти закончила вечерние дела и поставила молоко и сливки охлаждаться.

Она еще раз протерла стол и, услышав лай собаки, повернулась. Она не ждала гостей. Уже темнело. *«Кто решил навестить нас в такой поздний час?»* — недоумевала она, выглядывая в окно.

В сумерках она безошибочно узнала лошадь, привязанную к жерди. На седле висел черный докторский саквояж Люка. Во дворе слышались крики: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать!», которые тут же сменились восклицаниями: «Дядя Люк!» Марти подошла к двери, чтобы приветствовать сына.

Белинде уже удалось завладеть вниманием брата. Она рассказала ему печальную историю о воробье и его безвременной смерти. Люк, внимательно слушая, наклонился к ней:

— Если бы ты был здесь, он бы, возможно, не умер, — закончила Белинда с легкой тенью упрека в голосе.

Люк не ответил, что у него были дела поважнее, хотя он вполне имел на это право. Он даже не привел в свое извинение тот факт, что никак не мог прослышать о несчастной птичке. Вместо этого он нежно погладил Белинду по плечу.

— Мне очень жаль, — сказал он, — мне очень жаль, что я не приехал раньше.

Судя по выражению лица старшего брата, Белинда могла не сомневаться, что он и правда так думает. И хотя она была еще ребенком, но осознавала: Люк не виноват в том, что его не было здесь, когда в нем нуждались. Казалось, Белинда опять заплачет, но она проглотила слезы и взяла Люка за руку.

— Ничего, — успокоила она его, — ты же не знал. Он был в таком плохом состоянии, что, наверное... — Белинда не закончила предложения и вытерла мокрые глаза.

— Что привело тебя к нам? — спросил Кларк у Люка, когда Марти подошла к воротам.

— Только что на свет появился еще один член семьи Грэхам, — с широкой улыбкой возвестил Люк.

— О! — воскликнула Марти с горящими глазами. — Жена Лу родила? И кого?

— Еще одну девочку.

— Вот это да! Значит, теперь у них пять дочерей, — рассмеялась Марти. — Ма надеялась, что на этот раз у нее появится внук. Надо же! У нее одни внучки, а у нас одни внуки. Мне кажется, давно пора выровнять счет.

— Ну, когда я уезжал, Ма Грэхам суетилась над девочкой, словно именно ее она и хотела видеть, — рассказывал Люк. — Если она и почувствовала разочарование, то я этого не заметил.

— Ну конечно! — ответила Марти. — Наверняка она очень рада! И я бы точно так же кудахтала над очередным внуком. И все же я счастлива, что Эмми Джо растет у меня под боком.

И как раз в эту минуту во дворе раздался голос Кейт:

— Эмми Джо, веди мальчиков домой! Пора ложиться в постель.

Марти видела разочарование на маленьких личиках, но дети повиновались приказу матери.

Люк вытянул руку, чтобы взъерошить волосы проходившего мимо Дэка:

— Увидимся завтра. Не забудьте, что после церкви вы все приглашены на обед.

Нахмуренные брови сменились радостной улыбкой, и маленький Дэк побежал вперед, чтобы догнать старших братьев и сестру.

— Может, зайдешь, выпьешь кофе? — спросила Марти младшего сына.

Люк улыбнулся.

— А я уже боялся, что ты меня и не спросишь, — пошутил он, перекидывая поводья через жердь. — Сегодня был тяжелый день. Я думал, что малышка отказывается появляться на свет. По-моему, она хотела как можно дольше потомить нас ожиданием.

Марти вернулась в дом и поставила кофейник на плиту. Она отрезала несколько кусков тыквенного хлеба и поставила их на стол. Люк даже не стал дожидаться кофе, а сразу занялся ими.

— Ты должна научить Эбби печь такой хлеб, — попросил он, набив рот.

Марти улыбнулась, подумав о жене Люка, которую он привез с Востока, где учился на врача. Эбби — прекрасная девушка, с таким же добрым сердцем, как у Люка. Но она не знала, что делать с урожаем, ведь она выросла в городе, где в садах росли только цветы. Однако она старалась изо всех сил, и теперь у нее был свой огородик. Ей нравилось наблюдать за тем, как растут овощи, и она училась их готовить.

— Конечно, я с удовольствием дам ей рецепт, — ответила Марти, потрепав Люка по плечу и направляясь за кофе. Она наморщила в улыбке губы, втайне вспоминая про кулинарные попытки, которые делала, когда стала женой Кларка.

Люк достал из кармана маленькую книжицу и стал что-то записывать.

— Уже тридцать семь, — заметил он.

— Что тридцать семь? — пискнула Белинда, сидевшая на высоком деревянном сундуке.

— Тридцать семь малышей. Я принял тридцать семь младенцев с тех пор, как стал врачом.

— Ничего себе! Это много! — заметила Марти.

— Но ведь прошло почти семь лет. Семь лет! Ты только подумай!

— Трудно поверить, — заметил Кларк. — У меня такое чувство, как будто ты недавно закончил учебу.

— Принимать роды, должно быть, самая приятная часть твоей работы, — предположила Марти, наливая кофе.

— Да, это волнующее событие, но и все остальное мне тоже нравится. Мне кажется, скоро я устану просто ждать, когда малыши решат, что пришла пора появиться на свет.

— А тебе нравится накладывать швы? — спросила Белинда, и ее вопрос напомнил Марти о том, что девочке пора ложиться спать.

— Белинда, скорее умывайся. Ты давно должна быть в постели, — спокойно приказала она.

Несомненно, девочка пожалела, что не удержала язык за зубами: может, в этом случае мать бы ее не заметила. Сначала Белинда собиралась возразить, но поймала взгляд отца. Он говорил ей, что никто не смеет оспаривать приказания матери. Белинда неохотно поднялась, чтобы выполнить то, что ей велели.

— Я приду подоткнуть тебе одеяло, когда ты ляжешь, — пообещал Люк, и она радостно выбежала из кухни, чтобы подготовиться ко сну.

Съев еще один кусок тыквенного хлеба, Люк, как и обещал, направился в комнату Белинды. У них с сестрой были очень теплые взаимоотношения. Он помнил, как долго мечтал о том, чтобы у него появился маленький братик или сестричка. Но он любил Белинду не только поэтому. Он чувствовал в ней родственную душу. Белинда любила ухаживать за больными животными и возвращать их к жизни. Рукой, которая по-прежнему пахла лекарствами, он погладил ее волосы. Белинда говорила, что ей нравится, как пахнут врачи. Она слегка повернула голову к его руке и стала дышать ровнее.

— А тебе нравится накладывать швы? — повторила она вопрос, из-за которого ее прогнали с кухни.

— Конечно. Конечно, нравится. Мне очень жаль больных, которым приходится накладывать швы, но я рад, что умею это делать.

Глаза Белинды засияли.

— Мне бы тоже так хотелось, — призналась она.

Люк погладил воздушные золотистые кудряшки, обрамлявшие ее лицо.

— Лучше бы я родилась мальчиком, — вздохнула Белинда.

— Мальчиком?

Вообще-то, некогда Люк тоже мечтал об этом, но теперь эта мысль показалась ему странной. Его дорогая маленькая сестричка была самым замечательным человеком на свете.

— Почему? — спросил он. — Почему мальчиком?

— Тогда я могла бы стать врачом, — ответила Белинда.

Она еще раз вздохнула и заглянула Люку в глаза.

— Если бы я была врачом, — сказала она, — мне бы не пришлось ждать, когда ты приедешь. Я бы все сделала сама.

— Например, помогла птенчику? — мягко спросил Люк.

Белинда только кивнула, и ее глаза вновь стали грустными.

— Необязательно становиться доктором, чтобы этому научиться, — утешил ее старший брат, — ты могла бы работать медсестрой.

— Я? — выдохнула Белинда, широко раскрыв засверкавшие при этой мысли глаза.

— Конечно.

Девочка улыбнулась, но затем счастливое выражение лица сменили нахмуренные брови.

— Ничего не выйдет, — грустно сказала она. — Мама никогда не позволит мне уехать на Восток, чтобы выучиться на медсестру.

Люк надеялся, что на его лице не появилось ни тени удивления или смеха.

— Пожалуй, нет, — ровным голосом ответил он, — пожалуй, нет, — по крайней мере, сейчас. Мама не хотела, чтобы я уезжал из дому, когда мне было одиннадцать лет. Сначала нужно вырасти.

— Но... но... — начала Белинда, и Люк ее перебил:

— Ждать слишком долго, да?

Белинда с грустным видом кивнула.

— Я тоже так думал. И потому ходил по пятам за доктором Уоткинсом. Я хотел научиться всему и как можно быстрее.

В глазах Белинды по-прежнему отражалось разочарование.

— Но доктор Уоткинс уже умер, — заметила она.

Люк почувствовал боль, вспомнив о добром докторе. Он умер через два года после того, как Люк начал практиковать. Доктор отправился на рыбалку в одиночестве, и Люк часто раздумывал, нельзя ли было его спасти, если бы он был не один. Но все *если бы* не могли вернуть добряка.

Он перевел взгляд на Белинду.

— Ну, а *я-то* здесь, — просто заметил он.

Некоторое время она смотрела на него.

— Ты будешь меня учить? — наконец решилась она.

— Почему бы и нет? Мне кажется, из тебя получится хорошая медсестра. Если ты будешь прилежно работать и...

— Я буду, буду! Обещаю! — воскликнула она, садясь на кровати и протягивая руки к брату.

Люк ущипнул ее за мягкую щечку и поцеловал в лоб.

— А теперь тебе пора спать, — посоветовал он. — Быть медсестрой — очень тяжелая работа. Тебе необходим отдых.

Белинда минуту прижимала его к себе.

— Спасибо, Люк, — прошептала она.

— Не за что, — ответил он и еще раз поцеловал ее, а потом накрыл одеялом до подбородка.

Люк опять присоединился к родителям, которые сидели в просторной кухне. Мать налила ему еще чашку кофе.

Он устало вытянул ноги.

— Значит, сегодня Белинда задала вам хлопот? — спросил он.

— Да уж, она устроила настоящий переполох, — ответила Марти. — Бедный отец чуть не поскакал в город, не успев поужинать.

Люк посмотрел на отца и улыбнулся.

— Я и не знал, что ты так переживаешь из-за воробьев, — пошутил он. — Помню, когда я был ребенком, ты разорил пару гнезд.

Кларк пробежал рукой по густой шевелюре и робко улыбнулся сыну в ответ:

— Ты же не расскажешь об этом Белинде, правда?

Люк засмеялся, а Кларк продолжал:

— Думаешь, я ее разбаловал?

Люк серьезно посмотрел на отца.

— Я этого не говорил, — медленно произнес он, а затем со смущенным видом сказал. — Ты же знаешь, я сам бы стал

искать лекарства от «птичьего шока» и бороться за жизнь этого воробышка, если бы ты привез его ко мне.

Они дружно рассмеялись.

Марти посмотрела на сына и серьезно сказала:

— Люк, я за нее беспокоюсь. Она такая чувствительная, что я боюсь, сможет ли она примириться с происходящим в большом мире — с жизнью и смертью. Она сильно горюет, когда видит чужие страдания.

Люк долго молчал.

— Она хочет стать медсестрой, — наконец медленно сказал он.

Марти ахнула, широко раскрыв глаза:

— Кто, Белинда? Да это ее убьет! Она не выдержит, если ей придется смотреть на страдание мучающихся от боли людей.

— Ты говорил с ней об этом, предупреждал? — спросил Кларк.

— Я? — переспросил Люк и, не удержавшись, хмыкнул: — Ну, нет... не совсем. На самом деле, я... я... ну, я обещал ей помочь.

Мать и отец посмотрели на него так, словно он сошел с ума.

— Но... она никогда не сможет...

— Это разобьет ей сердце, уж будь уверен.

— Вообще необязательно! — возразил Люк. — Я знаю, что сейчас она не может спокойно смотреть на то, как мучается живое существо. Но может... может, ей как раз и нужно больше узнать о страданиях. Разве вы не понимаете? Если она почувствует, что действительно помогает тем, кто страдает,

то станет хорошей медсестрой. Замечательной медсестрой! Она будет стараться... Она будет очень стараться...

Люк не закончил свою мысль, позволив ей повиснуть в воздухе, и внимательно оглядел родителей. Марти покачала головой и взяла чашку с кофе, поглаживая ручку. Кларк стал машинально тереть заболевшую ногу.

— Я бы хотел иногда брать ее с собой, — спокойно заявил Люк.

Марти и Кларк разом вскинули головы. Две пары глаз воззирились на Люка, чтобы убедиться в серьезности того, что он говорит. Все молчали.

— Не возражаете? — спросил Люк.

Кларк и Марти молчали, безмолвно совещаясь друг с другом.

— Так что? — надавил Люк.

Кларк растянулся в кресле. Он прочистил горло и опять посмотрел на Марти.

— Конечно, — медленно начал он, — конечно. В свое время...

— Па, — перебил его Люк, — по-моему, время пришло.

— Но ведь она еще ребенок! Ей всего одиннадцать! — воскликнула Марти.

Люк помолчал минуту, потом сказал:

— Я помню себя в одиннадцать лет. Помню...

Его голос звучал тихо, но приковывал к себе внимание. Наконец Марти сказала:

— Все это так неожиданно! Просто... ну... у нас не было времени подумать... и помолиться. Можно, мы это обсудим?

Люк поставил чашку на стол и поднялся.

— Конечно, — улыбаясь, ответил он, — конечно. Подумайте, обсудите, помолитесь. Белинда подождет.

Кларк тоже поднялся из-за стола.

— Ну, мне пора бежать, — заметил Люк. — Эбби захочет, чтобы я рассказал ей о новорожденном.

Он наклонился, чтобы поцеловать Марти в щеку, а затем потянулся за пальто.

— Не беспокойся, ма, — попросил он. — Она еще маленькая девочка. Она еще не скоро уедет из дому. Не будем на нее давить. Если Белинда почувствует, что ей это не подходит, мы направим ее на другую дорогу.

Марти слабо улыбнулась Люку. Она погладила его по руке, словно желая сказать, что никому другому не решилась бы доверить будущее дочери, и он пожал ее руку в ответ, безмолвно показывая, что все понимает.

Глава третья

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Несмотря на то, что Марти была полна решимости молиться, а не беспокоиться, на следующее утро она проснулась в таком же расстройстве. Если бы только они были уверены, что поступают правильно! Неужели Белинда и впрямь создана для того, чтобы стать медсестрой? Неужели она поняла это уже в одиннадцатилетнем возрасте? Готова ли она ездить к больным вместе с Люком? Он, правда, начал помогать доктору Уоткинсу, когда был очень юн, но все же он был старше одиннадцати лет.

А у Белинды не было никаких сомнений.

— А знаете, что? — гордо объявила она за завтраком. — Люк сказал, что я могу сопровождать его, когда он лечит больных людей.

Марти взглянула на Кларка. Они допоздна обсуждали предложение Люка. Она до сих

пор не была уверена в том, что готова разрешить это Белинде, но в конце концов они положили, что раз Белинда хочет именно этого, они не станут ей запрещать.

— Ты уверена, что готова ему помочь? — спросил Кларк.

Бессмысленный вопрос. Глаза Белинды горели радостным ожиданием.

— А можно? — умоляющим голосом спросила она.

— Мы с твоей мамой много об этом говорили, — заметил Кларк.

— Почему ты хочешь этим заниматься? — мягко спросила Марти.

Вопрос изумил Белинду. Ей казалось, что мать все понимает без объяснений.

— Почему? — повторила Марти. — Ты же знаешь, что иногда Люк сталкивается с очень неприятными вещами. Люди сильно болеют. Некоторые ужасно страдают. Неужели ты хочешь это видеть?

Белинда скорчила гримаску и погрузилась.

— Помнишь ту маленькую птичку? — продолжала Марти. — Она ослабла, ей было больно. Иногда такое происходит и с людьми. Ты думаешь, что сможешь выдержать зрелище таких страданий?

Это был справедливый вопрос, и, судя по выражению лица Белинды, она это понимала. Она побледнела и некоторое время молчала.

— Мне страшно об этом думать, — честно ответила она. — Я знаю, это тяжело. Но кто-то должен помогать им, чтобы они выздоровели. Именно этим занимается Люк. Но ему тоже

требуется помощь. А у него нет медсестры. Я могла бы стать медсестрой. Я бы подавала ему инструменты и лекарства, помогала накладывать швы...

— Хорошо, — сказала Марти, кивнув головой. — Если ты так хочешь... Я... я думала, ты будешь школьной учительницей, как Клэ или Мисси, но если ты уверена, что...

Лицо Белинды по-прежнему было белым, но она твердо кивнула головой.

— Уверена, — сказала она. На секунду ее охватили сомнения. — *Думаю*, что уверена.

Она задумалась, прежде чем заговорить вновь:

— Я никогда не узнаю наверняка, если не попробую, верно?
Кларк кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Но мы не считаем, что нужно спешить. Ты слишком молода, чтобы думать о медицине. Мы с мамой должны еще раз это обсудить.

Белинда кивнула, показывая, что поняла: эта тема больше не обсуждается. После утренней воскресной службы они вместе отправились на ужин к Люку и Эбби. Все принесли с собой какие-то блюда. Родных было очень много, и молодой женщине было бы тяжело приготовить столько угощения, чтобы хватило на всех. На заднем дворе под большим кленом были накрыты столы. Пока упряжки подвозили к дому новых гостей, на столы выставляли тарелки с летними закусками. Братья и сестры прекрасно проводили время. Детей было столько, что, когда они собирались вместе, можно было играть сразу в несколько игр. Они разделились на группы по возрасту и предпочтениям, а потом разбрелись по разным уголкам

сада, чтобы как следует наиграться и набегаться, как и положено в воскресенье.

Самыми старшими были дети Нандри, но в тот день все они отсутствовали. Тина уже вышла замуж и жила в маленьком городке недалеко от родителей. Марти с трудом верила, что одна из их внучек уже замужем, — хотя она и была старшей из детей ее приемной дочери. Эндрю уже исполнилось восемнадцать лет. Он работал на соседней ферме, и потому он также не пришел на семейный обед в воскресенье. Мэри и Джейн жили в родительском доме, но они считали себя слишком взрослыми, чтобы участвовать в детских забавах. Вместо этого они присматривали за двумя младшими сыновьями Люка, самыми маленькими членами семьи. Улыбка играла на губах Марти, когда она любовно оглядывала родных. Должно быть, Кларк поймал ее взгляд.

— Почему ты улыбаешься? — хитровато спросил он.

— Просто подумала... — ответила Марти, — как разрослась наша семья. Посмотри. А ведь с нами нет и половины родных! Клэ и Джо нет, Мисси и Вилли нет, Элли и Лейна нет... Что бы мы делали, если бы собрались вместе?

Кларк оглядел гостей и тоже им улыбнулся.

— Ничего, — спокойно ответил он, — как-нибудь разобрались бы.

Затем он опять повернулся к Марти:

— Но сколько их всего, кстати?

Она засмеялась этому неожиданному вопросу.

— Ты даже не знаешь, сколько у тебя детей и внуков! — поддразнила она.

— Мне никогда не приходило в голову сесть и сосчитать, — ответил Кларк.

— А ты попробуй, — весело предложила Марти. — А мне пора идти на кухню.

Сказав это, она подхватила подол юбки и быстро побежала вниз по ступенькам.

После ужина, когда все отдыхали на заднем крыльце, Кларк вновь поднял тему о количестве членов их семьи.

— Я подсчитал, — сказал он Марти, которая взяла маленького Аарона на колени.

— Что подсчитал? — удивилась она.

— Наших детей и внуков. Получилось тридцать восемь.

— Что ты сделал? — спросил Арни, наклоняясь вперед в кресле.

— Подсчитал детей и внуков.

— Чьих детей и внуков? — заинтересовался Люк.

— Наших. Моих и Марти. Тридцать восемь — вот что у меня получилось.

— Не может быть! — недоверчиво воскликнул Люк.

— Сам подумай. Конечно, я сосчитал и тех, кого мы усыновили, на ком женились вы, наши дети, и тех, чьи семьи к нам присоединились, — я всех подсчитал.

— Но ты же немного смошенничал, не так ли? — добродушно спросил Арни.

— Как так? Они же все наши, разве нет?

Дэк, громко топая, поднялся по лестнице, вереща, словно индеец на тропе войны. Подол рубашки выбился из штанишек,

рыжие волосы торчали в разные стороны, а колени были вымазаны зеленой травой.

— Только посмотрите на него! — рассмеялся Кларк, схватив Дэка за талию, когда тот пробежал мимо. — Даже не знаю, готов ли я признать, что это мой внук.

Все дружно расхохотались, Кларк подбросил расшалившегося внука в воздух и стал сильно раскачивать его, так что малыш завизжал от удовольствия. Вскоре он поставил его на землю, и Дэк протянул кулачок, чтобы постучать по протезу Кларка.

— Тук-тук! — воскликнул он. — Тук-тук!

— Если когда-нибудь малыш ударит его по другой ноге, папе будет некого винить, кроме самого себя, — заявил Клэр. — Игра может закончиться плачевно.

Но Кларк, чтобы позабавить Дэка, решил не останавливаться.

— Кто стучится в дверь мою? — спросил он, сделав вид, что расстроился, и Дэк опять взвизгнул и вырвался из объятий дедушки.

Когда семья Дэвис встречалась на воскресных обедах, девочек было намного меньше, чем мальчиков. Две старшие дочери Нандри оставались с женщинами или приглядывали за малышами, а Белинде и Эмми Джо приходилось самостоятельно искать себе развлечения. В основном они играли в те же игры, что и мальчики, но иногда, если они становились слишком буйными, девочки придумывали новые забавы.

Они привыкли проводить время вместе, ведь они жили на одном дворе. Разница в возрасте составляла около года, и это никогда им не мешало, так же, как различия в характере. Белинда была мягкой и серьезной девочкой, а Эмми Джо — беспечной и смешливой. Она не боялась рисковать или бросать вызов, мучила мать своей беспечностью и старалась превзойти отца в умении устраивать розыгрыши. Кейт мечтала о том дне, когда девчонка-сорванец превратится в юную леди, но ее отец, Клэр, был в восторге от заразительного смеха и шумного нрава дочери.

Несмотря на различия в характере, девочки прекрасно ладили друг с другом. Нельзя сказать, что Эмми Джо предводительствовала в дружбе с Белиндой, хотя именно она придумывала проделки за них обеих. Белинда была главной в другом: она умела брать на себя ответственность, заботилась о других, любила ходить в церковь. Девочка часто повторяла замечания или моральные уроки, которые слышала от священника или родителей. Если Эмми Джо пребывала в подходящем настроении, она прислушивалась к увещеваниям, но если настроение менялось, она тут же обвиняла Белинду, что та «командует».

Но если они иногда и ссорились, то быстро мирились. Эмми Джо не хватало терпения, но она не была злопамятной и быстро забывала, из-за чего сыр-бор разгорелся. Более того, она вообще забывала, что была какая-то ссора.

Обычно именно Эмми Джо предлагала оставить мальчиков и искать собственные развлечения. Не то чтобы ей не нравились мальчишеские игры — она была такой проказливой, что

получала удовольствие от чего угодно, — но она любила верховодить, а мальчики иногда упорно отказывали ей в этом.

И потому после нескольких раундов игры в пятнашки, а также в «краснокожих» Эмми Джо предложила Белинде оставить мальчиков, чтобы они играли в свои «глупые» игры, а они в то время будут плести венки из одуванчиков. Белинда с радостью согласилась. Ей не терпелось поделиться с кем-то хорошей новостью, и Эмми Джо была идеальным кандидатом. Белинда пока не хотела говорить об этом мальчикам. А вдруг они рассмеются и начнут ее дразнить?

— А знаешь что? — начала Белинда, когда они обе сели в тени клена, положив на колени груды одуванчиков. — Люк будет брать меня с собой.

— Куда? — спросила Эмми Джо, немного уязвленная тем, что ей не предложили участвовать в новом приключении.

— Никуда, — ответила Белинда, огорченная недогадливостью подруги.

— Так как же он возьмет тебя с собой? — возразила Эмми Джо, откидывая рыжеватые кудряшки.

— Глупо, — недовольно ответила Белинда. — Я имела в виду, что он будет брать меня с собой на визиты к больным. Он разрешит мне смотреть.

На лице Эмми Джо отразился ужас, а не восхищение.

— Зачем? — изумленно спросила она.

— Чтобы я училась, — объявила Белинда. Разговор проходил совсем не так, как она надеялась.

— Чему?

— Оперировать, вправлять вывихи и...

— Фе-е... — перебила ее Эмми Джо, высунув язык.

Белинда закусила губу. Ей хотелось назвать Эмми Джо ребенком, а затем встать и уйти. Ну их, эти венки из одуванчиков! Но вместо этого она стала считать про себя до десяти, как учил ее отец.

— Ты правда этого хочешь? — спросила Эмми Джо.

— Конечно, — ответила Белинда, упрямо выставив подбородок.

— А я нет, — Эмми Джо с уверенным видом покачала головой. — Ненавижу кровь, раны и все такое. Я бы не смогла этим заниматься.

— Ну, кто-то же должен это делать, — начала Белинда, но Эмми Джо быстро ее перебила:

— Вот пусть Люк и делает. Он же врач. А тебе зачем? Ему платят за то, что он лечит людей, так с какой стати...

Но Белинда больше не могла этого вынести. Она закрыла уши ладонями, чтобы не слышать Эмми Джо. Потом она дернула одну золотистую косу и глубоко вздохнула. Эмми Джо ничего не понимает. Белинда пожалела, что рассказала ей свой драгоценный секрет. Больше она не скажет ни слова, — во всяком случае, пока не найдет того, кто обрадуется, услышав о том, какая чудесная возможность ей предоставилась.

Глава четвертая

ВИЗИТЫ НА ДОМ

Белинде так хотелось побыстрее заняться новым делом, что Люк едва сдерживал ее нетерпение. Он хотел еще раз поговорить с Кларком и Марти и услышать окончательное решение. Наконец в одно из воскресений у него выдалась свободная минутка.

— Белинда настаивает на ответе, — сказал он, сидя за кухонным столом. — Она больше не может ждать. У вас было достаточно времени подумать и помолиться? — спросил он.

Кларк кивнул и потянулся за имбирным печеньем:

— Мы не возражаем.

— Но... но пусть она не всегда ходит с тобой, — быстро добавила Марти, вставая, чтобы налить Люку свежего лимонада.

— Мы подумали, что ты можешь брать ее от случая к случаю, — пояснил Кларк. —

И тогда ей не придется сразу сталкиваться с болезнями. Ей нужно подготовиться.

— Точно, — согласился Люк. — Я именно так и думал. Поэтому я решил брать ее с собой на визиты, а не на прием в кабинете. Когда я отправляюсь к кому-то на дом, я заранее знаю, что меня ждет. А когда я работаю в кабинете, я понятия не имею, с чем ко мне обратятся.

Марти с облегчением выдохнула.

— Видите ли, — продолжил Люк, — сейчас я как раз собираюсь к Викарсам. Их старший сын, Сэм, в среду порезался топором. Я зашил рану в кабинете, но сказал, что приеду к ним сегодня, чтобы посмотреть, как идут дела. У него не слишком глубокая рана, но нужно поменять повязку. Можно, я возьму с собой Белинду?

Кларк и Марти безмолвно переглянулись, и решение было принято. Кларк кивнул в знак согласия.

— Хорошо! — воскликнул Люк. Он доел печенье и потянулся за новым.

— Я ее позову, — предложила Марти. — Я велела Белинде убрать на полках в подвале, где мы храним фрукты.

Прибежала очень взволнованная Белинда. Она была готова схватить пальто и немедленно идти с Люком к коляске.

— Ой, ой! — со смехом воскликнула Марти. — Не поедешь же ты в таком виде? Сначала тебе нужно переодеть грязное платье и вымыть руки. Только потом ты можешь идти.

Белинда побежала к раковине, быстро ополоснула водой руки и лицо и стремительно поднялась по лестнице, чтобы переодеться. Она вернулась во мгновение ока, и Марти

потянулась за щеткой, чтобы пригладить ее взъерошенные волосы. Белинда нетерпеливо ерзала на стуле.

— Быстрее, мама, — умоляла она. — Я боюсь, что Люк уедет без меня.

Люк рассмеялся:

— Никуда я не уеду. Делай, что говорит мама. Мы не хотим, чтобы ты ехала туда растрепанная и испугала моих пациентов. Хорошо?

И он встал из-за стола, чтобы взять кувшин и налить себе и Кларку еще по стакану лимонада.

Дом Викерсов находился недалеко. Белинда сидела в коляске рядом с Люком, и он рассказывал ей об этом случае, используя термины и объясняя, что такое швы, хирургия, бактерии и антисептики. Белинда слушала его, широко раскрыв глаза. По ее лицу было видно, как она гордится старшим братом.

— О Люк, ты столько всего знаешь! — восторгалась девочка. — Спасибо, спасибо большое, что ты это придумал и решил взять меня с собой!

Люк рассмеялся и сказал, что ей стоит подождать с благодарностями, пока они не осмотрят первого пациента. Когда они подъехали к дому Викерсов, встречать доктора вышел их младший сын Эзра. Взяв в одну руку черный саквояж, а другой держа за руку Белинду, Люк направился в дом. В дверях их поджидала миссис Викерс. Она немного удивилась, увидев Белинду:

— Это ваша младшая сестра?

Люк ответил утвердительно.

— Надо же, как она подросла! Уже такая большая, что скоро сможет помогать вашей матери, — продолжала миссис Викерс.

— А сегодня она будет помогать мне, — заявил Люк, с улыбкой взглянув на сестру. — Она хочет учиться медицине.

Миссис Викерс нахмурилась.

— Девочка — медицине? — с сомнением протянула она.

Белинда быстро взглянула на брата и сказала:

— Сейчас многие девочки учатся медицине. А Люк говорит, что в будущем нам понадобится больше медсестер.

— Ну что ж, полагаю, твоя мама знает, что делает, — ответила миссис Викерс, хотя, судя по выражению ее лица, она сильно в этом сомневалась. — Я бы своим дочерям никогда не разрешила.

Затем, щелкнув языком, она едва слышно пробурчала:

— Медсестра. Вот уж не думала, что доживу до такого.

Люк, словно защищая Белинду, положил ей руку на плечо, и миссис Викерс провела их в спальню.

Комнату следовало проветрить. Белинду от духоты слегка затошнило. Ладони вспотели от жары, а сердце сильно билось. На кровати лежал Сэм Викерс. Его нога покоилась на подушке. Рядом с ним лежало несколько ремней из воловьей кожи. «Наверное, плетет веревку», — подумала Белинда. Казалось, что ему было скучно и тоскливо, и Белинда подумала, что его матери не очень легко заботиться о таком пациенте.

— Как поживаешь, Сэм? — приветствовал его Люк.

В ответ тот только поморщился.

— Надоело лежать в кровати? — продолжил Люк.

— Еще бы, — проворчал Сэм. — Наверное, когда встану, буду радоваться этому, как никогда.

— Ну что ж, твоя нога почти зажила, так что время от времени можешь подходить к стулу.

Сэма это не слишком обрадовало. Наверное, прогулки до стула не показались ему захватывающими.

Люк открыл черный саквояж, достал оттуда кое-какие предметы и поставил их на прикроватный столик.

— Нога сильно болит? — спросил он Сэма.

Тот покачал головой, но Белинда, которая внимательно смотрела ему в глаза, засомневалась, что он говорит правду. Она быстро взглянула на Люка и подумала, что он тоже не верит в честность паренька.

Люк продолжал разбинтовывать больную ногу.

— Кажется, она кровоточит, — заметил он.

— Не так уж сильно, — пробормотал Сэм. — Может, я ударился обо что-нибудь ночью или что-то в этом роде. — Было очевидно, что он не собирался мириться с тем, что из-за какого-то кровотечения не может встать с постели.

Белинда наблюдала за тем, как брат уверенно разворачивает бинты. Да, из раны действительно шла кровь. По мере разматывания забинтованной ноги бинты становились все более красными.

Белинда крепко зажмурилась, когда брат снял последний слой бинтов, затем выбрала себя и открыла глаза: «Разве медсестры работают с закрытыми глазами?»

Бинт был липким. Люк поднял глаза на миссис Викерс, которая нерешительно стояла у двери:

— Не могли бы вы принести горячей воды и чистую ткань, мэм?

Миссис Викерс тут же направилась выполнять его просьбу.

Вымачивание окровавленных бинтов заняло довольно много времени. Во всяком случае, так показалось Белинде. Терпение Люка поражало ее.

Наконец он снял с раны последний бинт, и Белинда, увидев глубокий красный порез, затаила дыхание. Он был аккуратно зашит. Рана была закрыта, но воспалилась и выглядела ужасно. Белинда вновь подняла глаза на лицо пациента: *«Должно быть, это очень больно. Как же Сэм?..»*

В его глазах была боль. Белинда без размышлений подняла руку и убрала с его лба растрепанные волосы. На секунду их глаза встретились. Сэм уловил во взгляде Белинды сочувствие, и волшебство исчезло. Белинда быстро убрала руку и отступила, а Сэм раздраженно замотал головой на подушке.

Люк ничего не упустил. Он заметил, как искреннее сочувствие побудило Белинду прикоснуться к больному, заметил, что Сэм принял ее заботу, а потом они оба словно застеснялись внезапного порыва. *«Почему мы не можем так себя вести?»* — подумал про себя Люк. — *«Почему мы не можем честно и открыто показать, что переживаем за других людей?»*

В то же время Люк обрадовался, увидев сочувствие в глазах Белинды. Да, она станет великолепной медсестрой. Она такая чуткая, она сопереживает пациенту. Весьма многообещающе,

учитывая ее молодость. «*Может, она не так мала, как нам представляется?*» — спросил себя Люк.

Брат продолжал лечение, внимательно наблюдая за реакцией Белинды. Он не хотел заставлять ее заниматься тем, что ей не по сердцу. Он понимал, что она испытывает нерешительность и даже шок, столкнувшись с раной и болью пациента. Но Белинда не пыталась уклониться от своих обязанностей. Она внимательно, открыто смотрела на то, как он проводит процедуру, хотя было очевидно, что ей это не доставляет удовольствия.

Когда Люк аккуратно перевязал ногу, он помог Сэму сесть на кресло в семейной гостиной. Белинда разложила подушки, и Люк поддержал парня, когда тот опустился на кресло. Девочка подложила под его вытянутую ногу еще одну подушку, а затем вернулась в спальню взять воловьих жгуты, чтобы Сэму было чем занять руки, если ему этого захочется. На Люка это произвело приятное впечатление. Тогда он ничего ей не сказал, но тепло улыбнулся и тихонько пожал ее плечо, чтобы показать, что она прекрасно справилась с работой. Белинда просияла. Значит, брат и в дальнейшем позволит ей его сопровождать.

Шло время. В течение многих месяцев Люк осторожно подбирал случаи из врачебной практики, которые можно было продемонстрировать Белинде. Таких случаев было немного. Он не брал ее, если она могла заразиться от больного. Он не звал ее с собой и тогда, когда заболевание было слишком тяжелым, и он боялся, что маленькая девочка не выдержит такого

зрелища, а также если опасался, что лечение будет долгим и кропотливым, и ему потребуется уделить больному все свое время и внимание. Но Люк приглашал сестру поехать вместе с ним, если предполагал, что Белинда сможет научиться чему-то новому в домашнем уходе за больными.

Белинда уже длительное время практиковалась у Люка, но никогда не уставала и горела желанием учиться. По пути к больному Люк объяснял ей, что они будут лечить и как. Она выучила названия инструментов и для чего они используются. Вскоре Белинда стала подавать брату инструменты во время работы.

Люк поражался тому, как быстро она все схватывала. Каждый раз, когда он рассказывал о занятиях с Белиндой родителям, в его голосе звенели радость и восхищение. Кларк и Марти с облегчением переглядывались. Наверное, они поступили правильно. Они продолжали молиться о том, чтобы Бог указал им верную дорогу.

Возможно, единственным человеком, который не приходил в восторг от этих занятий, была Эмми Джо. Она частенько громко жаловалась на то, что «Линди вечно дома не застать». Даже если Белинда сидела в комнате, то она, по словам девочки, «пялилась в какую-то скучную старую книжку по медицине». Она была не такой веселой, как раньше, и Эмми Джо хотелось, чтобы она забыла об этих глупостях. Но Белинда не собиралась забывать. С каждым днем ее интерес возрастал, а не уменьшался.

Снова наступило лето, начались школьные каникулы. Эмми Джо сказала, что с нетерпением ждала лета, потому что в эту

пору много свободного времени для игр. После этого она многозначительно посмотрела на Белинду. Но та ожидала лето потому, что теперь у нее было больше времени, чтобы проводить его с Люком и чаще ходить к больным. Летом она могла заниматься этим не только по субботам. Даже когда она просто думала об этом, она чувствовала подступающее волнение. В этом году Люк пообещал поговорить с родителями, чтобы они позволили ей помогать ему во время приема в кабинете.

Глава пятая

СЮРПРИЗ

— Белинда! Белинда!

Громкий голос Марти заглушил обычный шум фермерского двора, на котором толпились овцы и кони. Белинда и Эмми Джо сидели на чердаке амбара, играя с котятками. Они услышали, что Марти волнуется, и Белинда вскочила на ноги. Может, приехал Люк, и они отправятся к больному?

— Мне нужно идти, — сообщила она подруге.

Эмми Джо надулась.

— Вечно ты убегаешь, — пожаловалась она. — Мы почти никогда не играем вместе.

Секунду Белинда колебалась. Ей было неприятно огорчать Эмми Джо. Она собиралась извиниться, как вдруг мать опять позвала:

— Белинда! Эмми Джо!

Услышав, что зовут и ее, Эмми Джо тоже поднялась с колен. Затем девочки быстро

сбежали вниз по лестнице и, запыхавшиеся и раскрасневшиеся, встали у двери.

— Ну, наконец-то! — сказала Марти, когда они последовали за ней в кухню.

Белинда увидела, как сияют ее глаза, и поняла, что у матери есть новости. Значит, дело не в том, что она хочет дать ей какое-то задание по дому.

— Что такое? — отдуваясь, спросила девочка.

— Клэр только что вернулся из города. Там его ждало письмо от Мисси. — Марти положила руки на плечи девочек. — Никогда не догадаетесь, что она написала!

Белинда не помнила, когда в последний раз видела мать такой взволнованной.

— У нее родится новый ребенок? — спросила она.

Марти рассмеялась:

— Нет. Нет, не новый ребенок. Это... это покажется вам более интересным. Вам обеим.

Марти взяла письмо, которое лежало на кухонном столе, и кивком показала на два стула. Девочки благонаравно уселись.

— Вот, послушайте, — предложила Марти, и девочки приготовились внимать.

Эмми Джо взглянула на Белинду и выразительно закатила глаза. В ее взгляде явственно читалось: «*Столько шума из-за какой-то новости в письме!*» Белинда с трудом подавила рвущийся наружу смешок.

— «*Мы хотим попросить тебя об одолжении,* — прочитала Марти. — *Ты знаешь, что Мелисса скоро превратится в юную леди. Она закончила все классы в местной школе*

и мечтает стать учительницей, потому что в наших местах их до сих пор не хватает. Мелинда — ты же помнишь Мелинду, которая преподает в школе?» — полагает, что из Мелиссы получится хорошая учительница, и мы не хотим ей препятствовать».

Марти помолчала секунду и выжидательно взглянула на двух девочек. Они сидели, не смея взглянуть друг на друга, пока она не перевела глаза на письмо и не продолжила читать. Тогда они обе зажали рты ладошками, чтобы заглушить детское хихиканье. «*Что такого особенного в том, что наша родственница за тридцать земель, которую мы даже не знаем, собирается стать учительницей?»*» — безмолвно спрашивали они.

— «*И вот мы подумали, — читала Марти. — Не позволишь ли ты Мелиссе приехать и пожить у вас, пока она будет учиться?»*»

Марти опять взглянула на девочек. Они не сразу поняли, что это значит, но, когда до них дошло, Эмми Джо громко выразила свое одобрение.

— Ух ты! — воскликнула она. — Наконец-то мне будет с кем играть, когда ты уезжаешь с Люком.

Белинду эта вспышка немного обидела.

— Она будет жить в нашем доме, — возразила она.

— Да, но...

— Девочки! — перебила их Марти. — Хватит ссориться. Я надеялась, вы подумаете о Мелиссе вместо того, чтобы спорить о том, кто с ней будет водиться.

Белинде и Эмми Джо тут же стало стыдно. Они замолчали, ожидая продолжения.

— *«Она поучится два года в вашей местной школе, а потом поступит в училище. К этому времени она привыкнет, что семьи нет рядом, и это будет не слишком сложно для нее. Мы подумали, что будет лучше, если она сначала поживет с вами. Это совсем не то, что сразу посылать ее одну в большой город».*

Кажется, это происходит на самом деле!

— *«Она придет за неделю до того, как начнутся занятия в школе. Мы посадим ее на поезд».*

Эмми Джо наклонилась и прикоснулась к Белинде. Она беззвучно произносила какие-то слова, но подруга ее не понимала.

Марти читала:

— *«Мы были бы очень рады узнать, что вы не возражаете против ее приезда. Нам будет очень сложно с ней расстаться. Теперь я намного лучше понимаю тебя, мама».*

Голос изменил Марти, и ее глаза заволокла дымка. Белинда поняла, что она сейчас заплачет. Но Эмми Джо быстро остановила грядущее излияние чувств.

— Вы с дедушкой разрешите ей приехать? — как обычно, без обиняков спросила она.

Марти с насмешливым недоумением посмотрела на внучку. Только Эмми Джо могла задать такой вопрос. Но она редко думает, прежде чем что-то сказать.

— Конечно, — ответила Белинда, слегка толкнув подружку. — Ты же знаешь, что мама и папа никогда бы не отказали.

Эмми Джо только пожала плечами. Белинда наконец поняла, что вскоре произойдет, и ее охватило волнение: *«Как*

здорово, что в доме будет жить еще одна девочка, — как будто у меня появилась сестра». Белинда спохватилась. У нее же есть сестры — приемные Нандри и Клэ. Но они намного ее старше, и они родили детей, которые старше ее, Белинды. А еще у нее есть Мисси и Элли, но Мисси она никогда не видела, а Элли уехала на Запад, когда ей, Белинде, было всего несколько месяцев. У нее никогда не было сестры, которая жила бы с ней в одной комнате и с которой она могла бы делиться секретами. «Ах, ну да, а как же Эмми Джо?» — укорила она себя. Эмми Джо почти как сестра, хотя на самом деле племянница. «А Мелисса будет жить со мной в одном доме», — порадовалась она про себя. Белинда понимала, что лучше не говорить ничего подобного в присутствии Эмми Джо.

Белинда перевела взгляд на настенный календарь. В письме говорилось, что Мелисса приедет за неделю до начала школьных занятий. Сколько же осталось ждать? Белинда быстро подсчитала — *три или, в худшем случае, четыре*. Ей не хватало терпения: «*Ох, недели тянутся так долго!*» Она повернулась к матери, и улыбка Марти словно отразилась в ее глазах. Белинда соскочила с кресла и обняла ее за талию: «*Неудивительно, что мама так разволновалась!*»

— А папа знает? А папа знает? — спрашивала она.

— Пока нет, — ответила Марти. — Он поехал к Грэхамам, чтобы помочь Лу. Но должен скоро вернуться.

— Вот это да! — воскликнула Белинда и повернулась к Эмми Джо. Они схватились за руки и затанцевали по кухне.

— Мелисса приезжает! Мелисса приезжает! — запели они.

Марти смотрела на двух девочек, радуясь их веселью. По правде говоря, она была готова сама к ним присоединиться. *«Как прекрасно, что Мелисса будет жить у нас»*, — ликовала она про себя. Как будто Мисси вернется обратно домой. У Марти увлажнились глаза, и она вытерла их подолом передника.

«Интересно, какая она? — думала Марти. — Должно быть, уже почти взрослая. Хотя нет, не совсем. Ведь она всего на девять месяцев старше Белинды».

Марти повернулась к девочкам. Сейчас Белинда вела себя совсем как ребенок, но бывали моменты, когда Марти понимала, что она тоже быстро взрослеет. Для своего возраста она была очень развитой девочкой. Да, Мелисса может показаться совсем взрослой. Нужно иметь это в виду, когда они будут с ней общаться. Марти опять вытерла слезы и повернулась, чтобы посмотреть из окна кухни. Все будет чудесно!

Белинда, вне себя от нетерпения, выбежала навстречу Кларку, чтобы рассказать ему новость. Сначала у него был такой вид, словно он решил, что дочка над ним подшучивает. Но когда он посмотрел поверх ее головы на счастливое раскрасневшееся лицо Марти, он широко улыбнулся и подбросил в воздух поношенную старую шляпу.

— И когда? — спросил Кларк. — Когда она приезжает?

— Через три или четыре недели, — взволнованно ответила Белинда.

— Она приедет заранее, чтобы подготовиться к занятиям в школе, — добавила Марти.

Кларк опять улыбнулся.

— Наверное, надо обновить свободную спальню? — спросил он.

Марти и не подумала об этом. Белинда стала возражать: она надеялась, что Мелисса будет жить с ней в одной комнате. Но вскоре она перестала спорить, вслух рассудив, что, возможно, Мелиссе этого не захочется.

Марти несколько рассеянно кивнула Белинде. Она задумалась о замечании Кларка. Конечно, комнату следует освежить к приезду внучки. Может, сшить новые занавески и соткать новый ковер? В этой комнате давно не было новых вещей. *«Может, Белинда захочет принять участие и что-нибудь придумает?»* — в голове Марти прокручивалось множество идей. А когда она собралась вернуться в кухню, у нее уже практически сложился образ новой комнаты. Но затем ее мысли переключились на ужин, который пора было ставить на стол.

Белинда пошла в конюшню вместе с Кларком, и Марти слышала, как по пути она пересказывала ему другие новости из полученного письма. Марти не удержалась и поднялась вверх по лестнице, чтобы быстро взглянуть на комнату, в которой теперь будет жить Мелисса. Несколько недель дверь даже не открывали. Внутри пахло пылью и затхлостью.

Марти оглядела стены, пол, занавески, кровать. Кларк прав. Комнату необходимо привести в порядок. *«Вот это да!»* — вдруг подумала Марти. — *Ведь здесь жила Мисси —*

до того, как вышла замуж. Значит, Мелисса поселится в комнате своей матери!»

Вдруг ей показалось, что три или четыре недели — это очень мало. Ох, ей столько всего нужно сделать! Марти быстро спустилась вниз и побежала в кухню, как будто чем скорее она подаст ужин, тем больше это поможет подготовиться к прибытию внучки. Однако она засмеялась над собой: как глупо! Сегодняшний вечер ничего не решит в подготовке ко встрече с Мелиссой. Марти подробно обсудила свои планы с Кларком, и они решили воплотить задуманное в жизнь.

— Жаль, что мы ничего не знаем о том, что ей нравится, а что нет, — заметила Марти. — А что, если я выберу те цвета, которые ее раздражают?

Кларк улыбнулся и погладил ее по руке:

— Все будет прекрасно, Марти. Помнишь, как замечательно ты разделалась с замазкой между бревнами на кухне в нашей первой избушке?

Марти быстро взглянула на него, не поняв, серьезен он или шутит. Она прикидывала, обижаться на него или нет, но не удержалась от смеха, вспомнив, как яростно мыла деревянные стены и как набравшая влаги замазка потом большими комьями отваливалась и падала на пол. Кларк тоже рассмеялся.

— Но тогда это не казалось мне забавным, — сказала Марти, вытирая глаза. — Я боялась, что дом обрушится и завалит нас по самые уши!

Они с мужем нежно смотрели друг на друга, вспоминая те далекие дни.

— Ну что ж, — заметила Марти, возвращаясь в настоящее. — Я намерена отремонтировать эту комнату для Мелиссы.

Она помолчала, задумавшись:

— Белинде нравятся пастельные голубые и зеленые оттенки, а не яркие и кричащие. Эмми Джо предпочитает ярко-красный и желтый и никогда не выбирает приглушенные цвета. Как же мне узнать, что по сердцу Мелиссе?

Кларк ничего не ответил, но по его лицу было ясно, что он не считал это большой проблемой.

— Покрасим стены в спокойные тона, выберем такие же занавески и покрывало, — предложил он, — а подушки и коврики пусть будут яркими.

Марти удивленно воззрилась на него. Наверное, он разбирается в таких вещах лучше, чем она думала.

Она кивнула, представив, как посвежеет комната, когда ее стены оклеят светлыми с рисунком обоями и повесят воздушные занавески — скажем, белый тюль, а на кровать положат подходящее по стилю покрывало с оборками, а также разбросают яркие подушки: например, зеленые, желтые и синие, в зависимости от узора обоев. На пол положат самодельные коврики яркого цвета. И... Ее мысли перебил Кларк.

— Я сделаю все, как ты хочешь: покрашу стены, наклею обои, когда ты все решишь, — пообещал он. — Но вы с Белиндой должны заняться всем остальным. Я не умею шить лоскутные одеяла, не говоря уже о других, более сложных вещах.

Марти, услышав его замечание, улыбнулась несколько рассеянно: она все еще раздумывала над тем, какой станет обновленная комната.

— Кларк, — в раздумье протянула она, — я собираюсь прихватить с собой Эмми Джо, когда мы с Белиндой отправимся за покупками. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя покинутой, ведь теперь с Белиндой будет жить Мелисса.

Кларк одобрительно кивнул.

— Мы должны позаботиться о том, чтобы Эмми Джо не показалось, что ее бросают. Ведь они с Белиндой всегда были почти как сестры, — заметил он.

На том и порешили. Марти спросила у Кейт, не возражает ли она против поездки Эмми Джо с ними в город. Но Кейт была рада, что дочь будет выбирать обои для комнаты. Она тоже понимала, что, когда девочки дружат втроем, одна из них может почувствовать себя заброшенной и одинокой. Они с Марти обсудили положение и решили, что будут внимательно следить за ними и слушать, чтобы своевременно решать возникающие проблемы.

Закончив утренние дела, Марти объявила о том, что они поедут за покупками, и взволнованные девочки побежали одеваться для поездки в город. Прежде всего, им нужно выбрать красивые обои. Как и ожидала Марти, Белинда показала на кремовые обои с изумрудным рисунком, а Эмми Джо заявила, что они слишком «скучные». Она предпочла обои сиреневого цвета с желтыми розами. Наконец Марти рассудила, что с обоями лучше определиться потом. Она отвела девочек в отдел тканей, чтобы посмотреть, что там продается. Тут мнения опять

разошлись. Марти понравились белые газовые занавески, Белинде — воздушная зеленая органза, а Эмми Джо утверждала, что самые хорошенькие — ярко-желтые со смелым рисунком в виде фиолетовых цветов.

— Бабушка, ты только представь, как красиво они будут смотреться рядом с теми обоями! — восторгалась Эмми Джо.

Марти втайне содрогнулась.

— Понимаешь, цвета те же самые, но наоборот: желтые цветы на стене и... — весело болтала она, пока Марти пыталась разрешить ситуацию.

Она уже пожалела, что не оставила девочек дома и не поехала в город одна, чтобы купить то, что считает нужным. Марти предложила сделать перерыв и сходить в гостиницу, чтобы выпить чаю. Девочки согласились. Им не так уж хотелось чаю, но в гостинице подавали пирожные, которые они обожали.

А Марти очень хотелось выпить чаю. Она медленно прихлебывала его, думая о том, как примирить столь различные мнения. Наконец она решила прямо заговорить о проблеме.

— По-моему, — начала она, — мы очень по-разному представляем себе, как должна выглядеть комната Мелиссы. К сожалению, Мелиссы здесь нет, и она не может выбрать, что ей больше по вкусу, но глупо ждать, пока она приедет, а затем выселить ее из комнаты из-за ремонта. В общем, было бы гораздо лучше, если бы она могла выбрать сама, но...

— А почему бы и нет, мама? — перебила ее Белинда. — Пусть поживет в моей комнате, пока ремонт не закончится, и тогда нам не придется ее выселять.

Марти даже не подумала о такой возможности:

— А что, Белинда, это прекрасная мысль! Подожди-ка минутку...

Марти ушла в свои мысли и начала строить планы. Гораздо лучше, если Мелисса сама выберет обои и занавески для комнаты. Но что, если у нее такие же вкусы, как у Эмми Джо? Что ж, ничего страшного, ведь через два года Мелисса от них уедет. Марти подумала, что ради внучки готова смириться с любимыми сочетаниями цветов. Она всегда может просто закрыть дверь, решила она, хохотнув про себя.

— Мне нравится твоя идея, — наконец обратилась Марти к Белинде. — Наверное, лучше подождать. Мелисса сама все выберет и благодаря этому будет чувствовать себя у нас как дома.

Белинда радостно улыбнулась.

— Ты не возражаешь против того, что Мелисса некоторое время поживет с тобой в одной комнате? — спросила Марти.

— Не возражаю, — успокоила ее Белинда.

Она не только не возражала, но и с нетерпением этого ждала. Эмми Джо нахмурилась с таким видом, на который была способна только она. Марти и Белинда сразу поняли, что она чем-то недовольна.

— Ты хочешь, чтобы она жила в твоей комнате, чтобы вы быстрее подружились!

— Подружились! — ответила Марти, вскинув голову. — Мелисса — племянница Белинды и твоя двоюродная сестра. Вы должны не просто подружиться. Вы одна семья, вы обе.

Но Эмми Джо по-прежнему хмуро смотрела на Белинду. Марти закончила пить чай и собрала вещи.

— Ну что ж, — объявила она, — вот как мы поступим: оставим все, как есть, пока не приедет Мелисса. Но я, пожалуй, сделаю несколько новых ковров. Я сделаю их разноцветными, чтобы они подходили под любые обои. Не хочу оставлять все на последний момент.

Девочки все еще смаковали пирожные.

— Пойду, выберу кое-какие товары в бакалее, — сообщила Марти. — Когда закончите есть, приходите в магазин.

Девочки кивнули.

— И не забывайте о хороших манерах. Не ввязывайтесь в неприятности, — предостерегла Марти, разгладила юбки и направилась к выходу.

Эмми Джо опять насупилась, глядя на Белинду.

— Довольна, да? — обвиняющим тоном спросила она.

— Чем?

— Тем, что Мелисса приезжает. Тем, что нам не пришлось выбирать обои для комнаты, и тем, что Мелисса будет жить в твоей комнате.

Белинда пожала плечами, стараясь скрыть радость оттого, что все так обернулось.

— Пожалуй, ты права, — ответила она, решив, что отрицать это будет нечестно.

— А вот я недовольна. Я хотела помочь выбрать обои и занавески. Мне нравятся цвета, которые я выбрала. Уверена, Мелиссе они бы тоже понравились.

— Возможно, — заметила Белинда.

— Я бы хотела, чтобы моя комната выглядела так, — упрямылась Эмми Джо, явно затевая спор. — Мне до сих пор не разрешали выбирать цвета. Они все время одни и те же, *одни и те же*, с тех пор, как я родилась, наверное.

Белинде слабо в это верилось, но она решила не возражать.

Эмми Джо вздохнула:

— Мне никогда не разрешают выбирать цвета. Маме нравятся зеленый и белый — она постоянно выбирает их.

Белинда подумала, что в этих цветах нет ничего плохого, но решила, что лучше промолчать.

Они закончили есть пирожные, и Эмми Джо сняла последнюю крошку длинным тонким пальцем. Белинда смотрела на нее. Она никогда не замечала, какие у подруги длинные и хрупкие пальцы. Она сравнила их со своими. Ее пальцы не были такими тонкими, но в изящных девичьих руках заключалась определенная сила. Она поворачивала их то так, то эдак и, не удержавшись, представила в них скальпель и шприц. Белинда с трудом заставила себя вернуться на землю.

— Нам пора идти, — сказала она. — Мама говорила, что долго не задержится.

Эмми Джо отставила пустую тарелку и неохотно побрела из зала за Белиндой.

Глава шестая

ПЛАНЫ

В течение следующих трех недель Белинда постоянно думала о приезде Мелиссы, так что даже стала меньше волноваться, когда Люк брал ее с собой на визиты. Интересно, какая она? Понравятся ли они друг другу? А как быть с Эмми Джо? Удастся ли им дружить втроем, а не вдвоем?

Белинда была не единственной, кто, затаив дыхание, думал о будущем. Она знала, что Эмми Джо тоже переживает, а иногда даже тихонько плачет. Эмми Джо твердила, что не сомневается: когда две девочки поселятся вместе с одной комнате большого дома, то сразу о ней забудут. Белинда пыталась ее разуверить, но Эмми Джо перебивала, заявляя, что ей «все равно», резко поворачивалась и уходила с гордо поднятой головой. Однако Белинда понимала, что подруге не все равно, и это ее расстраивало.

Марти и Белинда вместе украшали пирог на большой кухне фермерского дома.

— Ты рада, что Мелисса приезжает? — спросила Марти.

— О да! — призналась девочка. — Хочется быстрее ее увидеть.

— Я тут прикинула: наверное, Эмми Джо придется нелегко.

Белинда не стала спорить.

— Мы должны постараться, чтобы она не чувствовала себя брошенной, — продолжала Марти, и Белинда кивнула, зная, что мать, сказав «мы», на самом деле имела в виду «ты».

— Ты уже думала, как это сделать? — спросила Марти.

Белинда, задумавшись, молчала.

— Нет, — медленно ответила она. — Не совсем... но я... я придумала кое-что, потому что мне бы очень хотелось порадовать Эмми Джо.

— И что же? — спросила Марти.

— Ты видела ее комнату? — решила Белинда.

Марти кивнула.

— В ней только бледно-зеленые и белые тона. Все время одни и те же — с тех пор, как она родилась, наверное.

Марти опять кивнула.

— Эмми Джо они не нравятся, — осмелилась заметить Белинда.

— Не нравятся?

— Нет. Ее уже тошнит от зеленого и белого. Она хочет что-нибудь яркое, что-нибудь более смелое, я думаю.

Марти еще раз кивнула.

— Мама, как ты думаешь, Клэр и Кейт разрешат Эмми Джо поменять обои?

— Не знаю, — медленно ответила Марти. — А это так для нее важно?

— Думаю, да, — ответила Белинда. — Ей грустно из-за Мелиссы.

Девочка испугалась, что мать может неправильно ее понять, и быстро добавила:

— Нет, она, конечно, очень рада, так же, как я. Но ей немного грустно, потому что Мелисса не будет жить в ее доме, и...

— Я понимаю, — заметила мать.

Белинда украдкой посмотрела на ее лицо, чтобы убедиться в ее словах. Изучив его, она поверила: Марти и правда понимает, что она пытается сказать.

— Я поговорю с Кейт, — пообещала Марти. — Может, если мы с твоим папой предложим помочь с обоями и другими материалами, они позволят Эмми Джо самой их выбрать. Ведь у нее скоро день рождения. Мы можем сделать ей такой подарок.

Белинде хотелось обнять мать, но ее руки были испачканы мукой. Она широко улыбнулась.

— Спасибо, мама! — с чувством сказала она.

В действительности этот разговор очень обрадовал Марти. Она была счастлива узнать, что Эмми Джо настолько дорога Белинде, что та думает о ней и понимает, что подруга не в таком уж восторге от прибытия Мелиссы. Марти решила, что расскажет об этом Кларку, когда у них будет время

поговорить наедине. Она была уверена, что он, так же, как она, обрадуется, когда узнает о том, какая чуткая у них дочь. Она надеялась, что Клэр и Кейт поймут: их предложение отремонтировать комнату Эмми Джо — это знак любви, а не вмешательство в дела другой семьи. Марти подумала о цветах и узорах, которые, скорее всего, выберет Эмми Джо. Втайне она порадовалась, что комната внучки не в ее доме. *«Ты создал нас такими разными, Господи, — помолилась она про себя. — Пожалуйста, благослови нашу неугомонную внучку».*

Когда на следующее утро Марти пила кофе у Кейт, она рассказала ей об идее ремонта комнаты Эмми Джо в качестве подарка на день рождения. Кейт пришла в восторг.

— Мне самой нужно было догадаться, что она хочет выбрать цвета, — заметила она.

— Я уже видела, что она выбрала, — со смешком сообщила Марти. — Тебе лучше подготовиться морально. Вот и все, что я могу сказать. Надеюсь, тебе нравятся яркие тона.

Кейт рассмеялась:

— Я знаю ее вкусы. Она предпочитает шокирующие оттенки, верно? Ну, ничего, думаю, мы к ним привыкнем. Я все чаще вспоминаю, как вы с папой говорили, что дети растут ужасно быстро. Вскоре они нас оставят.

Кейт налила еще кофе и задумчиво продолжала:

— Мы обязаны их кормить, одевать и воспитывать, но, кроме того, мы с Клэром должны выслушивать детей, чтобы узнать, что они за люди, пока у нас есть такая возможность.

Марти кивнула, думая о своих детях, рассеянных по свету.

— Ты знаешь, что Эмми Джо всегда нравилось рисовать и раскрашивать? — сказала Кейт.

Марти улыбнулась, показывая, что прекрасно это знает. Она помнила, что Эмми Джо рисовала и раскрашивала картинки еще до того, как пошла в школу. Они часто смеялись над тем, какие оригинальные сочетания цветов она выбирает, но Эмми Джо любила яркие цвета и всегда предпочитала разноцветные краски.

— Я говорила с Клэром, — поделилась Кейт. — Я хотела купить Эмми Джо принадлежности для рисования и подарить на день рождения. Как ты считаешь, ей понравится?

Марти сразу одобрила эту идею.

— Наверное, давно нужно было это сделать, — рассудила она. — Почему только сейчас пришло нам это в голову?

— Наверное, причина в том, что мы в основном заботились об обуви и пропитании, — ответила Кейт.

Марти кивнула. Родители постоянно думают о том, чем накормить и во что одеть детей.

— По-моему, она будет в восторге, — сказала Марти, вспомнив об идее Кейт. — Она всегда любила все яркое и цветное.

— Может, Клэр сделает для ее комнаты маленький столик, чтобы никто ей не мешал, когда она рисует, — продолжая свою мысль, рассуждала Кейт. — Наверняка ей это понравится!

— Когда же мы ей скажем? — спросила Марти. Ей не терпелось увидеть, как удивится и обрадуется внучка.

— Пусть это будет сюрприз на день рождения. Осталось всего два месяца. К тому времени они привыкнут к Мелиссе, и ее приезд больше не будет вызывать такую бурную радость. Тогда Эмми Джо сможет выбрать цвета, и к Рождеству ее комната преобразится.

Марти согласилась. Появилось еще кое-что, чего она будет ждать, помимо встречи с Мелиссой.

Когда Марти поделилась секретным планом с Белиндой, она обрадовалась почти так же сильно, как, они надеялись, обрадуется Эмми Джо. Марти хотелось быстрее осуществить свой план, но ее нетерпение меркло по сравнению с желанием Белинды рассказать новость своей любимой племяннице и подруге.

Марти постаралась занять дни перед приездом Мелиссы, думая о том, как развлечь девочку, когда она присоединится к семье: можно устроить пикник, пока еще не слишком холодно, съездить к Ма Грэхам, сделав остановку у школы, в которой она будет учиться... Ее голова была забита подобными планами, а руки заняты выделкой ковров.

Белинде не так повезло. Каждый новый день тянулся еще медленнее, чем предыдущий. Эмми Джо обвиняла Белинду в том, что она совсем забросила ее из-за приезда Мелиссы. Она намекала на то, что Белинда забудет о том, что они дружили долгие годы, и станет водиться только с Мелиссой. Белинде не раз хотелось рассказать ей о том, какой сюрприз ждет ее на день рождения, но ей приходилось держать язык за зубами.

Белинда была очень рада, когда Люк приезжал к ним, чтобы взять ее с собой на визит к одному из больных. Это помогло ей отвлечься от скучного ожидания.

Затем пришла телеграмма. Они сгрудились, чтобы вместе ее прочитать.

— *«Мелисса приедет 25 в дилижансе Тчк, — четко прочитал Кларк. — Мы вас любим Тчк Вилли и Мисси».*

Двадцать пятого августа! Осталось всего два дня. Белинда подумала, что она столько не выдержит. Она повернулась, чтобы сбежать к Эмми Джо и сообщить ей новость, но удержалась. Наверное, это не очень хорошая идея. Эмми Джо может неправильно истолковать ее радость. Вместо этого она решила еще раз убрать в комнате, в которой Мелисса будет жить вместе с ней, пока не отремонтируют ее собственную.

Она сложила свои вещи в маленький шкаф, чтобы Мелиссе можно было повесить одежду. Затем освободила половину ящиков в высоком шкафу. Она достала деревянную коробку, которую несколько лет назад отец сделал для того, чтобы она складывала туда игрушки, и аккуратно положила в нее часть одежды. Затем отнесла ее в пустую комнату, где раньше жили Арни и Люк. Она была рада, что мать не предложила поселить Мелиссу в этой комнате, пока для нее не отремонтируют спальню Мисси. *«Забавно, — подумала Белинда, — мама по-прежнему считает эту комнату „спальней мальчиков“. Ей даже не пришло в голову поселить туда Мелиссу».*

Ну что ж, Белинда только рада. Ее племянница! Подумать только! Вскоре она впервые встретится со своей племянницей. А ведь она на девять месяцев младше Мелиссы!

Сердце Белинды сильно билось от волнения, но живот слегка сводило от беспокойства. На что это будет похоже? Что ж, она скоро узнает. Ждать осталось недолго.

Марти тоже переживала. Сложно подсчитать, сколько раз она тосковала о том, что не может обнять и ближе познакомиться с внучкой — «малышкой» Мисси. Мелисса уже не малышка — ни по возрасту, ни по старшинству. У нее родилась младшая сестра Джулия, которую они с Кларком тоже ни разу не видели. Но Мелисса была «в пути», когда они с мужем провели тяжелую зиму на ранчо Вилли и Мисси. Они надеялись подержать ее на руках, прежде чем уедут обратно на Восток. Но Мелисса не желала появляться на свет раньше времени и сделала это только тогда, когда бабушка и дедушка уехали домой. Поэтому Мелисса всегда казалась Марти особенной. А сейчас... сейчас она уже юная леди. Девочка, которая скоро станет взрослой... А Марти ее еще ни разу не видела.

Приезд Мелиссы был для Марти печальным напоминанием о том, как сильно она скучает по Мисси и Элли. Ей хотелось своими глазами увидеть, как они живут, подержать на руках их детей.

Марти с теплотой вспоминала, как они с Кларком играли с Натаном и Джосайей, братьями Мелиссы. «*Да, а ведь сейчас они совсем большие!*» — с удивлением подумала она. Уже стали подростками, почти что взрослыми мужчинами. Марти подумала, что им больше не захочется сидеть на коленях у дедушки и слушать сказку или сворачиваться клубочком рядом

с бабушкой, чтобы та спела им колыбельную. Она поблагодарила Бога за то, что им удалось тогда познакомиться с мальчиками.

И Джулия. Ей уже исполнилось десять лет. Посчастливится ли Марти в один прекрасный день принять ее в своем доме? Захочет ли она тоже стать учительницей? Марти решила, что она может на это надеяться, в этом не будет вреда.

Элли тоже стала матерью. Ее дочери Бренде исполнилось семь лет, а мальчикам-близнецам, Вильяму и Уиллису, по четыре. Слезы увлажнили ее глаза, потому что ей очень хотелось их увидеть, узнать о внуках, которые живут так далеко, нечто большее, чем просто имена.

Но Мелисса — Мелисса была залогом, обещанием того, что ее желания сбудутся, маленькой частью любимой семьи, которая живет на Западе. Похожа ли она на Мисси? Или на Вилли? Марти никогда не видела даже ее дагеротипа.

Ах, как она мечтала о том, чтобы и «западные родственники» присоединились к их праздничным встречам! Что ж, Мелисса, во всяком случае, расскажет им новости, — конечно, если она из тех, кто любит поболтать. А может, она очень застенчива? В конце концов она никого из них не знает. Марти почувствовала, что у нее опять свело желудок, и она, как много раз за последние дни, склонила голову. *«Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы Мелисса благополучно приехала к нам, и помоги нам быстрее узнать друг друга, — истово молилась она, — и пусть она не робеет...»*

Глава седьмая

МЕЛИССА

Все в доме волновались и работали не покладая рук. Марти снова и снова проверяла, все ли готово к ужину. Белинда вытирала пыль, украшала комнату, которую разделит с Мелиссой, снуя по ней туда и сюда. Эмми Джо несколько раз прибежала в большой дом, чтобы узнать, не пора ли отправляться в путь. Даже Кларк, охваченный ожиданием, беспокойно ходил взад и вперед. Только лошади, которых уже запрягли в коляску, терпеливо ждали. Наконец почти неподвижные стрелки часов показали, что им можно выезжать в город, чтобы, курам на смех, не приехать чересчур рано. Они, волнуясь, забрались в коляску, и Кларк прищелкнул языком, погоняя лошадей.

— Как ты думаешь, как она выглядит? — в сотый раз спросила Эмми Джо Белинду.

Белинда глубоко вздохнула. Если бы она только знала! Было бы намного легче подготовиться к приезду племянницы, если бы ей рассказали, что она за человек.

— По-твоему, она худая или толстая? — продолжила расспросы Эмми Джо.

— Я не знаю, — терпеливо ответила Белинда.

— А ты догадайся, — настаивала Эмми Джо.

— Хорошо, — несколько раздраженно ответила Белинда. —

По-моему, нечто среднее.

Эмми Джо замолчала, но еехватило ненадолго:

— А она похожа на мать или на отца?

— Но мы же ее никогда не видели, никто из нас.

— А разве тетя Мисси не писала, как она выглядит?

Белинда замолчала и задумалась. Но даже через несколько минут у нее не было никакого определенного ответа. Она наклонилась вперед и подергала Марти за плечо.

— Мама, а Мисси когда-нибудь говорила, на кого похожа Мелисса?

Марти, прежде чем ответить, тоже на несколько минут задумалась.

— Не-ет, — протянула она, — не помню такого, но я... думаю, что она должна быть похожа на мать. Почему бы и нет?

Белинду этот ответ не удовлетворил, хотя она этого и не сказала.

— Ну что ж, — безжалостно заявила Эмми Джо, — возможно, она толстая и даже уродливая.

Белинда вспомнила, что мать сказала несколько дней назад. Марти заметила, что гораздо важнее, как Мелисса себя

ведет, а не то, как она *выглядит*. Неужели с ней будет сложно ладить? Белинда не раз слышала, как мама и папа говорили о том, что работники ранчо разбаловали девочку. Ковбои любили играть с мальчиками, но Мелисса была их любимицей, они сами себя назначили ее защитниками. А вдруг Мелисса окажется капризной?

Белинде хотелось выпрыгнуть из коляски, которая медленно передвигалась по кочкам, и вернуться домой в свою комнату. Может, она зря предложила поселить Мелиссу в своей комнате? Может, было бы лучше, если бы та осталась на Западе, вместо того чтобы приезжать сюда продолжать учебу в школе? Может... Тут Эмми Джо опять задала вопрос:

— А что, если у нее веснушки?

— В веснушках нет ничего плохого.

Эмми Джо тряхнула головой и поморщилась.

— Ну да! — выпалила она. — *Тебе-то* легко говорить! Ведь у тебя ни одной нет. Если бы они у тебя были, ты бы поняла, что в них нет ничего хорошего, вот так-то!

Белинда раздраженно взглянула на нее. Они уже много раз обсуждали эту тему. Она знала, что Эмми Джо всегда ненавидела россыпь веснушек у себя на лице. Белинда чувствовала, что эти обсуждения ни к чему не приводят и не помогают разубедить подругу.

— Да они почти незаметны, — сказала она. — Не понимаю, почему ты так из-за них переживаешь?

— Ну, если бы у тебя были веснушки, ты бы...

— Девочки! — строго окрикнула Марти.

Белинда и Эмми Джо переглянулись, смекнув, что лучше перестать пререкаться. Эмми Джо недовольно посмотрела на Белинду и что-то прошептала, но Белинда не расслышала этих слов. Она посмотрела в сторону. Хорошо, что Эмми Джо немного помолчит. Но молчала она недолго:

— Как ты думаешь, она большая?

— Ей уже четырнадцать лет.

— Я не про возраст. А про *рост*. Она высокая?

Белинда пожала плечами. Она понятия не имела об этом так же, как Эмми Джо, и не понимала, почему подруга настаивает. Наверное, зря они пригласили ее ехать вместе с ними, чтобы встретить дилижанс. Эмми Джо вертела в пальцах ленту, которой была завязана ее длинная рыжеватая коса. Белинда уже забыла о раздражении и теперь любовалась необычной внешностью подруги: не так часто у девушек с рыжеватыми волосами встречаются большие фиалковые глаза.

Белинда, не задумываясь, выпалила:

— А вот *ты* не похожа на свою мать.

Эмми Джо резко повернула голову и уставилась на Белинду. В ее красивых глазах застыл вопрос. Марти, сидевшая на переднем сиденье, тоже обернулась и прислушалась.

Белинда поспешила объяснить, что она имела в виду:

— Понимаешь, ты похожа *не только* на маму. У тебя ее глаза и подбородок, но цвет волос и форма лица совсем другие.

— Ма говорит: у меня волосы такого же цвета, как у бабушки Уоррен, — объявила Эмми Джо, закинув косу через плечо.

Белинда кивнула.

— А лицо, как у папы, — продолжала Эмми Джо.

— Вот видишь, — пояснила Белинда, — у Мелиссы могут быть черты лица, которые делают ее похожей на разных членов семьи. Необязательно быть похожей на маму или папу — точнее, это не значит, что ребенок должен быть *точь-в-точь* похож на кого-то из них.

Эмми Джо нахмурилась, не желая признавать, что упрямиться глупо, но перестала задавать вопросы, на которые нет ответа.

По дороге в город Марти задумалась над тем, что девочки говорили о внешности, и над последним утверждением Эмми Джо. «*Да, ее лицо похоже на лицо отца*, — молча согласилась она с внучкой, — *а его лицо — на лицо его отца*». Время от времени она видела на лице внучки выражение или ловила поворот головы, который напоминал ей об отце Клэра — о Клемме, ее первом муже. Эти воспоминания не были болезненными или печальными — просто это осколок давно ушедших дней. Наконец долгая дорога закончилась. Теперь нужно подождать, когда придет дилижанс. Марти всем сердцем надеялась, что он не опоздает.

— Девочки, может, сбегаете за мороженым? — предложил Кларк, достав из кармана монетки.

Взяв деньги, они с радостью побежали по улице. Марти с выражением облегчения повернулась к мужу. Несомненно, Кларк прочитал ее мысли. Он знал, что болтовня детей ее немного раздражает.

— Просто они разволновались, вот и все, — заверил он ее. — Они успокоятся, когда придет дилижанс.

— Очень надеюсь, — со вздохом ответила Марти. — Надеюсь, все будет хорошо, и одна из девочек не почувствует себя одиноко, когда двое из них подружатся. Если все так обернется и они начнут ссориться, я сойду с ума.

— Не стоит переживать из-за этого заранее, — заметил Кларк, перекидывая поводья через перила.

Марти стояла молча, нахмутив в задумчивости брови.

— Наверное, нам следовало по крайней мере задать несколько вопросов, — пожаловалась она. — Кларк, ведь мы практически ничего не знаем о нашей внучке!

— Мы знаем все, что нужно, — спокойно ответил Кларк, взял Марти за руку и повел по пыльной улице. — Мы знаем, что она — наша внучка, мы знаем, что ей нужно место, чтобы остановиться, пока она учится. На мой взгляд, этого достаточно.

Марти еще раз вздохнула и приподняла юбки, чтобы пыль не садилась на них при каждом шаге. Наверное, Кларк прав, и все же она надеялась избежать неприятных сюрпризов.

Марти сделала кое-какие покупки в местном магазине. На самом деле продукты ей не так уж нужны, но прогулка помогла скоротать время, которое оставалось до прибытия дилижанса. Было еще рано, и она решила взглянуть, что продается в отделе тканей. Возможно, Мелиссе понадобятся новые платья для школы. Мисси ничего об этом не писала, но не помещает узнать, что есть в магазине. А вдруг она соберется сшить внучке обновку?

Она заметила кричащую ткань, которую Эмми Джо выбрала для занавесок и покрывала, — она по-прежнему лежала на

полке. Ничего удивительного. Вряд ли она понравится кому-то еще. Марти хотела украдкой купить ее, чтобы сделать Эмми Джо сюрприз на день рождения, но затем передумала. Эмми Джо такая непостоянная! В свой день рождения она вполне может выбрать нечто совершенно другое.

«Но где же девочки?» — Марти оглядела магазин. Долго же они ходят за мороженым! — *А что, если они попали в неприятности?»* Марти отложила рулон клетчатой голубой ткани и пошла их искать.

Долго блуждать не пришлось. Они сидели на скамейке на тротуаре перед кассой, в которой продавались билеты на дилижанс. Девочки спокойно болтали ногами и что-то оживленно обсуждали.

«Кажется, помирились!» — Марти с облегчением вернулась в отдел тканей. Там были очень симпатичные отрезы, и она решила купить кое-что для Белинды, потому что она быстро вырастала из своих нарядов. Марти не смогла выбрать из двух видов ткани и решила взять оба отреза. Все равно вскоре ей понадобится шить еще одно платье, рассудила она, и в таком случае ей не придется опять ехать в город.

Покупка ткани и ниток заняла несколько минут. Марти была рада, что смогла отвлечься от ожидания. Когда ей отмеряли ткань, она поболтала с владельцем магазина. Забавно, но в ее голосе слышались те же взволнованные подрагивающие нотки, что и у Белинды и Эмми Джо.

Наконец она вышла из магазина, чтобы присоединиться к девочкам. Кларк уже сидел на улице, разговаривая с владельцем конюшни. Марти замедлила шаг. Она должна успокоиться.

Ведет себя, как вздорная девчонка! Что Мелисса подумает о своей бабушке? Марти решила отнести свертки в коляску и уложить под сиденье. Кларк предложил сделать это за нее, но она отказалась. Затем Белинда подпрыгнула с места и заявила, что сбегает и отнесет покупки в коляску, и Марти прекрасно знала, что она именно «сбегает», это уж точно.

— Я пойду с тобой, — с энтузиазмом воскликнула Эмми Джо, вскакивая со скамейки.

— Нет-нет, не нужно! — заверила Марти. — Времени достаточно. Я сама их отнесу. Я должна чем-то заняться.

Когда она вернулась, людей, ожидавших дилижанс, стало больше. Некоторых она видела впервые в жизни, но ей на глаза также попался кое-кто из соседей и жителей маленького городка. Они приветствовали друг друга и обменялись любезностями:

— Вы кого-то встречаете? — спросила миссис Колсон, жена нового бакалейщика.

Марти в жизни бы не стала стоять здесь на жаре и в пыли, если бы никого не ждала, но она любезно улыбнулась миссис Колсон и сообщила ей, что в этом году с ними будет жить внучка, которая родилась на Западе.

— Как мило! — с такой же любезной улыбкой ответила миссис Колсон. — А ко мне приезжает сестра. Два месяца назад у нее умер муж, и она в отчаянии.

Марти тихо выразила свои соболезнования, сказав, что прекрасно понимает ее сестру.

— Надеюсь, мне с ней будет не слишком тяжело, — откровенно заявила миссис Колсон. — Некоторые люди, пережившие

горе, воображают, что весь мир будет оплакивать потерю вместе с ними. А у меня нет ни времени, ни желания...

Но тут из-за угла показался дилижанс, ожидавшие его люди радостно загалдели, заглушив слова миссис Колсон. Марти молчала, но напряглась всем телом, устремившись вперед. Секунду ей казалось, что она не устоит на ногах, но головокружение быстро прошло. Она сделала шаг вперед, чтобы взять Кларка за руку. Ей требовалось скорее участие, чем опора. Кларк, как обычно, уловил ее настроение и нежно пожал руку. «*А вдруг Мелисса опоздала на дилижанс или передумала в последнюю минуту?*» — спохватилась Марти. Она отбросила эту мысль, когда к ней, трепеща от волнения, прижалась Белинда.

— Мама, — спросила она, дергая руку Марти, чтобы обратить на себя ее внимание, совсем как раньше, когда была маленькой, — мама, а как мы ее узнаем?

Марти рассеянно посмотрела на повернувшую к ней голову Белинду. У нее не было ответа. Она никогда не видела внучку и не подумала расспросить о ее «приметах». Она думала... просто она думала, что они ее *обязательно* узнают. А что, если нет? Неужели придется спрашивать? «*Какой конфуз!*» — в панике подумала Марти. Но тут заговорил Кларк:

— Вряд ли в дилижансе едет много четырнадцатилетних девочек, — уверенно ответил он.

Беспокойство исчезло из глаз Белинды. Марти потянулась к ней и прижала к себе. Непонятно, у кого сердце билось сильнее: у нее или у дочери...

Дилижанс остановился, подняв облачко пыли. Кучер бросил поводья работнику конюшни и спрыгнул на землю. Дверь

открылась, и из нее вышел хорошо одетый мужчина. Марти сразу поняла, что она его не знает, и отвела глаза.

Следующей была степенная матрона, и Марти взглянула на миссис Колсон. Но к женщине подошла не она, а мужчина, с которым Марти не была знакома. Они обнялись и направились к стоявшей неподалеку упряжке лошадей. У Марти по-прежнему сильно билось сердце. Из двери появился молодой мужчина. Он взглянул на двух девушек, кивнул мужчине, взял сумку, повесил ее на плечо и направился к гостинице. Марти чувствовала, как дрожит Белинда. Все ерзали от нетерпения.

Затем молодая девушка (нет, ребенок — или все же молодая девушка?) осторожно вышла из дилижанса. Из-под ее шляпы свисали пышные каштановые кудри, и темно-карие глаза с любопытством оглядели толпу. Марти решила, что это не ее внучка. «*У Мисси светлые волосы*», — сказала она себе. Но тут девушка улыбнулась. Улыбнулась, глядя прямо на них. И Марти узнала улыбку Мисси. Ее сердце застучало так часто, что она сразу поняла: перед ней стоит Мелисса.

Кларк, видимо, понял это еще раньше, потому что он уже пошел вперед и даже протянул руку, чтобы взять чемодан, который держала девушка. Но она не отдала багаж, а с радостным возгласом бросилась в его объятия. И тогда Марти рванулась к ней. По ее щекам бежали слезы, и она привлекла к себе девушку. Все сомнения оставили ее, словно листья, которые срывает ветер. В это короткое мгновение она почувствовала, что уже узнала внучку. «*Она милая и хорошая, наша Мелисса!*» — радостно сказала она про себя.

Глава восьмая

ЗНАКОМСТВО

Поездка домой была очень веселой. Они сразу поняли, что Мелисса не страдает застенчивостью. Она взволнованно рассказывала о путешествии и еще раз обняла всех родственников — за Мисси и Вилли. Мелисса поведала им новости о Натане, Джосае и Джулии, болтала о новой конюшне отца и огромном саде, который мать разбила у источника. Марти впитывала информацию, забрасывая внучку вопросами. Ведь она хотела знать все, и ей было так интересно слушать!

Белинде и Эмми Джо едва удавалось вставить хоть словечко. Белинду это не очень беспокоило. Она сидела тихо и слушала рассказы о западных родственниках. А вот Эмми Джо негодовала. Несомненно, ей тоже хотелось участвовать в разговоре и задать сотню вопросов — такой уж у нее характер!

Наконец она толкнула Белинду локтем.

— Спорим: они даже не замечают, что мы здесь, — пожаловалась она таким тоном, что сразу стало ясно — настроение у нее испортилось, совсем как по дороге в город.

Белинду это мало беспокоило. Она знала, что потом у нее будет полно времени, чтобы поболтать с Мелиссой. В конце концов они поселятся в одной комнате.

Эмми Джо, должно быть, подумала о том же.

— Ну да, тебе-то что? — вызывающе сказала она. — Ведь ты будешь с ней жить. И даже в одной комнате. Вы можете говорить без умолку, сколько хотите.

— Она проведет здесь два года, — терпеливо напомнила Белинда.

— Два года, — вздохнула Эмми Джо, — и два года нельзя будет даже перемолвиться словечком!

— Не глупи, — отрезала Белинда.

Она и правда устала от жалоб подруги.

— Ну вот видишь! — насупилась Эмми Джо. — Я уже тебе надоела.

— Нет, ты не надоела! — прошипела Белинда ей на ухо.

— Ничего подобного. Я так и *знала*. Я предчувствовала, что ты сразу переметнешься к ней!

— Ну все, хватит! — недовольно перебила ее Белинда. — Мы еще даже не знакомы! А если ты будешь так глупо себя вести, то точно всем надоешь.

Эмми Джо отвернулась, надув губы, а Белинда прислушивалась к разговору. Мелисса сидела между бабушкой и дедушкой, чтобы они ближе познакомились с ней по дороге домой.

— Мать сказала, чтобы я отдала вам это в ту же минуту, как только приеду, — сказала Мелисса и со смехом добавила: — Надеюсь, она имела в виду, когда я приеду на ферму, потому что сверток находится на самом дне чемодана.

Кларк и Марти поддержали ее легкий звенящий смех. Белинда впервые видела девочку, которая говорила не «ма» или «мама», а «мать». Из-за этого Мелисса казалась взрослой. А та продолжала рассказ:

— Джулия прислала вам салфетку. Она сама ее вышила.

— Расскажи нам о Джулии, — попросила Марти. — Она похожа на тебя?

— Нет! — Мелисса опять засмеялась. — Не очень похожа. У нее тоже карие глаза. Наверное, у всех у нас такие глаза, как у отца. Но у нее светлые волосы, почти как у мамы, и она очень спокойная. Мать говорит, что Бог, должно быть, понимал, что в доме довольно одной болтушки. И эта болтушка — я.

Мелисса опять рассмеялась, и от ее радостного смеха казалось, что солнечные лучи стали ярче.

— Джулия... Джулия такая милая! — задумчиво сказала Мелисса. — Она никогда не думает о себе и помогает матери, даже если та ее не просит, она любит животных и... и... да, мне будет ее не хватать! — быстро произнесла она, и в ее голосе послышались слезы. — Но мать говорит, что время летит быстро, — бодро продолжала Мелисса, — и я очень на это надеюсь. Я буду скучать по родным. Я раньше никуда не уезжала с ранчо, даже на одну ночь. Мы часто упрашивали отца взять нас с собой в город, но он всегда брал только мать. Она делала покупки. Кажется, отцу не очень нравится в городе.

Но вы знаете, когда я ехала сюда, я видела столько интересных вещей!

И Мелисса вновь стала захватывающе описывать людей, города и события — ведь она проехала на поезде половину континента.

— А как поживают твои братья? — спросила Марти.

— Отлично! Натан вымахал выше отца, а Джо — теперь он хочет, чтобы его называли Джо, — ниже его всего на пару дюймов. Хотя, возможно, он будет выше брата, ведь он еще не перестал расти. Во всяком случае, так думает мать.

— Ого! — воскликнула Марти. — Вот это да! Мне и в голову не приходило, что он такой большой...

— Отец хочет помочь Натану купить свой участок. Он находится недалеко от нашего ранчо. У Джо есть несколько своих лошадей. Он их очень любит, но говорит, что может пока подождать и поработать на ранчо с отцом. Джо скорее домосед, во всяком случае, так называет его мать.

— А у Натана есть подружка? — перебил ее Кларк.

— Да, мы дразним его из-за дочери моей учительницы. Элизе столько же лет, сколько Джо. Но он пока ничего не говорил, — ответила Мелисса.

— А как поживает твой отец?

— Прекрасно. Он очень рад, что дедушка Ла Хэй к нам переехал, но сейчас он живет на ранчо дяди Натана. Он заезжал, чтобы попрощаться со мной. Пришли дядя Натан, тетя Калли и все остальные. Они передавали вам привет.

— А Куки все еще живет с вами?

— О, он никогда не уедет! Он же член семьи!

— А кто из работников еще живет у вас — ну, из тех, с кем мы познакомились, когда приезжали?

Мелисса замолчала, задумавшись. Она сказала, что не знает точно, кто работал на ранчо, когда бабушка и дедушка гостили у них, и потому просто назовет всех ковбоев, которые сейчас трудятся на ранчо.

— Что ж, — медленно произнесла она, — посмотрим. У нас живут Джейк, Брауни, Клайд, Том и Хупер.

— Это все новые, — заметила Марти. — Мы не знаем ни Тома, ни Хупера.

— А еще Шорти, Берт и Чарли.

— Их я тоже не знаю. А Смит живет с вами?

— Нет, Смит уехал, еще когда я была маленькой.

— А Ван готовит?

— Ван? Нет, Ван умер. Лет пять назад. К нам приехал его друг из Сан-Франциско. Его зовут Йен Су.

— Ах! — воскликнула Марти. — Как жаль, что Ван умер... Он нам так понравился!

— Маме он тоже нравился. Сначала ей было трудно привыкнуть к Йену.

— А что случилось с Ваном?

— Мы точно не знаем. Он отказался идти к доктору. Сказал, что у него есть свое лекарство, но становился все слабее и слабее. Куки несколько месяцев ухаживал за ним. Но он так и не выздоровел.

Несколько минут они молчали. Кларк и Марти посмотрели друг на друга. Несомненно, они задумались о том, приняли ли Ван Господа.

— Ну что ж, а вот и наша ферма, — сказал Кларк Мелиссе.

— Ой, как красиво! И такая большая! Я имею в виду, дом большой. Наш дом кирпичный и приземистый, а ваш такой высокий! И белый! Я в восторге! Мать так и сказала, что он мне обязательно понравится.

— У тебя будет своя комната, — вставила Марти, — но в ней нужно сделать ремонт. Мы подумали, что ты захочешь сама выбрать цвета. Мы решили, что на время ремонта ты проживешь с Белиндой в ее комнате, если не возражаешь, конечно.

Впервые Мелисса оглянулась и посмотрела на Белинду. Она ослепительно ей улыбнулась.

— Это здорово! — заверила она родственников. — Мы с Джулией жили в одной комнате. А я боялась, что мне будет одиноко! Белинда, а ты не против? — добавила она. — Ведь у тебя своя, отдельная комната...

— Нет, я не против! — немедленно отозвалась Белинда, качая головой.

Она бы сказала больше: призналась, что с нетерпением этого ждала, считала дни, надеялась, что Мелисса никогда от них не уедет, но заметила, что Эмми Джо пристально на нее смотрит, и решила не вдаваться в подробности.

— Мы собирались пригласить на ужин всех родных, чтобы ты с ними познакомилась, — сказала Марти, — но потом решили, что торопиться не стоит. Сразу всех ты никогда не запомнишь, — тихо рассмеялась она, — поэтому ужинать мы будем впятером. Эмми Джо к нам присоединится.

Мелисса улыбнулась девочке, и та ответила ей тем же, хоть ее улыбка была несколько кривой и робкой. Мелисса повернулась к бабушке:

— Мать говорила, что дядя Клэр и тетя Кейт живут рядом с вами, в одном дворе. Наверное, это та-а-а-к весело!

— Верно, — улыбнулась Марти. — И скоро ты с ними познакомишься.

Тут Кларк остановил лошадей и помог женщинам спуститься вниз. Но Эмми Джо спрыгнула на землю сама, раздраженно взглянув через плечо, когда Кларк помог Мелиссе сойти.

— Я принесу багаж чуть позже, — пообещал Кларк и стал распрягать лошадей.

Родственницы прошли к дому. Мелисса по дороге восторгалась всем, что попадалось ей на глаза. Она снова и снова говорила что-нибудь вроде: «О, мать мне об этом рассказывала!» или: «В точности, как она говорила!» Марти сказала, что Мисси хорошо потрудилась, чтобы познакомить дочь с новым домом, и Мелисса энергично закивала в знак согласия.

Белинду попросили показать Мелиссе комнату. Она позвала с собой Эмми Джо, но та отрицательно покачала головой, заявив, что поможет Марти накрыть на стол к ужину.

Белинда проводила Мелиссу в комнату, и та несколько раз воскликнула, что она ей очень нравится. Затем Белинда отвела ее в ту комнату, в которой она поселится после ремонта, объяснив, что Мелиссе предстоит самой выбрать обои, занавески и покрывало.

— О, как здорово, как это будет здорово! — закричала Мелисса. — Раньше все это выбирала мать. Я никогда не была в городе. А когда мы поедем за покупками?

Белинда покачала головой, не зная, что ответить. Понравятся ли Мелиссе товары, которые продаются в магазине тканей их маленького городка?

— Мы не очень часто ездим в большой город, — медленно ответила Белинда. — Обычно мы покупаем все в местечке неподалеку.

— И там все это продается? — недоверчиво спросила Мелисса.

Белинда кивнула. Ну да, конечно, продается.

— Матери всегда приходилось ездить в город за покупками. В магазинах неподалеку продаются только товары первой необходимости и всякая деревенская ерунда.

Белинда надеялась, что Мелисса не сочтет ткани в местном магазине «деревенскими».

— Мне кажется, в вашем городке так же интересно, как в большом городе! — уверила ее Мелисса. — Не терпится взглянуть на него поскорее!

Ужин проходил очень оживленно. Мелисса болтала без умолку — хотя, стоит признать, в основном она отвечала на вопросы, которые ей задавали.

Когда они поели, читали Библию и помолились («Мы тоже так делаем», — вставила Мелисса), она стала собирать со стола тарелки.

— Ты хочешь мыть или вытирать? — спросила она Белинду.

Марти была рада видеть, что девочка предложила помощь. Она бросила взгляд на Кларка, чтобы убедиться, что он тоже это отметил. Так оно и есть: Кларк многозначительно ей кивнул.

— Ты должна рассказать мне, что я должна делать, — продолжала Мелисса. — У нас с Джулией был список. Время от времени мы менялись, потому что скучно все время делать одно и то же. Мать не возражала — для нее главное, чтобы все было сделано.

Белинда кивнула. Она была рада, что ей есть с кем поделиться домашними обязанностями.

— А что бы ты хотела делать, Эмми Джо? — спросила Мелисса.

— Я живу в другом доме, — быстро сообщила девочка.

— Да, я знаю. Ты живешь в бревенчатой избушке. Правильно? Должно быть, это очень весело! Я никогда не жила в деревянном доме, но моя мама как-то жила в землянке. Но я имела в виду, что ты хочешь делать сейчас, а не вообще. Чем ты займешься?

Эмми Джо ненавидела мыть тарелки. Да и вытирать их ей казалось скучным. Поэтому она ответила:

— Я буду расставлять их по местам.

Клэр подошел к Кларку, чтобы помочь ему отнести в дом багаж. Похоже, Мелисса привезла с собой столько вещей, что их хватило бы на трех девочек. Один чемодан был особенно тяжелым.

— Ого! — воскликнул Клэр. — Что же привезла с собой наша маленькая леди? Золото?

— Что-то я не видел, чтобы на Западе золото валялось на дороге, — заметил Кларк.

— Ну, бабушка! — весело протянула Мелисса, которой явно понравилась шутка.

Чемоданы отнесли в комнату Белинды. Теперь Мелисса могла их распаковать. Белинда показала ей пустые ящики и место в шкафу, и они с Эмми Джо вместе прилегли на кровать, чтобы понаблюдать за родственницей.

Белинда была уверена, что Мелиссе никогда не удастся втиснуть все свои вещи на то место, которое она освободила. *«Наверное, у нее куча платьев!»* — подумала она с легкой завистью.

Одежда Мелиссы была высокого качества и добротна сшита. Белинда решила, что матери не стоит беспокоиться о том, что внучке будет не в чем ходить в школу. Но чемоданы были забиты не только одеждой — на самом деле нарядов у Мелиссы было не больше, чем у Белинды. В тяжелом чемодане лежали книги, и, похоже, Мелисса очень их ценила: драгоценные тома, судя по всему, занимали у нее много времени и внимания. Белинда и Эмми Джо переглянулись, широко раскрыв глаза.

— Где ты взяла столько книг? — спросила прямолинейная Эмми Джо.

— Это подарки, — ответила Мелисса. — Я люблю книги и всегда прошу мать и отца привозить их из города или дарить мне на день рождения и Рождество, да и в других случаях тоже.

Белинда провела пальцем по кожаной обложке книги, которая лежала на верху стопки.

— А вам нравятся книги?

Белинда кивнула, а Эмми Джо ответила:

— Я их обожаю, просто обожаю! Но я никогда не видела столько книг разом за всю жизнь.

— Можете брать, если хотите, — сразу предложила Мелисса.

— Правда? Ты разрешаешь? Вот здорово! А что это за книга? — спросила Эмми Джо и вскочила с постели, чтобы бережно взять экземпляр из чемодана.

— О природе, — ответила Мелисса.

— В ней столько картинок! — радостно заметила Эмми Джо.

— Иллюстраций, — мягко поправила Мелисса.

— А как они их сделали? — продолжала Эмми Джо, не обратив внимания на замечание Мелиссы.

— Их нарисовал художник.

— Нарисовал? Карандашом, что ли?

— Или красками и тушью.

— Нарисовал, — мечтательно протянула Эмми Джо. — Они выглядят, как настоящие.

Мелиссу позвали вниз, чтобы она познакомилась с тетей Кейт и двоюродными братьями. Эмми Джо даже не шелохнулась, сидя на краю кровати. Она не отводила глаз от страниц с иллюстрациями. *«Как у него получилось нарисовать такие картинки? Не отличишь от настоящих!»* — восхищалась

она про себя. Она бы тоже хотела попробовать. С *большим удовольствием*. Увиденные в книге картинки коснулись неких неведомых струн в ее душе. Девочка изучала работу, и в ее глазах загорелась надежда: «*Если бы только у меня была такая книга!*» Она перевела взгляд на чемодан. Как много томов! Она понятия не имела, что у сестры с Запада столько сокровищ! И представить только: она готова ими поделиться! Это было настолько здорово, что казалось невероятным. Эмми Джо долго сидела, медленно переворачивая страницы чудесной книги.

Кларк и Марти понимали, что Мелисса, должно быть, очень устала после долгого путешествия. Она не стала возражать, когда они предложили ей лечь спать, сказав, что выслушают остальные новости потом. Клэр, Кейт и их дети вернулись в избушку. Эмми Джо крепко прижимала к груди иллюстрированную книгу о природе, которую с удовольствием одолжила ей Мелисса. Эмми Джо пообещала прийти утром, как только закончит хлопотать по хозяйству. Марти спокойно сидела, разглядывая подарки от Мисси, которые Мелисса вытащила из чемодана, когда у нее появилась такая возможность. Все решили, что вечер стал волнующим и приятным началом.

Мелисса последовала за Белиндой по широкой лестнице. Они вошли в спальню, где по-прежнему всюду лежали книги, которые девушка вытащила из чемодана. Они вместе их собрали, и Мелисса радовалась, что первую ночь на новом месте проведет в обществе ровесницы. Она скучала по Джулии. Она

скучала по родителям. Она скучала даже по старшим братьям, которые вечно ее поддразнивали. Белинда сложила покрывало. Казалось, она немного стесняется.

— Ты хочешь спать у стены или у края? — спросила она Мелиссу.

— Выбирай ты, — ответила девушка, — ведь это твоя кровать.

— Мне все равно, — настаивала Белинда.

— Тогда я буду спать у стены. Джулия всегда спала с краю.

Они молча расстелили постель, помолились и забрались на чистые простыни. После этого девочки пожелали друг другу спокойной ночи и больше не разговаривали. Мелисса очень устала, но она вспоминала то, что осталось за тысячу миль от нее, — дом, свою комнату, родную семью. О, как она по ним скучала! Но она взяла себя в руки и твердо сказала, что ей нравится ферма и ее замечательные дедушка и бабушка, которых она уже полюбила всей душой. Так же, как Белинду и Эмми Джо... И потом она заснула.

Белинда, лежа рядом с Мелиссой, размышляла о своем. Что ожидает ее в будущем? Понравятся ли они друг другу? Станут ли близкими подругами, а не просто родственницами? Как поведет себя Эмми Джо? Она так радовалась книгам, что Белинда всей душой надеялась: теперь она довольна, что Мелисса поселилась по соседству.

Прошло не так много времени, и Белинда, услышав ровное дыхание Мелиссы, поняла, что та уснула. Однако ей не давали покоя размышления. Все было новым, не похожим на то,

что было раньше. Даже странно. Когда она наконец успокоилась и последовала за Мелиссой в страну сновидений, было уже очень поздно.

— Она такая милая, правда? — спросила Марти, когда они с Кларком легли в постель.

Кларк засмеялся.

— Милая, да. И такая болтушка! — ответил он.

— Ну, нам было о чем поговорить. Я рада, что она не молчуныя. Мне бы не понравилось, если бы она приехала от Мисси, но не сумела рассказать нам о том, что у них происходит.

— Да, рассказывала она немало, — согласился Кларк и опять хохотнул.

— И она очень хорошенькая, — продолжала рассуждать Марти. — У нее ярко-карие глаза и блестящие темные волосы. Улыбка, как у мамы, хотя цвет волос и кожи не такой.

— Да, — кивнул Кларк.

— У нее красивые вещи. Даже не знаю, доставать ли мне швейную машинку, чтобы шить ей обновки для школы.

— Вряд ли Мисси прислала бы ее к нам, не снабдив всем необходимым.

— Нет, конечно. Могла бы сама догадаться.

Кларк пожал ее руку. Этот жест не значил: «Я же тебе говорил», но Марти поняла, что муж был прав, когда уговаривал ее не волноваться по пустякам.

Несколько минут они молчали.

— И она не выскочка, — заметила Марти.

— А ты думала, она может оказаться наглою?

— Я не знаю. Но ведь Мисси часто писала, что все работники ранчо балуют ее и все такое.

— Что ж, я рад, что они ее не испортили, — быстро встал Кларк.

Они опять помолчали.

— Но кое-что привлекло мое внимание, — задумчиво протянул Кларк.

— Что же?

— Ты заметила, какая она образованная?

Марти не отвечала. *Кое-что* она заметила и уже поразмышляла об этом, но пока не облекла свои ощущения в слова.

— Она училась в школе на год больше Белинды, — наконец сказала она.

— Я не об этом. Она говорит... ну, она говорит правильно, совсем не так, как простые жители Запада.

— У ее отца и матери хорошее образование.

— Да, но она говорит еще красивее, чем они. Ты заметила?

— Нет, вряд ли.

— Заметишь, — пообещал Кларк.

— Может, это связано с тем, что она хочет быть учительницей?

— Мисси была учительницей.

Марти задумалась. Мелисса и правда говорила правильнее, чем все они. Да, стоит обращать больше внимания на то, как они разговаривают. Это было бы полезно для Белинды и Эмми Джо.

— А знаешь, что лежало у нее в чемодане? — спросила Марти. — В том, который ты, ворча, нес по лестнице?

— Что же? Наверное, кирпичи.

— Книги.

— Книги?

— Он наполовину забит книгами, — объявила Марти. — Видела своими собственными глазами. И Мелисса тут же поделилась ими с девочками. Разве ты не видел, что Эмми Джо прижимает к себе какую-то книгу с таким видом, будто нипочем не согласится с ней расстаться?

— Значит, она любит читать? — заметил Кларк. — Возможно, *поэтому* она так правильно говорит.

— Возможно, — согласилась Марти, но, подумав минуту, добавила: — Или это заслуга Мелинды, жены Генри, которая вела уроки у Мелиссы. Помнишь, как красиво она разговаривала?

— Наверное, ты права. Думаю, она следит за тем, чтобы ее ученики говорили правильно. Наверняка Мелисса заметила разницу в нашем выговоре, — сказал Кларк и несколько минут помолчал. — Нам нужно вести себя осмотрительнее. В будущем ей придется столкнуться с множеством перемен.

— Это точно, — подтвердила Марти. — Но мне будет легко о ней заботиться. Я уже полюбила эту девочку.

Кларк протянул руку, чтобы убрать волосы с лица Марти.

— Я рад, что она приехала, — мягко сказал он. — Хорошо, что у нас появилась возможность лучше ее узнать. Это и радостно, и печально, правда? — тут же исправился он.

Марти согласилась. Как обычно, он легко читал ее мысли.

Глава девятая

ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ

Всем родственникам не терпелось познакомиться с Мелиссой, и потому они договорились собраться в следующее воскресенье после службы у Кларка и Марти. Девочку подвели к родственникам на церковном дворе, хотя Марти была уверена, что она никогда не запомнит имена всех своих братьев после первой встречи. Однако Марти казалось важным, чтобы Мелисса знала своих родственников.

Мелисса уже отправила семье толстое письмо, рассказав о приключениях по дороге на Восток и волнующей встрече с бабушкой и дедушкой. Она написала целую страницу о Белинде и еще одну — о дяде Клэре и его семье.

Марти тщательно продумала меню воскресного обеда и развлечения. Взрослые будут сидеть за столом в большой кухне, но дети могут поесть на просторной задней веранде.

Марти растерялась, подумав о том, куда посадить Мелиссу. Где ей будет удобнее — с детьми или со взрослыми? Она спорила сама с собой, пока не появился Кларк и не прервал ее размышления.

— По-моему, Мелиссе полезно познакомиться с братьями до того, как она пойдет в школу. Ведь если она их узнает, то, считай, будет знать половину учеников! — пошутил он и рассмеялся.

Марти понимала, что он преувеличивает, но не стала перечить. Замечание Кларка помогло ей определиться. Она посадит Мелиссу на веранде вместе с детьми. За большим столом достаточно взрослых — хоть бы им разместиться! Мэри и Джейн всегда хотели сидеть вместе со взрослыми. Значит, всего двенадцать человек, а больше людей за один стол и не сядут. Марти рассказала Белинде, как следует накрывать на стол.

Вскоре стали прибывать упряжки лошадей, и двор фермы наполнился радостными криками: двоюродные братья и сестры приветствовали друг друга.

Мелисса помогала нарезать яблочный пирог. Она улыбнулась, услышав этот грохот.

— Мать была бы счастлива, оказавшись здесь! — заметила она.

Марти улыбнулась ей в ответ — в этом не могло быть сомнений.

Первыми в дом вошли Арни и его семья. Кларк стал представлять родственников друг другу.

— Ты видела Арни и Анну в церкви. У них трое сорванцов. Все они похожи, но разные по росту. Сайлас — старший. Это вон тот высокий парень, который несет лимонный пирог.

Сайлас немного застенчиво улыбнулся, и Мелисса тепло с ним поздоровалась.

— А это Джон. Не называй его Джонни. Он, может, и не возражает, но его маме это не понравится, — Кларк шутливо подмигнул Анне, и она улыбнулась в ответ на дружеское поддразнивание.

Джон широко улыбнулся кузине, и Мелисса немедленно сделала то же самое.

— А этот маленький мальчик — точнее, большой — Эйб.

Мальш быстро улыбнулся. Кажется, ему хотелось убежать. Все видели, что он бы предпочел провести время в компании братьев своего возраста. Мелисса рассмеялась, когда он быстро обнял ее и убежал.

Следующей приехала семья Люка. Эбби принесла большую миску с картофельным салатом. Мелисса познакомилась с ними в церкви и уже запомнила их имена. Томас и Аарон хотели быстрее приступить к играм. Аарон — младший сын Люка. Томас приблизительно одного возраста с Дэком, сыном Клэра. Аарон обвил Мелиссу пухлыми ручками, чтобы ее обнять, а Томас застенчиво попятился.

К родным присоединились Клэр и Кейт. Их дети, кроме Эмми Джо, не вошли внутрь, но Мелисса еще раньше познакомилась с Дэном, Дэвидом и Дэком.

Нандри и Джош прибыли последними. Мэри и Джейн, обе немного застенчивые, приветствовали Мелиссу. По характеру они были простодушными и скромными, прямо как мать, но когда они поближе познакомились с родственницей, то отнеслись к ней тепло и дружелюбно. Мэри направилась

работать на кухню, а Джейн отправилась на поиски Аарона, за которым ей велели присматривать. Аарон не возражал. Он купался во внимании, которое уделяли малышам. Он мог заниматься всем, чем хотел, и для начала выбрал дедушкины качели. Джейн стала с удовольствием его раскачивать. Они уже собирались сесть за стол, чтобы поужинать цыпленком, когда Дэн привел в дом рыдающего Дэвида. Тот упал с лестницы и ушиб лобик. Дядя Люк быстро поправил дело, и вскоре малыш опять улыбался.

Матери положили на тарелки еду для тех, кто собирался ужинать на веранде. Даже Аарону позволили присоединиться к другим детям. «Я буду все делать сам», — гордо заявил он, встав на колени на нижней ступеньке и поставив тарелку на предпоследнюю. Белинда пообещала, что присмотрит за ним. Мелисса не знала, что происходит за столом, за которым сидят взрослые, но, судя по восхищенному выражению ее лица, она бы не отдала свое место на веранде за все богатства мира.

Дети оживленно разговаривали, и Дэн с Сайласом старались превзойти друг друга, рассказывая анекдоты. Большинство из них были с длинной бородой, но компания все равно смеялась во все горло.

Эмми Джо без устали бранила младших братьев. «Дэн слишком глуп, Дэвид беспечен, а Дэк... вообще *никакой*», — обессиленно объявила она, вставая, чтобы взять тряпку и вытереть пролитое им молоко.

Джон сидел рядом с Мелиссой. Он неприкрыто разглядывал ее, а затем благоговейно спросил:

— У тебя есть своя лошадь?

Мелисса кивнула.

— Даже три на самом деле, — сказала она ребятам.

— Три! Ого! И все твои?

— Все мои.

— А как их зовут?

— Сэнди — моя первая лошадь. Она уже старая. Перец — вороной и очень красивый, и еще Звезда. У нее на лбу белое пятнышко, похожее на звезду. Она — мать Перца.

— Ого! — опять воскликнул Джон.

— А у тебя есть лошадь? — спросила Мелисса.

— Нет. У меня лично нет. Но у нас есть пони, правда, он принадлежит всем нам.

— А тебе нравятся лошади?

На лице Джона отобразилось все, что он о них думает, еще до того, как он сказал:

— Конечно, нравятся! Я бы все отдал, чтобы у меня была собственная лошадь. Все!

— У меня есть книга о лошадях. Можешь посмотреть, если интересно, — предложила Мелисса.

Джон просиял. Конечно, ему бы хотелось полистать книгу о лошадях.

— В ней говорится о разных породах, о том, как их учить и все такое, — объяснила Мелисса.

— Здорово! — заметил Джон.

— Я принесу ее после ужина, — пообещала Мелисса.

Начиная с этого момента Мелисса могла бы попросить все, что ей угодно, и Джон выбился бы из сил, стараясь ей услужить. Как она и обещала, после того как они закончили ужинать, она

принесла Джону книгу. Кое-кто из братьев подобрался к ним поближе, чтобы полюбоваться на чудесные картинки.

— У меня есть и другие книги. Хотите посмотреть? — великодушно предложила щедрая Мелисса.

Дети закричали, что им бы очень этого хотелось, и Мелисса повернулась к Белинде.

— Не возражаешь, если мы поднимемся в твою комнату? — спросила она.

Когда Белинда уверила ее, что она ни в коем случае не возражает, Мелисса первой направилась к лестнице. Вскоре дети врассыпную улеглись на полу комнаты и начали разглядывать замечательные книжки. Джон взял книгу о лошадях, а другие выбрали то, что соответствовало их вкусам.

— Ух ты! — воскликнул Сайлас. — Откуда у тебя их столько? Их даже больше, чем в нашей школе.

— Мне их подарили, — объяснила Мелисса, нежно поглаживая обложку одной из своих драгоценных книг.

Никогда в доме не было так тихо в воскресенье, когда все члены клана Дэвис собирались вместе. Вскоре малыши стали по очереди просить, чтобы им рассказали сказку, и Мелисса прочитала несколько коротких историй. Все глаза смотрели на нее, а уши внимательно слушали.

Взрослые, сидевшие внизу, замолчали, удивившись тому, куда запропастились дети.

— Такая тишь да благодать, что можно биться об заклад: они заснули или набедокурили! — воскликнул Люк, который удобно устроился на кушетке.

Наконец Кейт решила подняться по лестнице и заглянуть в комнату Белинды. Там она увидела, что дети, раскинув руки и ноги, вповалку лежат на деревянном полу и, словно зачарованные, слушают Мелиссу. Кейт, не веря своим глазам, некоторое время наблюдала за ними, а потом на цыпочках повернула к лестнице.

— Вы никогда не поверите, что я только что увидела! — сообщила она родным. — Все они, вся орава, сгрудились в комнате Белинды и сидят тихо-тихо, слушая, как Мелисса им читает.

— Ты шутишь! — заметил Люк.

— Честное слово! — настаивала Кейт. — Все они сидят там, но их как будто загипнотизировали.

— Надо было давным-давно перевезти сюда эту девочку, — громко заявил Кларк. — Подумать только, от скольких седых волос она бы меня уберегла!

Все расхохотались. Марти не удержалась и тихо поднялась наверх, чтобы посмотреть своими глазами. Все было именно так, как описывала Кейт: дети лежали на кровати, ковриках и подушках в комнате Белинды и внимательно смотрели на Мелиссу. Никто даже не пошевелился, когда Марти заглянула в щелочку двери.

«Ну, доложу я вам! — подумала она. — Это просто великолепно!»

Она спустилась по лестнице, чтобы подтвердить, что Кейт ни капли не преувеличивала.

— Никогда не видела ничего подобного, — заявила она. — Они все там, все до единого. И сидят тихо, как мышки!

— Да, из нее получится прекрасная учительница, — заметил Арни. — Если она сумела справиться с тремя моими сорванцами, то справится с кем угодно.

— Она быстро со всеми перезнакомилась, — вставил Люк.

— И уже поделилась книгой с Эмми Джо, — сказала Кейт. — Никогда не видела, чтобы дочка так волновалась! Она постоянно копирует рисунки из книги. Стараются, чтобы они выглядели точь-в-точь. Некоторые из них довольно сложные, но у Эмми Джо прекрасно получается. Даже я так считаю.

Кейт задумалась и посмотрела в окно:

— Видно, что ей очень нравится этим заниматься. Теперь она никогда не спорит, когда я велю ей что-нибудь сделать, потому что знает: только после этого ей разрешат рисовать столько, сколько хочет.

В глазах Марти показались слезы.

— Как я рада, что Мелисса приехала к нам! — нежно сказала она. — Мисси, должно быть, сильно по ней скучает. Никогда не видела такой милой девочки.

Кларк кивнул в знак согласия:

— Она милая, это точно, но давай не будем усложнять ей жизнь завышенными оценками.

Марти с удивлением взглянула на Кларка.

— Как это понимать?

— Ну, она же просто человек в конце концов. У нее есть право на ошибку и недостатки. У нас, ее родных, недостатков предостаточно. Думаю, мы тоже должны быть готовы к тому, что у нее есть слабые стороны.

Марти некоторое время думала над его словами. Кларк прав. У Мелиссы наверняка есть *какие-то* слабости. Просто они их еще не увидели. Ну, какими бы они ни были, она все равно будет ее любить, решила Марти. Но когда она себе это сказала, то тут же подумала, что с трудом представляет, что в маленькой дочери Мисси может быть нечто плохое.

Несмотря на шапочное знакомство по пути домой от станции, Марти была рада видеть, что три девочки, судя по всему, быстро подружились. Иногда они общались вдвоем, а третья девочка оставалась в стороне, но не потому, что с ней не желали водиться. Как только она к ним подходила, они тепло ее приветствовали, и она вновь становилась частью маленькой группы. Насколько Марти могла видеть, никто не наговаривал на других и не соперничал за внимание, и она благодарила за это Бога.

У каждой из трех девочек был свой особый характер. Эмми Джо — живая, энергичная, артистичная с рождения. Обычно она реагировала и действовала не раздумывая, хотя позже часто жалела об этом. Она не скрывала, что у нее на уме, и быстро искала примирения, если чувствовала, что сказала или сделала нечто непозволительное.

Белинда всегда была чуткой и мягкой. Она глубоко сочувствовала тем, кого обидели, и глубоко переживала личную обиду. Впрочем, она не была мнительной и всегда была готова всем помочь. Ей нравилось делиться и отдавать. Иногда мягкость природы заставляла ее страдать, глубокое огорчение приносила ей и чужая боль. Забыть об огорчении было сложнее, чем стереть из памяти слова, сказанные в пылу ссоры. Часто

из-за колких замечаний импульсивной Эмми Джо Белинда горевала по нескольку дней. Она прощала подругу, но ей было сложно избавиться от неприятных воспоминаний, и они портили ей аппетит, покой и настроение.

Мелисса находилась где-то посередине. Ей нравилось общаться с людьми и заниматься с ними одним делом. Она была открытой и заботливой, но не имела привычки командовать в отличие от Эмми Джо. Мелисса была довольно разговорчивой, но она выбирала слова с большей заботой о чувствах других людей, чем Эмми Джо, и никогда не использовала их как оружие. Мелисса редко оставалась одна, тогда как Белинда могла, погрузившись в раздумья, проводить в одиночестве долгие часы. А Эмми Джо любила людей, когда находилась в подходящем настроении. Три девочки общались друг с другом, и благодаря своей дружбе они многому научились и стали более развитыми. Марти была уверена, что их взаимоотношения приносят пользу всем трем.

Девочки вместе с Марти поехали в город, чтобы выбрать ткани для комнаты. Опыт подсказывал ей, что неразумно ожидать, что три девочки сумеют без разногласий подобрать расцветку для одной комнаты, но Эмми Джо хотела поучаствовать, и Мелисса упрасивала, чтобы девочек тоже взяли. Кларк ободряюще улыбнулся Марти, передав ей поводья. Конечно, он понимал, что ей придется нелегко.

При мысли о том, что они едут в город, девочки были готовы визжать от радости. На этот раз больше всех болтала Эмми Джо. Она пребывала в прекрасном настроении.

— Я нашла самую красивую расцветку, — сообщила она Мелиссе. — Ты будешь в восторге, я уверена.

— О Эмми Джо! — упрекнула ее Белинда. — Ты же помнишь, что Мелисса должна выбрать сама. Мы не должны указывать ей, что покупать.

— Я не буду указывать, — запальчиво ответила Эмми Джо, перебрасывая через плечо рыжеватые косы. — Но это не значит, что я не могу даже показать ей ту прекрасную ткань, которую мы там нашли.

— Конечно, ты мне ее покажешь, — согласилась Мелисса. — И ты тоже можешь показать мне, что выбрала, Белинда.

— Я ничего не выбрала, — призналась девочка. — Мы с мамой решили предоставить это тебе.

— Договорились, — твердо заявила Мелисса. — Жду не дождусь! Я уже написала об этом матери и отцу.

— Уверена, ты будешь в восторге от разноцветного рисунка. Он... он... *полон жизни!* — воскликнула Эмми Джо.

«Полный жизни» — новое выражение, которое она почерпнула из книг Мелиссы об искусстве, и оно пришлось ей по вкусу. В течение нескольких месяцев вся семья слышала его много-много раз.

— Возможно, Мелиссе не нравятся «полные жизни» оттенки, — мягко заметила Белинда.

— Ох, Линди! — нетерпеливо вставила Эмми Джо. — Ты что, думаешь, она ребенок? Она скажет, понравился он ей или нет.

Марти испугалась, что начнется ссора.

— Думаю, сначала мы пойдем в скобяной магазин и выберем обои, — поспешила она сообщить девочкам, погоняя лошадей. — А потом поглядим, что продается в отделе тканей.

Хитрый план предотвращения ссоры не сработал. Эмми Джо продолжила предлагать «лучшие варианты» отделки стен в комнате Мелиссы. Белинда нахмурилась, и Марти поняла, что лучше перевести разговор на другую тему.

— Школа прямо перед нами, — объявила она, указывая на белое здание за деревьями. — Не хочешь остановиться и взглянуть в окно? Скорее всего, дверь закрыта, но мы сможем бросить взгляд украдкой.

Этим ей, пусть ненадолго, удалось отвлечь внимание девочек. Они стали оживленно болтать о школе. Марти с облегчением вздохнула и пустила лошадь более быстрым шагом. Они остановятся у школы на несколько минут, но затем им предстоит долгая дорога в город. Сумеет ли она удержать их беседу в спокойном и управляемом русле?

Глава десятая

ШКОЛА

Марти очень устала. Когда они подъехали к дому, она оставила лошадей на попечение Кларка. Он вопросительно посмотрел на нее, помогая выйти из коляски, но ничего не спросил.

— Позже, — прошептала она ему, и он кивнул.

Три девочки собрали пакеты и понесли их к дому.

— Когда вы будете клеить обои? — спросила Эмми Джо. — Я вам помогу.

— Дедушка этим займется, — крикнула Марти вслед девочкам. — Думаю, он попросит Клэра помочь, если потребуется.

— Ну вот, — проворчала Эмми Джо через плечо, — а было бы так весело, если бы мы втроем этим занялись!

— Занялись, — ровным голосом, без раздражения поправила Марти.

— Дедушка будет клеить обои завтра, — сказала она, когда вошла в кухню и присоединилась к девочкам.

Она ни в коем случае не собиралась разрешать трем маленьким девочкам — по крайней мере, этим трем девочкам — по уши измазаться в обойном клее.

— А как насчет занавесок? — спросила Эмми Джо, и ее веснушчатое лицо сморщилось от ожидания.

— Я сошью занавески и покрывало, — заявила Марти.

— Значит, нам ничего не нужно делать? — недовольно поинтересовалась Эмми Джо.

— Но вы же выбрали обои и ткань, — напомнила ей Марти.

«*И это было просто ужасно!*» — хотелось ей добавить.

Белинде понравились светлые пастельные оттенки, но она, к счастью, говорила мало. Эмми Джо громогласно выступала в защиту «полных жизни» цветов. Мелисса не отступала и настаивала на том, чтобы купить ткань в сине-белую клетку. А обои выглядели так: крохотные синие цветочки в вертикальных полосках на белом фоне. Для того чтобы освежить комнату, они предусмотрели яркие пятна: голубые подушки, надставки для занавесок и банты.

Марти выбрала бы другое. Комната в сине-белых тонах казалась ей немного скучной. Но она не пыталась заставить внучку передумать. Она пообещала девочке, что та сможет выбрать сама, и сдержала свое обещание.

— Я буду работать на кухне, пока ты шьешь, — предложила Мелисса, и Марти одобрительно кивнула.

— И все-таки мне бы хотелось, чтобы мы тоже поработали в той комнате, — проворчала Эмми Джо.

— Прекрасно, — вздохнула Марти. — Когда дедушка закончит клеить обои, вы помоете пол и передвинете мебель.

На лице Эмми Джо выразилось отвращение, и Марти добавила:

— Может, Мелисса захочет поставить мебель по-новому?

Но Эмми Джо была не в том настроении, чтобы ее было легко развеселить. Впрочем, ее упорство быстро сменилось смирением, когда Марти твердо и решительно показала, что не собирается сдаваться. Эмми Джо давно научилась различать, когда бабушка говорит серьезно, а когда с ней можно поспорить. Значит, девочки должны убрать в комнате и помочь Мелиссе переехать туда, когда ремонт будет закончен.

— Конечно, мы так и сделаем! — заявила Белинда. — Будет весело. Мы поставим мебель так, как нравится Мелиссе.

Марти наблюдала за Эмми Джо, когда та оглядывалась по сторонам. Выражение ее лица, словно говорившее: *«Ничего не остается, как выполнять указание»*, сменялось на: *«Пожалуй, все не так уж плохо!»* Марти вздохнула, затем улыбнулась и покачала головой.

Обои наклеили, занавески и покрывало сшили, а маленькие подушки набили старым ненужным тряпьем. Девочки начали убирать в комнате, а Марти заканчивала шитье.

Мелисса установила гладильную доску и тщательно выгладила новые занавески, рюшечка к рюшечке. Белинда мыла пол, а Эмми Джо вытирала пыль с мебели, хотя в основном она раздавала приказы, а также взволнованно восклицала из-за каждого пустяка.

Кровать и шкаф с помощью Клэра, который пришел посмотреть, как продвигается работа, переставили снова в комнату. Он похвалил новую обстановку и оставил девочек наводить лоск. Все, к большому облегчению Марти, согласились, что кровать должна стоять у окна, а новые занавески висеть рядом с изголовьем. Шкаф прекрасно встал у северной стены, а стол, который сделал Кларк, поставили в углу, рядом с книжными полками.

В конце недели новая обитательница переселилась в свою комнату. Белинда говорила матери, что ей совсем не хочется, чтобы Мелисса переезжала, но их разделял только коридор, и она понимала, что намного лучше, если у каждой будет собственная комната. По ее словам, ей нравилось время от времени оставаться одной, и она бы быстро устала в постоянной компании.

Когда все было готово, Марти пришлось признать, что Мелисса сделала прекрасный выбор. Клетчатые занавески и ярко-голубая отделка прекрасно сочетались со светлыми обоями. Полки с книгами сделали комнату более веселой и уютной, а разбросанные на полу яркие коврики придавали ей теплый и привлекательный вид. Она казалась полной света и воздуха.

В субботу вечером, укладываясь спать, Марти устало вздохнула. Она была довольна, что позволила Мелиссе самостоятельно выбрать цвета. Но еще больше она радовалась тому, что в ближайшем будущем это не повторится. Она очень устала, оттого что девочки постоянно бегали по дому и спрашивали ее, готовы ли занавески и покрывало. И хотя они очень

энергично работали на кухне, Марти предпочитала готовить сама. Ей пришлось переделать кое-что из того, что торопливо состряпали девочки. Поэтому она чувствовала облегчение: все закончилось, и она может растянуться под теплым одеялом и насладиться тем, что усталость после напряженной недели постепенно проходит.

Пройдет всего одна неделя, и все дети, кроме маленького Дэка, опять пойдут в школу, а ее жизнь станет спокойнее, напомнила себе Марти. Она и радовалась этому, и огорчалась. Годы летят так быстро! Не успеет она оглянуться, как Белинда тоже вырастет и заживет собственной жизнью. *«Когда это случится, в старом доме будет очень одиноко»*, — грустно подумала Марти. Она вспомнила о том, как бурно и оживленно проходили последние дни, и поняла, что такого не выдержала бы. С другой стороны, она еще не готова зажить спокойной жизнью, в которой ровным счетом ничего не происходит.

В первый день занятий шума, гама и суеты было столько, сколько в ту неделю, когда они ремонтировали комнату Мелиссы. Мелисса и Белинда очень переживали из-за нарядов и причесок. Мелисса перемерила три платья и наконец остановилась на бледно-желтом с голубыми цветами. Белинда предпочла розовое с рисунком. Они перепробовали несколько причесок, но в конце концов обе остановились на собранные волосы в привычный хвостик. Они бегали из одной комнаты в другую, восклицали, сходили с ума, и Марти почувствовала, что умрет, если они сейчас же не выйдут за дверь.

Эмми Джо надела новое ярко-зеленое платье. Она пришла за ними в дом, и они втроем отправились в школу. Все девочки выглядели очень женственно, привлекательно и, как ни странно, спокойно, тогда как у Марти по-прежнему кружилась голова. Она вздохнула, увидев, что они присоединились к младшим братьям Эмми Джо и затем все впятером пошагали по длинной дороге, которая вела к деревенской школе.

Марти стояла у окна в кухне, но даже оттуда она слышала их оживленные голоса. В первый день занятий всегда так. И в конце дня тоже: дети приходили домой, и им не терпелось рассказать Марти, Кларку и всем, кто был готов их слушать, о том, что произошло в «первый день». Но после этого, как подсказывал опыт, родные могли считать, что им повезло, если им хоть что-то рассказывали.

Марти отвернулась от окна, налила себе чашку кофе и устало опустилась на стул. Открылась дверь, и Кларк осторожно просунул голову, заглядывая внутрь.

— Уже безопасно выходить? — спросил он.

Марти улыбнулась:

— Они все ушли, если ты это имеешь в виду.

— Да, здорово они расшумелись! Я с трудом выношу этот гомон. Наверное, старею.

Кларк вошел в кухню и бросил в угол поношенную кепку:

— А кофе в кофейнике остался?

Марти посмотрела на Кларка, а затем перевела глаза на кепку на полу. Она ничего не сказала, но Кларк понял, что означает ее взгляд:

— Не имеет смысла вешать ее на крючок. Я скоро пойду обратно.

Марти собиралась встать со стула, чтобы приготовить мужу кофе, но он остановил ее, мягко коснувшись руки, и она вновь откинулась на спинку. Кларк взял кружку, из которой пил за завтраком, подошел к плите, где пыхтел кофейник, и налил себе темной горячей жидкости. После этого он сел напротив Марти.

— Как ты справляешься? — шутливо спросил он.

Марти уловила в его вопросе искреннюю тревогу. Она улыбнулась:

— По-моему, неплохо, хотя, конечно, сдерживалась с трудом.

— Я помню, что первый день школьного года всегда вызывает кучу волнений. Но не кажется ли тебе, что в этот раз они как будто слетели с катушек?

— Похоже... а может, мы просто забыли, как это было раньше. Я не знаю. — Марти прихлебнула кофе. — Наверное, присутствие Мелиссы сыграло свою роль. Девочкам не терпится познакомиться ее со школьными друзьями. Кроме того, они разволновались из-за того, что к ним приехала новая учительница. Они всегда немного не в себе, пока не узнают новую учительницу поближе.

— Мне она показалась доброй женщиной, — заметил Кларк.

— Вот и прекрасно, — ответила Марти. — Очень важно, чтобы у детей была хорошая учительница.

Марти допила кофе, но осталась сидеть на стуле. Она продолжала беседовать с мужем, пока тот допивал свой кофе.

— Ну что, может, отдохнешь немного? — спросил Кларк.

Марти огляделась по сторонам: стол уставлен невымытыми тарелками, в кухне грязно из-за того, что она все утро готовила завтрак и заворачивала для детей сэндвичи. Она промолчала. Кларк сам все видел. Что тут скажешь?

— Во всяком случае, теперь будет спокойнее, — утешил он.

— Через день-другой они утомонятся, — согласилась Марти. — Так всегда бывает. Вскоре все пойдет по-старому, и мы даже станем жаловаться на скуку.

Кларк кивнул.

— Если бы я была на твоём месте, — продолжала Марти, — я бы постаралась к концу школьного дня уйти куда-нибудь подальше. Обычно по возвращении из школы дети шумят ещё сильнее, чем перед уходом: им не терпится пересказать каждую мелочь, которая произошла в первый день: кто что сделал, куда пошел, что нашел, начиная с первого дня каникул и до последнего.

Марти замолчала и с хитринкой во взоре добавила:

— Или ты хочешь присутствовать при этом, чтобы ничего не пропустить?

Кларк рассмеялся.

— Спасибо за приглашение, — сказал он, поставив пустую кружку на стол. — Но нет, пожалуй: мне нужно идти на дальнее поле.

Марти неохотно поднялась с удобного стула и начала собирать тарелки.

— А ты как же? — спросил её Кларк. — Как ты выдержишь это безумие?

— Скажи, а на том дальнем поле нет каких-нибудь камней? Я могла бы их собрать, — предложила Марти.

Кларк опять рассмеялся и встал, чтобы забрать кепку, лежащую в углу.

— Ничего, как-нибудь справимся, — уверенно заявил он, — всегда справлялись.

Марти понимала, что он прав. Она вспомнила, что нужно быстрее убрать тарелки. И еще испечь печенье. Кроме того, ее ждет куча грязного белья.

— Пожалуй, я поищу такую работу, чтобы малыши могли мне помочь, — сказал Кларк. — У меня такое чувство, что маленькому Дэку этот день покажется ужасно длинным.

Теперь улыбнулась Марти. Да, верно, Дэку будет тяжело дожидаться братьев. И Кларк нашел прекрасный предлог, чтобы приятно провести время с внуком.

Несмотря на мрачные предположения, которые она высказала в разговоре с Кларком, Марти заметила, что, по мере того как стрелки часов подползали к часу, когда дети должны вернуться из школы, ее ожидание усиливалось. Она несколько раз подходила к окну и выглядывала из него. Наконец Марти услышала лай собак и поняла, что скоро дети ворвутся в дверь.

Она поставила на стол стаканы и налила туда молоко. Как знать, сколько малышей зайдет к ним в большой дом! Она понимала, что детям Кейт тоже не терпится рассказать бабушке о прошедшем дне.

Марти услышала радостный возглас Дэка. Он с восторгом приветствовал вернувшихся братьев и сестер.

Эмми Джо первой вошла в дверь кухни, ведя за собой Белинду и Мелиссу. Мальчики направились к бревенчатой избушке.

— Бабушка! — воскликнула Эмми Джо. — Угадай, что произошло сегодня в школе!

— Может, вы просто расскажете? — попросила Марти, снимая сахарные печенья с противня, на котором они охлаждались, и выкладывая в тарелку.

— У нас новая учительница!

Марти посмотрела на девочек.

— Но мы уже слышали об этом, — заметила она. — Последние несколько дней мы только о ней и говорили. Дедушка помог ей перебраться в новый дом.

Новой учительницей была недавно овдовевшая леди из соседнего городка, которая была счастлива получить работу. Она переехала в учительский домик, как только ее заверили, что ее берут на это место, и Кларк был одним из тех, кто приехал в фургоне, чтобы помочь ей перевезти вещи.

Девочки переглянулись и захихикали в ладошки. Марти не понимала, что в этом такого веселого.

— Да, ты рассказывала нам об учительнице, — объяснила Белинда, — но мы ничего не слышали о ее семье.

— А у нее есть семья? Надо же. Мне казалось, она живет одна. Когда ваш дедушка был у нее...

— Верно, — быстро вставила Белинда, — просто ее дети в то время находились у ее родителей или сестры — что-то в этом роде.

Девочки опять переглянулись, весело пересмеиваясь.

— Ну и что из того, что у нее есть семья? — простодушно спросила Марти.

Из-за этого девчонки расхохотались еще громче.

Эмми Джо первая успокоилась и выкрикнула:

— У нее сын!

— Сын? — Марти посмотрела на развеселившихся детей. Даже Мелисса вела себя, как глупая школьница. А она полагала, что она куда спокойнее своих младших родственниц.

— И что, у этого мальчика три уха и один глаз, или что-нибудь в этом роде? — спросила Марти.

Девочки дружно застонали. Марти терялась в догадках: как это понимать?

— Ах, не-е-ет, — протянула Эмми Джо. — Он... он... в общем, он *полон жизни!*

— Не глупи, Эмми Джо, — упрекнула подругу Белинда. — К мальчикам это выражение не относится.

— Ну, тогда он... он... — снова начала Эмми Джо, но Мелисса ее перебила.

— Божественный! — закончила она с театральным вздохом.

Девочки снова захихикали. Марти начинала смекать, в чем тут дело, и вздохнула еще глубже, чем Мелисса. Что она будет делать, если три девочки-подростка влюбятся в одного мальчика?

— Мама, он тебе понравится, — заверила Белинда и повернула стул, чтобы посмотреть на Марти. — Он такой высокий, у него прекрасные манеры, и он...

— Божественный, — повторила Мелисса.

Они снова застонали и завздыхали, а потом дружно рассмеялись.

— Ну что ж, я вижу, этот мальчик произвел на вас сильное впечатление, — решила Марти. — Надеюсь, его мать так же достойно проявит себя в роли учительницы. Вы до сих пор и слова не сказали о том, понравилась ли она вам.

Наступила пауза.

— Она хорошая, — заговорила Белинда, — и Джексон относится к ней так...

— Хорошо, — вставила Мелисса.

— Да, хорошо.

Похоже, «хорошо» — это все, что Марти услышит о новой учительнице.

Эмми Джо потянулась за печеньем:

— Он даже с младшими братьями хорошо обращается.

Марти подумала, что в глазах Эмми Джо «хорошее» обращение с младшими братьями и впрямь великое достоинство.

— У него есть братья? — спросила Марти.

— Двое. И он никогда с ними не дерется, а они обращаются к нему, если им нужна помощь в домашнем задании.

— А сколько им лет? — поинтересовалась Марти.

— Один учится в первом классе, а второй — в четвертом.

И они очень любят Джексона, это видно по тому, как...

Марти надоело, что ответы на все вопросы содержали упоминание о Джексоне.

— И что, больше в школе ничего не происходило? Или на вас произвел впечатление только Джексон?

Мелисса шагнула прочь от стула и подошла к Марти.

— Ах, бабушка, — воскликнула она, — он такой милый! Он высокий, у него широкие плечи, светлые волосы и ямочка на подбородке. И он очень умный! Ему осталось учиться один год, потому что мать научила его почти всему, что знала. А потом он хочет продолжить учебу и получить профессию, чтобы работать в банке или что-нибудь в этом роде. То есть, конечно, если они смогут это себе позволить. Ты знаешь: его отец умер от чахотки, денег у них не очень много, и потому, возможно, ему придется работать, а не учиться. Ему всего шестнадцать, но он такой сильный, а значит, легко найдет работу, но он...

— Эй! — воскликнула Марти, поднимая руку. Мелисса замерла на середине предложения.

Секунду все молчали. Марти оглядела кухню, где стояли три девочки. Она заговорила первой:

— Уверена, он хороший мальчик, но в школе непременно происходило что-то еще, что привлекло ваше *внимание*.

Девочки смотрели на нее, словно не понимая. Наконец Белинду осенило. Ее лицо просветлело.

— Я пригласила учительницу и ее семью на ужин, — сообщила она Марти.

— На ужин? — Марти резко повернулась к ней. — На ужин?

— Нет, не сегодня, — быстро исправилась Белинда. — Когда-нибудь.

Марти ничего не сказала. Она была изумлена.

— Ты же всегда приглашала учительниц... ну, раньше, — добавила Белинда, — вот я и решила ей сказать.

— Понятно, — сказала Марти и отвернулась, чтобы положить еще одно полено в печку. — Надеюсь, что вы постараетесь, чтобы не только Джексон, но и учительница и двое ее младших сыновей почувствовали себя в школе как дома, — заметила она.

Девочки едва заметно кивнули.

— И еще надеюсь, что вы будете вести себя, как положено леди. Вы помните, чему вас учили? — продолжила Марти, внимательно оглядывая девочек.

Они украдкой переглянулись.

— В школе вы должны слушать, что говорит учительница.

Три пары глаз серьезно смотрели на нее. Она решила, что увещеваний достаточно.

— А как прошел твой первый день в новой школе, Мелисса?

— Мне все понравилось, — вежливо ответила девочка.

— Одноклассники помогли тебе освоиться?

— О да! — воскликнула Мелисса, энергично кивая головой.

— Хорошо. Они тебе понравились?

Девочки опять захихикали. Марти поняла, что ей не следовало задавать этот вопрос.

— Значит, вам всем понравился этот Джексон?

Подружки не стали кивать, но по их глазам было понятно, что так оно и есть.

— И мы ему тоже понравились, — заметила Эмми Джо.

— Вы все?

Девочки кивнули.

— Ну что ж, — ровно произнесла Марти и, подложив в огонь поленьев, отряхнула с рук стружки, — не вижу в этом ничего худого. Ни одному из моих знакомых парней не справиться с тремя девицами разом. Пока этот Джексон не выберет одну из вас, беспокоиться не о чем.

Девочки переглянулись. На их лицах отразился невысказанный вопрос: Марти разговаривает с ними или сама с собой? Они не знали. Но вопрос их встревожил: будет ли Джексон дружить с ними троими или «выберет» одну из них? Если так, то кого? И что будет с теми, кем он пренебрежет? Они повернулись к стаканам с молоком с посерьезневшими лицами.

— Ладно, быстрее пейте молоко и ешьте печенье, — подбодрила их Марти. — Вам нужно переодеться, чтобы заняться домашней работой. Эмми Джо, я уверена: мама давно ждет тебя дома.

Сказав это, Марти повернулась к кухонному столу и начала готовить ужин. Разговоры подождут, а она предчувствовала, что в ближайшее время их будет немало.

Глава одиннадцатая

К ПРИВЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Марти смотрела на календарь, думая о том, как быстро бежит время. Она была занята заготовкой консервов и работой в саду, но ничего особенного в жизни не происходило. Белинде и Мелиссе скучать не приходилось. Они ходили в школу, и новая учительница настаивала на том, чтобы они внимательно слушали то, что она им рассказывает. Затем они возвращались домой, где их ждало множество обязанностей. Эмми Джо постоянно их сопровождала, так же, как Дэн и Дэвид.

Кларк хлопотливо собирал урожай. Они с Клэром вместе работали в полях и, когда работа подошла к концу, помогали соседям, которые к ним обращались. Когда они собрали весь урожай, подул холодный осенний ветер, и в воздухе запахло зимой.

Марти ошибалась в одном: девочки так и не успокоились. Они по-прежнему

возвращались из школы взбудораженные и все время говорили о своем любимчике: Джексон сделал то, Джексон сказал это... Марти очень уставала от их болтовни.

Она до сих пор не познакомилась с ним и его матерью-учительницей. Она думала, что семья Браунов придет в воскресенье на службу в местную церковь, но они были очень привязаны к маленькой церкви в том городе, где жили раньше. Люди говорили, что каждое воскресенье они запрягали лошадь в легкую повозку и ехали пятнадцать миль, чтобы помолиться Господу вместе со старыми друзьями, которые поддерживали их в тяжелую пору.

В общем, Марти старалась держать себя в руках, когда три глупые девчонки в конце школьного дня вздыхали по этому молодцу. Если бы Марти к ним прислушивалась, она бы узнала о нем многое из того, что вызывает восхищение, — как правдивого, так и выдуманного. Но она не слушала. Она устала от разговоров. Она устала от восторгов. Она предпочла бы, чтобы Джексон никогда не приезжал в их город, потому что его появление взбудоражило девочек и нарушило спокойное течение жизни.

Она подумывала запретить девочкам обсуждать Джексона, пока они находятся в кухне, но решила не делать этого, потому что новое правило могло привести к тому, что ситуация выйдет из-под контроля. В конце концов, это мимолетное увлечение. Девочки сейчас в таком возрасте, что если они перестанут вздыхать по Джексону, то, несомненно, начнут тосковать по кому-то другому.

Марти так и не пригласила учительницу и ее детей на ужин.

Дело в том, что осенью у нее полно дел. Но, с другой стороны, она никогда не сидела сложа руки и все же находила время для того, чтобы принять гостей. Однако в этом году учительница не получила официального приглашения. Наконец Кларк заговорил об этом.

— Ты не хочешь пригласить в гости учительницу? — спросил он как-то вечером, когда они готовились лечь спать.

Марти вскинула голову. Даже этот простой вопрос заставил ее насторожиться.

— Конечно, — чересчур быстро и резко ответила она, — но я занята.

Кларк не стал настаивать: судя по выражению его глаз, он понял, что задел болезненное место. Марти тут же стало стыдно. Она с такой злостью ответила на простой вопрос. Откуда Кларку было знать: она боялась, что, когда этот Джексон объявится у нее в доме, ей придется наблюдать, как три глупые девчонки будут хихикать и ластиться к нему. Она стеснялась признаться в том, что испытывает такие нелепые чувства. Марти вздохнула, надевая ночную сорочку.

Девочки постоянно докучали ей, напоминая о званом ужине. Ей не удастся долго им противостоять. Кажется, каждые два дня они сообщали ей о том, кого из соседей посетили Брауны. Марти не могла больше ждать, иначе люди сочтут ее надменной и невежливой. Но у соседей не было трех девчонок, которые постоянно хихикали и болтали о высоком, красивом молодом парне с хорошими манерами. Марти опять вздохнула.

— Тебя что-то беспокоит? — терпеливо спросил Кларк.

— Все из-за этого парня, Джексона.

— Сына учительницы?

— Ты о нем слышал?

— Как можно, живя в этом доме, ничего о нем не слышать? — с улыбкой спросил Кларк.

У Марти гора с плеч упала. Она даже рассмеялась в ответ:

— Похоже, ты прав. Просто невыносимо, правда? Меня уже тошнит от разговоров о Джексоне. Иногда мне кажется, что я заору, если услышу еще хоть слово: «А Джексон сказал...» И потом я узнаю, что он сказал какую-то ерунду, например: «Кажется, скоро пойдет дождь». Но они думают, что это так остроумно и забавно! Ведь это сказал Джексон!

Кларк рассмеялся.

— Они молодые девушки, которые входят в возраст, — напомнил он жене. — Все через это проходят.

— Неужели, Кларк? — серьезно спросила Марти. — Я долго думала, но что-то не припоминаю, чтобы Нандри, Клэ, Мисси или Элли так себя вели. Разве я не права?

Кларк, отстегивая протез и откладывая его в сторону, казался серьезно задумавшимся.

— Пожалуй, я тоже этого не припоминаю, — сказал он, осторожно массируя культу.

— Я знаю, что они обращали внимание на молодых парней, — сказала Марти, — но они не твердили о них днями напролет, как эти девочки. Я этого не понимаю. И мне это не нравится, честно говоря.

— Дело в том, что они взрослеют в обществе себе подобных. Они друг друга подзуживают.

Может, причина в этом. Может, они вели бы себя разумнее, если бы жили по отдельности. Тогда они бы не стали сравнивать, добавлять подробности и шлифовать свои и чужие истории. Марти откинула одеяло и взбила подушки.

— Что ж, насколько я понимаю, — сказал Кларк, — нам нужно набраться терпения и молиться о том, чтобы к девочкам вернулся здравый рассудок, а также о том, чтобы нам хватило сил выдержать их вздохи и болтовню. Когда-нибудь это прекратится.

Он слегка улыбнулся:

— Просто нужно быть рядом, помня о том, что это пройдет.

— Ты прав, — ответила Марти, еще раз вздохнув. — А я, пожалуй, займусь своими делами. Надо бы пригласить эту учительницу.

Они оба опустили на колени, чтобы помолиться перед сном. Марти вложила маленькую ручку в большую ладонь Кларка, и они стали вместе молиться о членах семьи. Также они просили Бога о том, чтобы он удовлетворил нужды жителей маленького городка. Но сильнее всего они молили о том, чтобы он даровал им мудрость и понимание того, как следует строить отношения, в том числе с тремя девочками, которые скоро превратятся в барышень.

Наступил день рождения Эмми Джо. Четверо из большого дома пришли к Клэру и Кейт на праздничный ужин. Для Эмми Джо это очень значительное событие: несколько месяцев она была «не такого же возраста», как Белинда, а для нее это важно.

Ее младшие братья тоже были взволнованы. День рождения — это праздник, и они радовались тому, что на столе будет стоять особое угощение и торт, и просили сестру разрешить им вместе с ней открывать подарки. Кларк и Марти в качестве подарка преподнесли записку. В ней было сказано, что с разрешения родителей Эмми Джо Марти отвезет ее в город, чтобы она сама выбрала новые обои, ткань на покрывало и занавески для комнаты. Эмми Джо радостно запрыгала, отчего рыжие косички взлетали вверх и вниз. Марти была уверена, что никакой другой подарок не заставит ее так разволноваться.

Но девочка так же сильно обрадовалась подарку, который преподнесли ее родители. В аккуратном свертке лежали кисти, краски и учебник по рисованию. Эмми Джо чуть с ума не сошла от радости. Какое счастье! Ей не терпелось приступить к занятиям. Марти вдруг подумала о том, что теперь, наверное, она замучит родственников просьбами ей позировать, но ничего не сказала.

Несмотря на радость внучки, Марти вовсе не улыбалась перспектива отправиться в город за покупками для ее комнаты. Но она сдержала обещание. Как и следовало ожидать, Эмми Джо настояла на том, чтобы Мелисса и Белинда поехали с ними. Марти знала, что к концу дня она сильно устанет, если, конечно, Эмми Джо не выберет то же, что и в прошлый раз. В таком случае они довольно скоро добьются цели.

Все оказалось не так просто. Эмми Джо решила попробовать нечто совсем другое. Она хотела, чтобы комната была «полна жизни». Марти недоумевала, в чем может быть «больше

жизни», чем в куске ткани с фиолетовыми цветами, но прикусила язык и терпеливо ждала, пока Эмми Джо придирчиво выбирала. Она не спешила сделать выбор между ярко-желтой тканью с красными цветами и зелеными листьями и дымчато-синей с зелеными и лиловыми разводами. Марти и не знала, что выпускают ткани таких расцветок.

Наконец Эмми Джо решилась купить синюю ткань и направилась в отдел обоев, чтобы подобрать обои подходящей расцветки. Марти была уверена, что комната будет казаться темной, но уж никак не скучной.

Они нашли обои похожей расцветки — фон более яркий, и на нем рассыпаны маленькие фиолетовые цветочки и зеленые листья. Эмми Джо уверяла, что они будут прекрасно смотреться вместе.

Уже на следующий день Кларка попросили наклеить обои. В это время Кейт шила занавески, а Марти готовила покрывало. Эмми Джо переехала в «новую» комнату. Она много раз восклицала, что комната выглядит *полной жизни*. Как ни удивительно, но Марти пришлось признать, что она и впрямь кажется очень уютной и милой. Она была рада, что теперь можно заняться другими делами. Скоро начнется зима, а она до сих пор не пригласила учительницу в гости.

Глава двенадцатая

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Единственное, что отвлекало Белинду от мыслей о Джексоне, — это визиты на дом к больным вместе с Люком. После начала школьных занятий они стали реже. Несомненно, Белинда очень горевала бы об этом, если бы ее жизнь и мысли не крутились преимущественно вокруг Мелиссы, уроков и Джексона. Однако она каждый раз радостно взвизгивала, когда видела, что к дому подъезжает коляска Люка.

Эмми Джо по-прежнему воротила нос, когда слышала, какой интерес вызывает медицина у Белинды. Она не понимала, какое удовольствие может доставить созерцание крови и лихорадки. А Мелисса, напротив, открыто восхищалась Белиндой, хотя у нее не было ни малейшего желания ее сопровождать. Но если подруга уезжала на визиты с Люком, она охотно брала на себя часть ее

обязанностей по дому. Когда Белинда возвращалась домой, Мелисса всегда расспрашивала ее о подробностях, хоть и бледнела время от времени, когда та описывала ей некоторые неприятные моменты.

В то холодное, ветренное воскресное утро во двор въехал Люк. Белинда выбежала из дому, чтобы встретить его у перил, к которым он привязывал лошадь.

— Беги обратно и надень пальто! — строго приказал он ей. — Зима на дворе, а ты выскакиваешь из дому в одном платье. Придется в следующий раз вызывать доктора к тебе!

Люк, конечно, врач, но еще и старший брат, и потому Белинда проигнорировала его замечание, заметив, что ей тепло, и она возьмет плед, если замерзнет.

— Куда мы поедем? — спросила она.

— К Симпсонам. По-моему, тебе уже можно показать сломанную кость. Но поторопись, пожалуйста. Нельзя заставлять бедного мальчика ждать. Сломанная нога доставляет человеку сильные страдания.

Белинда побежала обратно в дом, чтобы сообщить Марти:

— Мы будем лечить сломанную кость! — крикнула она через плечо, выбегая на улицу. — Скоро вернемся.

Люк уже повернул лошадей, и они побежали рысью со двора. По пути Люк рассказывал Белинде о костях скелета человеческого тела, называя самые большие из них. Он повторял названия, пока она не запомнила. Затем Люк объяснил, какие бывают переломы и как оказывать первую помощь в каждом случае. Белинда слушала его, широко открыв глаза.

— А у него какой перелом? — спросила она.

Ей не терпелось добраться до места и увидеть все своими глазами.

— Мне не сказали. Я знаю только, что младший Симпсон сломал конечность, когда рубил дерево.

— А какую?

— Этого я тоже не знаю. Полагаю, ногу. Обычно, когда бревно выскальзывает, оно ударяет по ноге, — ответил Люк и прикрикнул на лошадей, чтобы они поторапливались.

Впервые за несколько дней Белинда позабыла о Джексоне.

— Ты повезешь его в город?

— Вряд ли. Я наложу гипс, и после этого ему лучше отдыхать в своей постели. Я буду часто заезжать к нему, чтобы наблюдать за тем, как идет процесс заживления.

— Кажется, я с Симпсонами не знакома, — заметила Белинда.

— Они недавно переехали. Живут в том доме, где раньше жили Коффины.

— О, так их дети будут ходить в нашу школу?

— Я о них ничего не знаю.

— Было бы здорово, — заметила Белинда, — если бы у них были дети школьного возраста.

Они повернули лошадей к изрытой колеями и заросшей травой дороге и быстро покатали к простой деревянной избушке. Белинда поторопилась выйти из коляски, как вдруг услышала такой ужасный крик, подобного которому не слышала никогда в жизни. Она скорее почувствовала, чем увидела, как напрягся Люк. Он вскинул голову, и его движения стали резкими и сосредоточенными. Даже не оглянувшись, он схватил черный саквояж и побежал к дому:

— Привяжи лошадей, — бросил он через плечо.

Белинда задрожала. Люк говорил, что переломы очень болезненны, но она и представить не могла, что из-за них люди так страшно кричат. Раздался еще один пронзительный вопль, и Белинда, очнувшись, стала заботливо привязывать вожжи к перилам. Наверное, Люк нуждается в помощи. Надо торопиться. Но когда Белинда подошла к двери избушки, ее встретила грузная женщина в изношенном, грязном переднике. Она загородила дверной проем, слегка расставив ноги. Белинда увидела, что ее глаза покраснели от слез, а над бровями застыл пот:

— Доктор велел тебе держаться подальше, — устало произнесла она.

Белинда не поняла, что это значит. Люк привез ее сюда, чтобы она посмотрела на сломанную кость. Возможно, ему требуется ее помощь, а эта женщина ее не пускает.

— Но... — начала Белинда, глядя поверх плеча женщины на дверь в задней части комнаты.

— Ничего хорошего ты там не увидишь, — произнесла женщина и задрожала всем телом.

Раздался еще один крик, который, казалось, потряс сам воздух внутри избушки. На секунду у Белинды подкосились ноги, и она тоже задрожала. Она никогда в жизни не слышала ничего подобного. В маленькой комнате послышались звуки борьбы. Белинда в ужасе подумала о том, что там может происходить. Возможно, Люк в ней нуждается. Может, он попал в тяжелое положение. Как знать? Она ловко увернулась от женщины и вбежала в комнату, откуда только что

послышался страшный крик. Люк уже снял тяжелое пальто и даже пиджак. Он закатал рукава рубашки и обеспокоенно склонился над лежащим в кровати больным. Мужчина и мальчик прижимали корчащееся тело к простыням. На лбу мужчины виднелись бисеринки пота, а у мальчика дрожали губы:

— Я же, кажется, попросил тебя не входить! — сказал Люк, даже не повернувшись, чтобы посмотреть на нее.

Белинда глубоко вздохнула, стараясь унять дрожь. Постепенно ее глаза привыкли к темноте в комнате. Свет проникал только через маленькое тусклое окошко. Белинда посмотрела на сильную спину Люка. Мускулы напряглись под его тонкой рубашкой, когда он с трудом ввел брыкающемуся пациенту какое-то лекарство. Белинда почувствовала приступ тошноты, но сглотнула и шагнула вперед.

— Я подумала, что тебе нужно помочь, — решительно заявила она.

— Правда?

— Да... я так думаю, — ответила девочка и вновь сглотнула.

— Ты бы мне пригодилась... очень... но я не хочу...

— Что мне делать? — быстро спросила Белинда.

— Найди лампу. Мне нужно больше света.

Люк не смотрел на сестру; все его внимание было сосредоточено на раненом молодом человеке. Белинда опять сглотнула и выбежала из комнаты. Нельзя терять времени. Люку нужна лампа. Ему нужна помощница. Женщина стояла на кухне, прислонившись к стене. От рыданий ее тело сотрясало. Белинде хотелось ее утешить, но момент неподходящий:

— Нам нужна лампа, — твердо сказала она.

Женщина не сдвинулась с места. Белинда оглядела кухню. На полке рядом с плитой стояла лампа. Она сняла ее и потрясла, чтобы проверить, есть ли там керосин. Убедившись, что его достаточно, девочка быстро поднесла к лампе горящую спичку, зажгла ее и поспешила в спальню.

Мальчик, лежавший на кровати, больше не кричал. Люк рассматривал вовсе не сломанную ногу. Но и рукой это нельзя было назвать. Она была так искромсана и разбита, что ее было сложно узнать. Конечности не было видно из-за крови и кусочков разорванной плоти и осколков кости. У Белинды свело желудок и кровь отхлынула от головы. На секунду ей показалось, что она свалится на пол. Она неловко протянула руку, чтобы опереться на спинку кровати, цепляясь за нее, словно утопающий за соломинку. Второй рукой она держала лампу. Постепенно Белинда пришла в себя. Комната перестала вращаться у нее перед глазами, но Белинда боялась, что ее стошнит. Тошнота обрушивалась на нее волнами. Но у Люка нет времени заниматься еще одним пациентом. Он нуждается в ее помощи. Она должна стараться изо всех сил. Молодой человек больше не сопротивлялся. К счастью, лекарство подействовало. Люк наклонился над кровавым месивом, которое некогда было рукой, и внимательно его осмотрел. Белинда старалась держать лампу прямо и не смотреть на кровать, но глаза упрямо возвращались к этому месту. Люк выпрямился и посмотрел на здорового мужчину, который по-прежнему держал сына, хотя в этом больше не было необходимости:

— Простите, сэр, — как можно мягче сказал Люк, — мне придется отнять руку, чтобы спасти ему жизнь.

Мужчина судорожно всхлипнул. Он прикрыл лицо огромной ладонью и заплакал, как ребенок. Он сжимал плечо парня, который лежал в кровати. Люк протянул руку ко второму мальчику, который все еще прижимал брата к кровати.

— Можешь идти, сынок, — тихо сказал он.

Мальш выбежал из комнаты. Они услышали, как входная дверь открылась и вновь захлопнулась. Белинда рассеянно подумала, что он забыл надеть пальто. На улице было намного холоднее, чем ей казалось по пути сюда.

— Мне понадобится много кипяченой воды и чистые салфетки, — сказал Люк мужчине. — Не беспокойтесь, больше он не будет метаться по кровати. Сейчас он не чувствует боли.

Мужчина вытер мокрое лицо порванным грязным рукавом и поспешил выполнить приказ Люка. Белинда, держа в руке лампу, подошла ближе. Люк осмотрел маленькую комнату и поношенное постельное белье, но пробормотал, обращаясь к Белинде, что он не может перевезти мальчика в городской кабинет:

— Мне нужна твоя помощь, Белинда. Как ты думаешь, справишься?

Белинда кивнула. Внутри у нее все переворачивалось, но она приняла решение.

— Поставь лампу на маленький столик и придвинь его как можно ближе к кровати. У тебя должны быть свободны руки, чтобы помогать мне во время операции.

Белинда поставила лампу и приготовилась выполнять указания Люка. Она работала бок о бок с Люком, словно под гипнозом. Белинда помнила, что выполняла все его приказы.

Она передавала ему инструменты, придерживала то, что он просил, делала то, что он велел, но все время находилась в каком-то ступоре. В какой-то момент тело мальчика слегка зашевелилось, и Белинда дала ему вдохнуть хлороформ. Дрожащей рукой она поднесла к его лицу салфетку с химикатом. Люк внимательно посмотрел на нее и сказал, когда салфетку убрать. Операция казалась бесконечной. К тому времени, когда Люк перевязал культю и промыл инструменты, Белинда чувствовала, что полностью лишилась сил: «А Люк?.. Вот он какой, ее брат. Доктор!» Тот устало прислонился к спинке кровати, и по его телу пробежала дрожь. Белинда никогда раньше не видела его в таком состоянии. Но это продолжалось недолго. Люк снова наклонился над пациентом, посмотрел на его зрачки и измерил пульс.

— Внимательно наблюдай за ним на тот случай, если что-то изменится, — велел он Белинде. — Мне нужно здесь убрать.

Сказав это, Люк завязал остатки раздробленной руки и окровавленные бинты, чтобы их вынести. Белинда позволила себе сесть на краешек кровати. Она впервые прямо посмотрела на пациента. Он был молод, не старше семнадцати-восемнадцати лет. У него страшно побледнело лицо. Она никогда не видела такой белой кожи. Дышал он очень тихо, но ровно. Белинда задумалась: «Как долго будет действовать анестезия? Что он почувствует, когда очнется?» Она знала, что ему будет ужасно больно. Он будет страдать несколько дней и даже недель. И он лишился руки. Белинда представила, как ему будет страшно и горько. Ужасно, что такое произошло с молодым парнем! Потерять

руку, когда он еще только готовится к вступлению в мир взрослых людей...

Белинда вспомнила об отце. У него тоже нет ноги. Она знала, что папе было нелегко это пережить. Это произошло еще до ее рождения, но мама рассказала, как он страдал, когда ему отняли ногу. А ведь папа в то время был взрослым мужчиной, достаточно зрелым, чтобы принять случившееся. Ему помогал Господь. Папа верит в Отца Небесного, и это позволило ему пережить горе. А что будет с молодым человеком, который лежит перед ней? Верит ли он в Бога? Белинда почему-то усомнилась в этом. Не отводя взгляда от бледного лица пациента, она начала шепотом молиться: *«Господи! Я не знаю этого мальчика. Я не знаю, верит ли он в Тебя, но он будет в Тебе нуждаться, Господи. Ему нужна Твоя помощь, чтобы примириться с ужасным событием, которое произошло в его жизни. Он нуждается в Тебе, чтобы Ты помог ему выздороветь»*.

Белинда, не задумываясь, протянула руку и убрала волосы с бледного влажного лба пациента. *«Какого красивого цвета у него волосы — совсем как вороново крыло!»* — подумала она. Его лицо было красивой формы с правильными пропорциями, нос ровный и недлинный. Вдруг Белинда поняла, что, несмотря на его бледность и ужасный вид, мальчик очень красив. Она застенчиво отдернула руку. Что она делает? Гладит по лицу незнакомого парня! Она покраснела. Вернулся Люк. Он привел с собой родителей мальчика. Он внимательно посмотрел на лицо Белинды. Кажется, он был доволен тем, что увидел.

— Теперь можешь идти, — мягко произнес он, — я останусь с ним.

Женщина склонилась над сыном, судорожно всхлипывая. Белинда тихо выскользнула из комнаты. Она не знала, куда ей идти. Ждать на улице? Слишком холодно. Но ей хотелось вдохнуть свежего воздуха, и потому Белинда схватила пальто Люка, завернулась в него и вышла из домика. В соседнем сарае лежали дрова. Она решила взять несколько поленьев и сварить кофе, если найдет зерна и кофейник. Она была уверена, что семье полезно немного отвлечься от произошедшей трагедии. Даже чашка кофе может стать небольшим утешением и отдыхом. Девочка не спешила. Ей нужно размять ноги, развязать узлы напрягшихся мускулов. Она прошлась, разглядывая ферму.

«*Все выглядит очень запущенным*», — подумала она про себя. Белинда забыла, что в этом доме уже несколько лет никто не жил. Новым хозяевам предстояло немало потрудиться. Постройки казались ветхими, в огороде росли хилые растения, хотя землю уже посыпало первым зимним снежком. Девочка задумалась над тем, где работал молодой человек, когда с ним случилось несчастье. Люк сказал, что это произошло, когда они заготавливали лес. Может, он торопился заготовить дрова на зиму до наступления холодов? Белинда подняла глаза на небольшой лесок в дальнем конце поля. Может, трагедия, поразившая бедного парня и его семью, произошла там? Наконец она повернула к небольшому сараю, где лежали заготовленные на зиму дрова. Она взяла несколько поленьев, чтобы растопить очаг в кухне. Глаза ничего не различали в темноте, и она испугалась, уловив еле заметное движение.

Вздвогнув от неожиданности, она ахнула. Оказалось, в углу сидел младший брат несчастного. Белинда быстро взяла себя в руки.

— Прости, — сказала она. — Я тебя не видела. — Тебе, должно быть, холодно, — предположила она, радуясь тому, что он хотя бы спрятался от холодного ветра.

Мальчик ничего не ответил, он сильно замерз. Этого и опасалась Белинда: он выбежал из дому, не надев пальто. Он молчал, только плотнее обхватил руками колени. Белинда попыталась улыбнуться.

— Теперь твой брат будет выздоравливать, — заверила она.

Мальчик зарыдал. Белинда хотела его утешить, но не знала, как, и молча слушала его плач. Через несколько минут он утер слезы рукавом заплатанной рубашки.

— Он не умрет? — недоверчиво спросил ребенок.

— Ах, нет! — воскликнула Белинда. — Доктор Люк ему поможет. Все будет хорошо.

Мальчик опять залился слезами. Когда они иссякли, он вновь вытер лицо рукавом, а потом перевел большие карие глаза на Белинду.

— Я так боялся, что он умрет, — робко сказал он. — Я думал, он не выживет, ведь его рука... его рука...

Он не мог продолжать. Несколько минут они молчали. Наконец мальчик заговорил:

— Рука заживет? — спокойно спросил он.

Белинда не знала, что ответить. Имеет ли она право сообщить мальчику об ампутации? Может, лучше, если ему скажет Люк или родители?

— Заживет? — настаивал ребенок.

Белинда решила, что будет хуже, если она попытается скрыть от него правду. Она подошла ближе, чтобы его утешить, опустилась на корточки и прямо посмотрела ему в глаза.

— Нет... не совсем, — произнесла она, — но он выздоровеет.

Мальчик удивленно раскрыл глаза.

— Как это? — спросил он.

— Доктор... доктору пришлось ее отрезать... а потом все зашить... чтобы спасти твоего брата.

— Отрезать? — От страха и удивления он широко вытаращил глаза.

Белинда медленно кивнула.

— Но он этого *не вынесет*. Он бы предпочел умереть. Ты понимаешь? Умереть!

Мальчик вскочил на ноги, злобно глядя на Белинду. Голос сорвался на пронзительный визг. Белинда подумала, что он может пнуть ее ногой. Она была уверена, что эта мысль пришла ему в голову. Но тут он безвольно обмяк, обвил ее руками и зарыдал, вздрагивая всем телом.

Белинда не знала, что сказать. Она обняла всхлипывающего мальчика и заплакала вместе с ним.

Люк и Белинда вернулись намного позже, чем ожидали родители. Марти то и дело выглядывала из окна кухни, надеясь, что они появятся на горизонте. Она почувствовала большое облегчение, когда наконец увидела упряжку вороных Люка на дороге.

Белинда сопровождала Люка, хотя время было позднее. Марти встретила их у двери с молчаливым вопросом в глазах. Оба ее ребенка казались страшно уставшими. Наверное, в фермерском доме им пришлось столкнуться с какой-то неприятной неожиданностью.

— Там был не просто перелом, — спокойно сообщил ей Люк.

— Хотите, налью вам чаю и подам сандвичи? — спросила Марти.

— Было бы здорово, — ответил Люк, стряхнул пальто, а затем снял одеяло, в которое завернулась Белинда.

— Мама, тебе помочь? — устало спросила Белинда.

— Нет, не надо, — сказала Марти и искоса взглянула на Люка.

— Ну, тогда я, пожалуй, прилягу, — измученным голосом заметила Белинда.

— Разве ты не хочешь есть?

— Нет. Спасибо, мама. Я не голодна. Просто очень устала.

Люк посмотрел на мать, словно упрашивая ее не задерживать сестру.

Марти на секунду прижала к себе Белинду и поцеловала в лоб. Кажется, Белинде были приятны нежные материнские объятия. Она устало улыбнулась в ответ.

Марти сказала, что Мелисса осталась ночевать у Эмми Джо, так что она может сразу ложиться в постель и отдыхать. Похоже, Белинда не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы.

Люк выдвинул стул и сел за стол. Кларк присоединился к нему, но покачал головой, когда Марти предложила ему налить чаю. Марти суежилась у плиты. Она достала из шкафа сэндвичи из больших кусков домашнего хлеба с ростбифом и маслом с собственной фермы и поставила их перед сыном. Затем налила две чашки чаю и села рядом с ним.

— Похоже, случай был тяжелый, — заметил Кларк.

Люк кивнул.

— Самое ужасное происшествие, которое мне до сих пор приходилось видеть.

— Ты сказал, это не перелом?

— Рука раздроблена. До такой степени, что от нее ничего не осталось.

— А Белинда?.. — начала Марти, но Люк махнул рукой, чтобы она замолчала.

— Я велел ей подождать на улице, но она все равно вошла. Сказала, что мне понадобится ее помощь. — Люк глотнул горячего чаю и тихо посидел минуту. — И это правда. Чистая правда. Не представляю, что бы я без нее делал.

— И она... выдержала?

— Сначала она чуть не потеряла сознание... я это заметил. Но она взяла себя в руки и помогала мне во время операции. Все делала так, как я ее просил. Она молодчина. Я горжусь ею.

Марти вздрогнула и отставила чашку. Ей больше не хотелось чаю. Мысленно она представила раздробленную ногу мужа.

— Она крепкая девчонка, твоя дочь, — с гордостью сказал ей Люк.

— Тебе не кажется, что для нее это слишком тяжело?

— Я бы никогда по своей воле не стал показывать Белинде то, что она увидела. Она слишком мала для этого. Я бы не подпустил ее к кровати, если бы смог. Но она была нужна мне для того, чтобы спасти жизнь этому парню. Кроме нее, никто не мог мне помочь. Белинда знает названия всех инструментов, она подавала мне их. Мы торопились. Я надеюсь... надеюсь и молюсь о том, чтобы увиденное не стало чересчур сильным переживанием для сестренки в ее возрасте. Я... я не знаю, каково ей было. Думаю... думаю, все будет хорошо. По моему, она уже стала настоящей медсестрой.

Услышав то, что сказал сын, Марти ощутила и гордость, и беспокойство. Она будет внимательно наблюдать за Белиндой. Может, стоит поговорить с ней о том, какие чувства и мысли посетили ее в связи с этим прискорбным событием.

— А как твой пациент? — спросил Кларк. — Он выздоравливает?

— Ему семнадцать лет, — с глубоким сочувствием сказал Люк. — Его здоровью ничто не угрожает. Он вне опасности, осложнений не будет. Но как он это переживет, покажет время. Ему придется нелегко. Впрочем, ты и сам это знаешь.

Кларк с серьезным видом кивнул.

— Я тут подумал... может, ты заедешь к нему через несколько дней? Ему нужно время, чтобы привыкнуть к этому... несчастью. А потом ему бы не помешало поговорить с тобой.

Кларк кивнул в знак согласия.

— И еще, папа, — спокойно добавил Люк. — Не мог бы ты оставить протез дома?

Кларк ничего не ответил. Просто еще раз кивнул в знак понимания.

— Ну что ж, — заявил Люк, вставая. — Пора ехать домой, а то Эбби забеспокоится.

Он спокойно посмотрел на родителей и повернулся к лестнице:

— Но сначала я поднимусь наверх. Хочу поблагодарить сестренку и попрощаться.

Глава тринадцатая

НОВЫЕ СОСЕДИ

Марти внимательно наблюдала за Белиндой. Девочка не казалась потерянной или расстроенной, хоть и была куда более серьезной, чем обычно. В отличие от подруг, она не хихикала и не вздыхала по Джексону. Словно она повзрослела всего за одну ночь, и теперь детские забавы ее не интересовали. Марти сама не знала, благодарить её за это судьбу или сокрушаться. Белинда еще очень молода. Марти боялась, что печальный опыт лишит ее мимолетных радостей, свойственных юности.

Когда Мелисса вернулась утром в большой дом после ночевки у Эмми Джо, она, конечно, захотела узнать о последнем «приключении» Белинды. Но девочка отвечала на расспросы очень кратко. Она сказала, что мальчик повредил руку, когда заготавливал дрова, и Люку пришлось ее ампутировать.

Мелисса скорчила гримасу, оглянулась на Кларка и посмотрела на его ногу.

— Тебе было страшно? — спросила она.

— Да, — коротко ответила Белинда и вышла на улицу, чтобы снять белье с веревки.

Кларк и Марти ждали несколько дней, а затем, как и предлагал Люк, запрягли лошадей и поехали навестить новых соседей. Кларку было немного неловко из-за того, что он опять взял костыль. Он почти забыл, как им пользоваться. Они спокойно ехали к старому дому Коффинов. Ледяной ветер вздымал снежные вихри, и Марти ежилась от холода. Что они будут делать, когда доберутся до новых соседей? Что они скажут? И вообще, что *можно* сказать в такой ситуации? В мире нет слов, которые могли бы их утешить.

— Похоже, зима вступила в свои права, — заметил Кларк, погоняя лошадей.

Марти опять поежилась. Мысль о зиме почему-то показалась ей такой же пугающей, как и предстоящий визит к соседям. Они направили лошадей по дороге, ведущей к избушке. И Кларк, и Марти отметили плачевное состояние фермы.

— Все быстро пришло в запустение, когда дом остался без хозяев, — сказал Кларк, и Марти с ним согласилась.

Кларк привязал лошадей. Они оба ожидали, что кто-нибудь встретит их у двери или во дворе, но не увидели никаких признаков жизни. Кларк первым двинулся к двери. Из трубы вырывался дымок, который прокладывал себе путь вверх, несмотря на снег и ветер. Марти плотнее запахнула пальто и тоже прошла вперед, сопротивляясь ветру.

Кларк громко постучал в деревянную дверь. Они услышали внутри какое-то шарканье, но дверь не открыли. Кларк постучал опять.

Дверь со скрипом открылась, и они увидели бледного молодого человека. Казалось, ему больно и страшно.

— Что вы хотите? — резко спросил он.

— Мы ваши соседи, живем неподалеку, — ответил Кларк. — Решили вас навестить.

Мальчик чуть шире открыл дверь. Марти увидела на культе повязку. На белой ткани виднелись кровавые разводы. Она вздрогнула, но не от холода. Она не была готова к этому.

— Дома никого нет, кроме меня, — ответил парень, так и не пригласив их войти.

— Ну что ж, тогда мы немного поговорим с тобой, — весело ответил Кларк и легонько подтолкнул Марти, чтобы она входила.

Мальчик отошел от двери, приоткрыв ее достаточно широко, чтобы они могли протиснуться внутрь. Марти поняла, что он позволил им войти лишь потому, что этого требовало хорошее воспитание, а не потому, что ему хотелось с ними общаться. Ей было глубоко жаль молодого человека.

Он повернулся к ним.

— Садитесь, пожалуйста, — угрюмо предложил он.

Кларк не стал садиться на указанный им стул. Сначала он помог Марти раздеться и усадил ее, а потом прошел по комнате к стулу, стоящему у окна. Было странно слышать, как его костыль ударяется о деревянный пол. С тех пор как Марти слышала этот звук, прошло много времени. Кларк уже

несколько лет носил протез, и сейчас стук казался ей неприятным и пугающим. Мальчик заметил костыль. Марти видела, что он весь сжался. Кларк сел и отложил костыль в сторону. Затем повернулся к молодому человеку.

— Кажется, ты не представился, — начал он.

Мальчик ничего не ответил, и тогда он спросил:

— Твой отец недавно купил этот дом?

— Мы взяли его в аренду, — объяснил мальчик. — У нас нет денег, чтобы его купить.

— Я слышал о том, что с тобой приключилось. Мне очень жаль. Болит ужасно, да?

Карие глаза мальчика помрачнели. Марти показалось, что он собирается оборвать Кларка, дерзко спросить, что он знает о боли, но тут его взгляд упал на обрубок ноги. Он ничего не ответил, только кивнул, не проявляя внешне своих чувств.

— Самое плохое скоро закончится, — продолжал Кларк. — Еще чуть-чуть, и ты опять сможешь спокойно спать ночью.

Мальчик опять кивнул. Он все время молчал. Марти решила, что он не желает обсуждать несчастный случай.

— Хотите чаю? — наконец прервал молчание мальчик.

— Было бы неплохо, — воскликнула Марти.

Ей показалось, что ее восторг прозвучал фальшиво. Молодой человек подошел к шкафу, достал чайник и положил в него заварку. Большой чайник на плите уже вскипел, и он залил заварку горячей водой. Он пролил немного, и вода зашипела, коснувшись железной поверхности плиты. Было ясно, что он еще не научился управляться одной рукой.

— Позволь, я помогу... — начала Марти, поднимаясь со стула.

Кларк бросил на нее быстрый взгляд, и она села и стала разглаживать воображаемые складки на юбке. Мальчик достал из шкафа чашки и передал их гостям. Это не вызвало у него особых затруднений, но, когда он стал резать зачерствевший хлеб, Марти отвернулась. Она не могла видеть, что такая легкая задача вызывает у него столько проблем. Слезы жгли ей глаза: *«Почему? Почему этот молодой человек столкнулся с такой ужасной болью и потерей?»* Марти оглядела маленькую комнату. Ей нужно как-то отвлечься от печальных мыслей.

Комната была темной. Мебели явно не хватало. А та мебель, которая в ней была, явно требовала ремонта. Голый деревянный пол следовало отскоблить. На шкафу стопкой стояли грязные тарелки. Плита усеяна обгоревшими кусочками упавшей пищи. На стенах и окнах не было ничего, что придало бы комнате уютный вид. Марти снова вздрогнула и перевела глаза на молодого человека. Ясно, что здесь живут небогатые люди. Марти сочувствовала им. Но она решительно прогнала жалость. Вряд ли им было бы это приятно.

— Придвигайте стулья, — предложил молодой человек, поставив хлеб и чай на стол. — К сожалению, масло кончилось, — сказал он.

Но он не извинялся, а рассказывал все как есть. Кларк помог Марти придвинуть стул к столу, а затем придвинул свой. Ей ужасно хотелось самой разлить чай, но пришлось прикусить язык. Мальчик взял чайник. Немного жидкости пролилось на стол, но все сделали вид, что не заметили этого.

— А откуда вы приехали? — спросил Кларк, попивая чай.

— Мы вернулись с Запада, — ответил мальчик. — Раньше папа работал в магазине скобяных товаров. Он был уверен, что на Западе мы разбогатеем, но нам не повезло.

— Очень жаль, — сочувственно произнес Кларк.

— Папа заболел воспалением легких, и мы с мамой не справлялись. Ему стало лучше, но к тому времени мы потеряли наш участок земли. Папа пытался найти работу в нескольких городах, но так ничего и не нашел. И мы решили вернуться. До сих пор мы тратили деньги, которые нам удалось скопить. Мы слышали раньше про это место. Один парень в городе сказал, что ферма сдается за небольшие деньги. Всего несколько долларов в месяц, но нуждается в ремонте. И мы не можем арендовать землю. Кажется, один из хозяйских сыновей на ней работает.

Видимо, он говорил о Джоше Коффине, зяте Кларка. Марти и Кларк знали, что Джош обрабатывает землю отца вместе со своей собственной. Но мальчик, кажется, и не собирался жаловаться. Он просто рассказывал им, как обстоит дело.

— А где сейчас твои родители?

— Заготавливают лес, — объяснил мальчик. — Хозяин сказал, что мы можем рубить столько леса, сколько вздумается. Нам нужны дрова, и папа решил, что если мы заготовим их больше, чем требуется, то сможем продать излишек, чтобы нам было на что жить.

«Заготавливают лес! И отец, и мать. Они пытаются запастись дровами, чтобы пережить суровую зиму в прериях», — Марти опять вздрогнула. Мальчик уже потерял в этом деле руку.

— У меня весь подвал забит овощами и фруктами, — сказала она. — Я ломала голову, что делать с излишками. Если они так и будут просто лежать, то сгниют. Ненавижу выбрасывать весной гнилые овощи. Мы могли бы привезти их вам.

Кларк заметил выражение на лице мальчика. Эта семья не нуждалась в благотворительности. Парень метнул взгляд на Марти, и она быстро пролепетала:

— Я имела в виду, в обмен на дрова. Вы как, согласны? Мальчик успокоился.

— По-моему, было бы здорово, — ровно ответил он. — Я спрошу отца.

Марти решила не беспокоиться о том, зачем им лишние дрова.

— Я член родительского комитета, — сказал Кларк. — У тебя есть братья или сестры школьного возраста?

— Брат. Он и правда сейчас должен быть в школе, но сомневаюсь, что папа сможет его отпустить. Он тоже рубит дрова.

Марти, забеспокоившись, вскинула голову. «Ах, Кларк! — хотелось крикнуть ей. — Мы должны его остановить! А что, если он тоже поранится?» Но она этого не сказала. Тут они ничем не могли помочь. Они пили чай и ели хлеб. Кларк ма-кал его в чашку. Марти собиралась сделать ему замечание, но, откровенно говоря, ей бы хотелось последовать его примеру. Хлеб оказался довольно черствым. Марти выглянула в окно, чтобы посмотреть, не изменилась ли погода. Она подумала о том, что сейчас, в такой холодный день, мужчина, женщина и ребенок рубят в лесу дрова, но ничего не сказала.

— Я тут подумал, — начал Кларк. — У меня полно дров, но мне нужен и необработанный лес. Может, вы согласны поменяться? Торопиться ни к чему. Вы могли бы привезти лес весной. А я бы доставил вам дрова уже сейчас, заодно бы и место в сарае освободил.

На лице мальчика отразилось облегчение.

— Думаю, папа с радостью пойдет на такую сделку, — ответил он.

— Ну, тогда я буду на вас рассчитывать, — сказал Кларк и встал, готовясь уходить.

Они поблагодарили за чай и надели теплые пальто. Кларк собирался вести жену к коляске, как вдруг мальчик их окликнул.

— Я не расслышал вашего имени, — сказал он.

— Кларк. Кларк и Марти Дэвис.

— У моего доктора такая же фамилия.

— Да, это наш сын, — с гордостью признался Кларк. Но довольное выражение с его лица быстро улетучилось, когда он увидел печальные глаза мальчика. — Ты думаешь о том, нельзя ли было спасти руку вместо того, чтобы ампутировать ее? — мягко спросил Кларк.

Мальчик слегка отпрянул назад и громко сглотнул. Ему удалось сдержать застывшие в глазах слезы. Прошло несколько минут, и он заговорил:

— Нет, — заявил он. — Вовсе нет. Родители сказали, что у него не было выбора.

Он опять сглотнул, очевидно, пытаясь сдержать эмоции:

— Он... он приходил сюда несколько раз. Он... хороший доктор. Он ничего не мог поделать.

Марти видела, как Кларк поднял руку и положил ее на мускулистое плечо парня. Он ничего не сказал, но мальчик все понял, ощутив теплое прикосновение руки. Марти чуть не заплакала. Они повернулись уходить, как вдруг мальчик заговорил опять:

— Мать говорила, что с доктором приезжала девочка. Она ему помогала. Мама говорит, что они оба спасли мне жизнь. Вы случайно не знаете, кто она такая? Я забыл спросить доктора.

— Ее зовут Белинда, — ответил Кларк. — Белинда. Она иногда ездит с Люком. Хочет стать медсестрой.

— Белинда, — повторил мальчик. — Я... мне кажется, я должен ее поблагодарить. Я бы хотел сказать ей спасибо.

Кларк кивнул.

— По-моему, это можно устроить, — с улыбкой сказал он, и они с Марти вышли навстречу ледяному ветру.

Глава четырнадцатая

ПРИЗНАНИЕ

Марти думала, что вскоре дочь станет такой же, как и прежде, но Белинда по-прежнему казалась спокойной и задумчивой.

— Господи, помилуй! — пожаловалась как-то Марти Кларку, когда они ложились спать. — Как трудно приноровиться ко всем этим внезапным изменениям! У нашей Белинды настроение меняется быстрее, чем я успеваю повернуть голову. Вчера она была маленькой хохотушкой, а сегодня превратилась в степенную молодую леди. Как ты думаешь, может, скоро она опять будет больше походить на ребенка? Я еще не готова к тому, что она стала взрослой.

Кларк прижал к себе Марти. Несколько минут он спокойно обнимал ее, поглаживая длинные волосы: она расплела косу, и они свободно ниспадали на плечи.

— Я тоже это заметил, — сказал он. — Похоже, несчастный случай сильно ее изменил.

— Ты думаешь, впечатление от увиденного не оставляет ее?

— Нет, кажется, она не беспокоится, но стала намного серьезнее.

— То, через что ей пришлось пройти, любого бы опечалило, — рассудила Марти.

— Тяжело видеть, что она так быстро взрослеет... Я знаю. Но, по-моему, так лучше. Она стала такой... такой милой, правда?

Марти улыбнулась.

— Она всегда была твоей любимицей. Я и не думала, что все изменится, стоит ей стать на несколько лет старше. — Она шутливо ущипнула мужа за щеку. — Так и знала, что ты будешь считать ее милой.

— Я имел в виду... ну, она ведет себя так, словно намного старше Эмми Джо. И даже Мелиссы. Ты заметила?

— Да, заметила, — ответила Марти.

Секунду они молчали.

— Кларк, тебе не кажется, что мы должны сделать так, чтобы она выговорилась? Понимаешь, если она страдает из-за несчастного случая, я бы не хотела, чтобы у нее в душе остались шрамы, о которых мы не подозреваем.

Кларк задумался:

— Да, откровенный разговор не повредит.

— Кстати, о шрамах, — сказала Марти. — Ты видел того молодого человека, когда отвозил дрова и провизию?

— Да, — просто ответил Кларк, понимая, кого она имеет в виду.

Он отодвинулся от нее и подошел к окну. Кларк провел рукой по волосам и тихо стоял, глядя в ночное небо. Марти понимала, что ему тяжело. Она подошла к нему и посмотрела на темные очертания строений, освещенных лунным светом. Потом мягко положила руку ему на плечо, но молчала, пока он не заговорил.

— Ему больно, Марти. Очень больно, — наконец тихо произнес Кларк.

— Но когда мы были у них в гостях, мне показалось, он принимает то, что с ним случилось.

— Наверное, тогда он еще не до конца осознавал, что произошло. Боль в руке сильно его беспокоила, и он был в шоке от того, что случилось. А теперь... теперь он понимает, что это произошло на самом деле, что это навсегда. И ничего нельзя поделать. Он всегда будет одноруким. Это тяжело. Ужасно тяжело.

— Может, пастор ему поможет?

— Я так думал... пока не поговорил с пастором. Он уже приходил к ним... дважды. Его даже в дом не пустили.

Марти встревоженно округлила глаза:

— А ты... ты рассказал ему, как Бог помог нам, когда?..

— Я попытался. Но он не захотел меня слушать. Люк сказал: родители не разрешают ему приезжать, чтобы осмотреть парня.

— Надо же! — воскликнула Марти. — А что, если рана будет плохо заживать?

— Его здоровью ничто не грозит. Люк говорит, что с рукой все будет прекрасно. Но что касается его настроения... Люк сильно беспокоится.

— Боже мой! — сокрушалась Марти.

— Я все время об этом думаю. Не знаю, что предпринять. Разве что помолиться.

— А он больше не спрашивал о Белинде? Мы пообещали, что устроим для них встречу. Он хотел поблагодарить...

— Я еще не все сказал. Он попросил не напоминать ему об этом. Он больше не желает ее видеть. Сказал, что она ничего особенного для него не сделала.

— Как это понимать?

— Говорит, лучше бы он умер.

Марти ахнула. Кларк обнял ее одной рукой.

— А мне он понравился, — сказала она. — Как он обращался с тяжелым чайником, нарезал черствый хлеб! Такой воспитанный и сдержанный мальчик! Мне показалось, что он такой смелый и решительный.

— Ладно, хватит о нем думать, — быстро заметил Кларк. — Да, он такой. Ничего удивительного, что у него возникли подобные чувства. Ведь у нас есть Бог, и Он помогал нам... Со мной могло быть точно то же, что и с ним. Для него наступила тяжелая пора. Я вполне его понимаю. Но я надеюсь и молюсь о том, чтобы он во всем разобрался и успокоился... Вот и все. Помнишь, что ты говорила о шрамах? Шрамов у этого парня предостаточно. И самый большой и глубокий находится вовсе не на его руке.

Марти подумала о Симпсонах. Они живут рядом, но кажутся чужаками, потому что отказываются от помощи соседей. Она бы хотела найти способ достучаться до них и разбить стену отчуждения.

— Они не отказались от еды, от овощей и фруктов?

— Не-ет. Но, думаю, они бы обязательно отказались, если бы не рисковали умереть с голоду. Они гордые люди. Им было очень сложно это принять. Мистер Симпсон настаивал на том, что он все отработает.

— Так что же ты сделал?

Кларк пожал плечами:

— Сказал, что не возражаю. Теперь нужно придумать, чем его занять.

— О, Кларк! Что же ты ему скажешь? У тебя же все готово.

— Не знаю. Главное — чтобы работал он дома. А то у него такое тонкое пальто, что просвечивает.

— Он мог бы сколотить полки для фруктов в подвале.

— Тебе нужны полки?

— Нет. Но там тепло и много места. А главное — полки нам не помешают.

— Хорошая идея, — заметил Кларк и опустил на окне занавеску. Затем он забрался в кровать. Марти последовала его примеру. Она удивилась, увидев, что все еще держит в руке щетку для волос.

— А как насчет дров? — спросила она.

— Он решительно настроен за них заплатить. Похоже, весной у нас будет полно леса.

— И что ты будешь с ним делать?

— Не знаю. Спрошу Арни и Джоша, может, им понадобится? В общем, что-нибудь придумаем.

— Забавно, — тихо пробормотала Марти. — Мне не нравится, когда взрослый человек стоит с протянутой рукой, но гордость может показаться обидной.

— Да, соседями быть нелегко, — согласился Кларк. — И все-таки у человека должно быть чувство собственного достоинства. Нельзя лишать их этого.

Кларк погасил свет, и супруги до подбородка натянули на себя теплое одеяло. Зимние ночи были холодными, а комнаты наверху обогревались только при помощи теплого воздуха, который приходил от печек, расположенных внизу.

— Тебе ничего не нужно сшить? — спросил Кларк. — Одежду? Одеяла? Коврики? Хотя что-нибудь?

Марти повернулась к нему в темноте.

— Если и нужно, я все успею доделать за зиму. А что?

— Я подумал: может, миссис Симпсон будет зарабатывать на жизнь шитьем?

Марти молчала. На самом деле им ничего не требовалось. Кроме того, она сама любила шить. Долгие зимние дни и еще более долгие вечера пролетали быстрее, если в руках рукоделье. Она с удовольствием планировала, как будет этим заниматься, когда тяжело работала осенью на огороде. И что теперь?

— Ну, возможно, — ответила она мужу. — Я подумаю.

Наконец у Марти появилась возможность поговорить с Белиндой. Она ждала подходящего момента, опасаясь навязываться. Она надеялась, что девочка расскажет о чувствах, которые она испытала во время операции. Но подобрать подходящий момент оказалось довольно тяжело. Случай представился, когда Мелисса отправилась в дом Кейт. Она попросила разрешения остаться там подольше:

дело в том, что Эмми Джо нарисовала много рисунков, и ей хотелось показать их подруге. Кроме того, в последнее время девочка многому научилась и упрашивала родственников её позировать. Первой моделью стала Мелисса.

Люк заехал к ним после того, как побывал в соседском доме, где принимал роды. Белинду он с собой не позвал. Она умоляла — скорее взглядом, чем словами, — чтобы он разрешил ей принять участие в приятных обязанностях врача, но Люк считал, что ей слишком рано это видеть.

Люк выпил кофе, чтобы согреться, поел кекса, который испекла Марти, а потом снова надел пальто и отправился домой.

Белинда деловито перемешивала тесто, из которого они собирались печь печенье для школьных завтраков. Она первая начала разговор:

— Я забыла спросить: как поживает мальчик, который потерял руку?

Марти посмотрела на дочь, не зная, что сказать. Кажется, Белинда почувствовала его беспокойство. Она вопросительно посмотрела на мать:

— С ним все в порядке, надеюсь? Он не заразился?

— Нет, нет. Он выздоравливает. Точнее, его рука.

— Что ты имеешь в виду? Больше он ничего себе не повредил. Люк внимательно его осмотрел: он боялся, что у него сломаны ребра или...

— Ему сложно привыкнуть к тому, что с ним случилось, вот и все, — медленно произнесла Марти.

Белинда с облегчением вздохнула.

— Да, мне тоже было бы сложно, — просто сказала она. — Этого следовало ожидать. Люк говорил об этом, когда мы ехали домой. Он сказал, что отрицание — одна из стадий, которые проходит человек после ампутации.

Марти кивнула в знак согласия.

— И когда Люк с ним увидится?

— Мальчик больше не хочет его видеть, — перебила ее Марти.

— То есть Люк перестал к нему ездить? Но почему? Он же говорил, что будет навещать его, чтобы убедиться в том, что...

— Они ему не разрешают. Люку передали, чтобы он больше не приезжал.

— Кто сказал? Они? Отец? Они что, не понимают?..

— Нет, — ответила Марти, — это слова мальчика.

Наступила долгая пауза.

— Я должна сейчас же туда съездить, — твердо заявила Белинда. — Нельзя с этим тянуть, а то он еще подумает, что мне наплевать. Как ты думаешь, папа позволит?

— Тебя он тоже не хочет видеть, — мягко добавила Марти.

Белинда взглянула на нее. Марти увидела протест в ее глазах.

— Но ты сказала...

— Я помню.

— Он собирался...

— Верно. Но он передумал.

— Но почему? — крикнула Белинда.

— Сложный вопрос. Похоже... похоже, ему сейчас очень больно. Он не может понять, почему с ним приключилось

такое несчастье. Он сильно страдает. Говорит, что предпочел бы умереть...

— Неужели мы ничего не можем сделать, мама? — воскликнула Белинда.

— Отец пытался. Но они гордые люди. Не хотят, чтобы им помогали. Они настаивают на том, чтобы за все заплатить, и помощь соседей им ни к чему.

Марти задумалась, затем глубоко вздохнула и повернулась, чтобы взглянуть в печальные глаза дочери.

— А самое ужасное, — медленно произнесла она, — они, похоже, не готовы принять помощь Господа.

— Я так и думала, — сказала Белинда.

К удивлению Марти, ее губы задрожали, и в следующее мгновение она бросилась на шею матери и зарыдала, уткнувшись ей в плечо. Марти не успокаивала ее. Она сама заплакала от сочувствия и любви. Бедная девочка! Она так переживает! Наконец Белинда заговорила.

— Ах, мама! — сказала она, по-прежнему цепляясь за Марти. — Это было ужасно. Столько крови... и голая разорванная плоть, и кусочки раздробленных костей... везде! Я и не думала... я и представить себе не могла, что это может выглядеть так... страшно!

Белинда вздрогнула, и Марти сжала ее крепче.

— А он лежал так тихо и спокойно, и можно было подумать, что он умер.

Белинда замолчала и всхлипнула.

— Но сначала все было совсем не так, — заторопилась она. — Сначала он кричал, ужасно кричал! Мы слышали его крики,

когда подъезжали к дому, и Люк... Он схватил саквояж и вбежал в дом, а меня оставил, чтобы я привязала лошадей. А когда я подошла к дому, эта женщина... Ты ее видела?

Марти отрицательно покачала головой.

— В общем, эта грузная женщина встала в дверном проеме, расставила ноги и уперла руки в бока. Загородила мне вход, чтобы я не могла войти в дом. Она сказала: «Доктор велел тебя не впускать», а я слышала, как мальчик кричит и мечется в постели. Я поняла, что Люк нуждается в моей помощи, и потому я нырнула под ее руку и вошла.

Белинда опять замолчала. Кажется, она вновь мысленно переживала сцену, которая разыгралась в тесной спальне деревянной избушки:

— А они стояли там, его папа и брат, и держали его. Люк... Люк хотел дать ему лекарство, чтобы он успокоился. Кровь... кровь была везде... А рука, рука превратилась в *кровавую кашу*, мама! Я помню, как подумала: «Он умрет. Люк не сможет его спасти». А потом мне пришло на ум, что Люк всегда говорит: «Если пациент дышит, нужно бороться». Я увидела, что мальчик еще дышит, и стала молиться. Я набрала в грудь воздуха, чтобы сдержать тошноту. Это было ужасно. У меня кружилась голова, желудок свело, а ноги стали мягкими, как желе. Но я не упала. На минуту я чуть не потеряла сознание, а потом...

Лицо Белинды сильно побледнело. Марти показалось, что она теряет сознание.

— ...Потом я решила, что буду помогать. Я была нужна Люку. Я это видела. Отец был вне себя от горя. Кроме того, он такой большой... а в комнате мало места. И он понятия не имел, как

называются инструменты Люка. Он побледнел так же сильно, как его сын, который лежал на кровати.

Она опять замолчала. Марти не стала ее торопить.

— Забавно, — размышляла Белинда вслух, — когда мы начали работать, все сразу изменилось. Я уже не думала о том, что эта кровавая масса — рука. Теперь с ней нужно было бороться, потому что она угрожала его жизни. Мы с Люком должны были это остановить. Я и забыла о том, что меня тошнило. Я просто хотела, чтобы мы все успели и спасли этого парня от смерти. Это было так важно, мама! Ты понимаешь? В этой комнате царили смерть и боль... И мы с Люком сражались с ними.

Белинда широко раскрыла глаза — так значительно было то, о чем она размышляла. Они боролись со смертью (она и ее брат-доктор) и выиграли. Марти хотела поздравить победительницу, но вместо этого тихо зарыдала; слезы побежали у нее по щекам.

У Белинды заблестели глаза:

— Как жаль, мама, что ты его не видела! Люк прекрасно справился. Он знал, что делать. Он торопился, но был осторожен. Он остановил кровь. Победил смерть! Ох, мама! Теперь я понимаю... теперь я понимаю, почему Люк хотел стать доктором. Дело не в переломах, порезах или аппендиците. Он хотел стать доктором не для того, чтобы видеть чужие страдания, а для того, чтобы сражаться с ними и приносить исцеление и помощь. Вот зачем нужны доктора.

Марти взяла дочь за плечи и заглянула ей глубоко в глаза. Они блестили от слез радости. Больше она о дочери не беспокоилась. Марти понимала, что та пережила тяжелое событие,

но оно не оставило в ее душе незаживающих рубцов. Марти видела только тишину и смирение: Белинда обрела способ облегчать страдания тем, кто мучился от боли.

— И ты хочешь помочь брату, — мягко сказала она.

Это было утверждение, а не вопрос.

— О да! — затаив дыхание, ответила Белинда.

Марти привлекла дочь к себе.

— Значит, ты должна это делать, — просто сказала она.

Они постояли минутку. Наконец Белинда разжала объятия.

Ее глаза опять помрачнели:

— Но, мама, это неправильно: сначала бороться за жизнь человека, а потом мириться с тем, что он предпочел бы смерть.

— Нет, — тихо согласилась Марти, — это неправильно.

— Мы должны сделать что-то для этого мальчика.

— Будем молиться, — ответила Марти. — Бог покажет нам, как поступить.

— Если бы ты его видела, мама! Когда... когда все закончилось, Люк вышел, чтобы выбросить... мусор, а меня оставил присмотреть за больным. Он был таким бледным и таким...

Белинда колебалась. Марти ждала.

— Мама, он очень симпатичный! — честно и очень мягко произнесла она.

— Я заметила, — с улыбкой подтвердила Марти.

Белинда слегка покраснела и отвернулась к стоящему на плите тесту. Марти поняла, что откровенный разговор подошел к концу.

— Мы должны что-то предпринять, — повторила Белинда.

Однако, казалось, она сказала это самой себе, а не матери.

Глава пятнадцатая

ВОСКРЕСНЫЙ ОБЕД С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ

Воскресенье, когда семья Браунов должна была присоединиться к обеду в доме Дэвисов, выдалось холодным. Пришла суровая зима, и они больше не ездили в церковь в тот город, где жили раньше, а посещали ту, что располагалась недалеко от учительского дома и школы. Марти уже видела «божественного» и «полного жизни» Джексона на воскресных службах. Он действительно *симпатичный* молодой человек. Кроме того, он хорошо воспитан, и сдержан, и не зазнается, несмотря на то, что девчонки продолжают по нему сохнуть. Его младшие братья тоже оказались вполне милыми детьми, и миссис Браун, овдовевшая учительница, произвела на Марти самое приятное впечатление. И потому она без колебаний, лишь слегка раскаиваясь в том, что не сделала этого раньше, передала семье Браунов приглашение на

обед. Они с благодарностью его приняли, и Марти начала думать над меню.

Когда Эмми Джо услышала новость, она стала просить, умолять, канючить и клянчить, чтобы ее тоже пригласили. За большим столом места было предостаточно, но Марти не считала нужным поощрять ее глупость, а потому спокойно, но твердо ответила: «В другой раз». Эмми Джо очень расстроилась. Несколько дней она даже не заходила к ним в гости. Но Марти хорошо изучила свою внучку: она была импульсивной и раздражительной, но доброй по натуре. В конце концов она остынет и забудет об обиде, и они смогут спокойно обсудить эту ситуацию.

Дэвисы встретились с Браунами после службы в церкви, и Кларк предложил отвезти их на ферму.

— Ах, — посетовала миссис Браун, — произошла небольшая неприятность. Джордан, мой младший, надел легкое пальто. Я его предупредила, но вы же знаете детей! А я не проверила перед выходом из дому. В общем, нам нужно захватить в учительский домик, чтобы взять теплое пальто. Просто скажите, где находится ваша ферма, и, я уверена, мы сами доберемся.

Марти согласилась. Найти их дом не так уж сложно; сворачивать никуда не надо. Она уже собиралась что-то ответить, как вдруг кто-то потянул ее за рукав. Рядом, потупившись, стояла Мелисса.

— Кто-то должен поехать с ними, — благонаравно произнесла она, — чтобы показать дорогу.

Марти это показалось разумным замечанием.

— По-моему, это ни к чему, — сказала им миссис Браун. — Мы не хотим причинять вам беспокойство...

— Ах, никакого беспокойства! Правда, бабушка?

— Нет, — ответила Марти, — ни в коей мере.

Она, не задумываясь, повернулась к Белинде, привыкнув к тому, что дочь выполняет ее просьбы. Белинда прекрасно знала дороги в деревне, поэтому было совершенно естественно послать ее сопровождать Браунов.

— Бери пальто и садись с Браунами, — сказала она дочери. — Им нужно ненадолго заехать в учительский домик.

К удивлению Марти, Белинда заколебалась. Это на нее совсем не похоже — возражать матери. Марти недоуменно смотрела на нее:

— Ты берешь пальто? — потребовала она.

Белинда смотрела на опустившую голову Мелиссу. Марти проследила за взглядом дочери и поняла, что ее нерешительность как-то связана с подругой.

— Просто я подумала, что, возможно, мне лучше поехать с тобой и папой, — осторожно сказала Белинда, — чтобы помочь накрыть на стол и все такое. А Мелисса поедет с Браунами. Хорошо, Мелисса?

Лицо Мелиссы просветлело. Марти кивнула в знак согласия. Она по-прежнему удивлялась странному поведению девочек: Мелисса быстро обняла Белинду, а потом аккуратно застегнула пальто, готовясь к поездке вместе с Браунами. «Странные они создания, эти девчонки!» — подумала Марти, покачив головой, и потянулась за пальто, которое висело на крючке.

— В чем дело? — спросила она у дочери, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их никто не услышал.

— Да ничего, — пожав плечами, ответила Белинда. — Мелиссе нравится Джексон, вот и все.

— Ах! — только и сказала Марти.

Наконец-то до нее дошло.

— А я думала, тебе он тоже нравится, — добавила она.

— Не так сильно, как Мелиссе, — ответила Белинда.

— Понятно, — заметила Марти.

Они вышли из церкви в тот момент, когда сани Браунов выезжали со двора. Марти не могла не улыбнуться про себя. *«Должно быть, Мелисса чувствует себя слегка разочарованной»*, — подумала она. Джексон сидел впереди и правил лошадьми. Мать сидела рядом с ним, а Мелиссе нашлось место сзади, в окружении двух младших мальчиков. Марти была уверена, что все сложилось не совсем так, как мечталось ее внучке. Они приехали домой и не успели еще накрыть на стол, как во дворе залаяли собаки, возвещая прибытие гостей. Кларк вышел, чтобы отвести лошадей в конюшню, а Марти бросилась к двери, чтобы приветствовать Браунов. Белинда осталась суетиться на кухне. Мелисса проводила их в дом. Она внимательно следила за тем, чтобы не забегать вперед миссис Браун, но не слишком беспокоилась о младших мальчиках. Девушка все время украдкой бросала взгляды на Джексона. Он, кажется, принимал это как должное.

Джордан заметил во дворе Дэвида, сына Клэра, и тут же отклонился в сторону. Мальчики уже подружились в школе и решили, что им не помешает немного поиграть перед обедом.

Но вмешалась мать и приказала Джордану идти в дом. Миссис Браун была очень приятной гостьей. Она похвалила дом Марти, заметила, что из кухни доносятся восхитительные запахи, сделала комплимент Белинде, которая постаралась, чтобы стол выглядел празднично, и еще раз поблагодарила Мелиссу за то, что она предложила их проводить. То, что она говорила, было искренне и уместно, и учительница еще больше понравилась Марти.

Хозяйка с помощью Белинды начала накрывать на стол и усаживать гостей. Не задумываясь, она посадила миссис Браун между двумя младшими сыновьями, а Джексона рядом с Кларком, чтобы они могли поговорить о мужских делах. Она предложила Белинде сесть рядом с ним, а Мелиссе — поближе к ней. Но Белинда тут же сказала:

— Пусть лучше Мелисса сядет в середине. Мне будет легче бегать в кухню, если я сяду с краю.

Мелисса быстро села на указанный стул в середине, пока никто его не занял. Когда она садилась, Джексон придержал для нее стул, и она ослепительно ему улыбнулась. Марти только кивнула с глупым видом. Все расселись, и Кларк произнес молитву. Обед удался на славу! Все было очень вкусно, а Брауны искусно поддерживали беседу. Даже дети вели себя вежливо и спокойно, несмотря на юный возраст. Маленький Джордан всего два раза шепотом спросил у матери разрешения пойти поискать Дэвида.

Марти задумалась об умершем мистере Брауне. От чего он умер? И когда это произошло? Она глубоко сочувствовала молодой вдове: *«Должно быть, сложно содержать семью,*

тем более мальчиков, в одиночку». Даже мысль об этом вызывала у нее ужас. Она представить себе не могла, что бы делала без Кларка, когда мальчики повзрослели, не говоря уже о дочерях.

— Вы довольны учительским домиком? — спросил Кларк.

Все-таки он председатель родительского комитета, а значит, должен это знать.

— Он замечательный, — ответила миссис Браун. — Правда, немного тесноват для четырех человек, но в остальном все прекрасно. Есть другие вещи, в которых мы гораздо больше нуждаемся, и пока я не могу избавиться от мысли об этом.

Она не стала объяснять, что имеет в виду, но Марти подумала, что поняла.

— А раньше вы жили в городе? — спросила она.

— Да. Мой муж работал в банке в Честере.

Марти представила большой кирпичный дом с легкими занавесками на окнах и цветами у аккуратной дорожки, ведущей к белой входной двери.

— Должно быть, вам нелегко привыкнуть к новому месту, — сочувственно произнесла она.

— Да, — призналась миссис Браун. — Да, это так.

— Вы преподавали раньше? — поинтересовался Кларк.

— Я работала учительницей, когда переехала в Честер. Там я познакомилась с Карлом, то есть мистером Брауном. Я преподавала два года до того, как мы поженились, и еще заменяла другую учительницу, когда она заболела пневмонией. Но Карл — мистер Браун — хотел, чтобы я сидела дома. Когда я родила Джексона, то была счастлива оставить работу.

Наверное, я бы никогда не стала вновь учительствовать, если бы не...

Миссис Браун замолчала.

— Я так обрадовалась, когда услышала о том, что здесь появилась вакансия, — переменяла она тему. — Это словно ответ на молитву — для всех нас. Мы так благодарны за эту возможность.

Она повернулась к Кларку — ведь это он нанял ее на работу:

— Надеюсь, я соответствую вашим требованиям, мистер Дэвис. Если вы хотите задать какие-то вопросы...

— Мы очень довольны вашей работой, — быстро заверил ее Кларк. — Очень довольны.

Но миссис Браун это, кажется, не успокоило, и Кларку пришлось мягко продолжить:

— Хватит говорить о школе. Сегодня вы не учительница, а я не председатель родительского комитета. Мы соседи и прихожане одной церкви. Давайте забудем о школе и по-соседски поболтаем.

Миссис Браун улыбнулась.

— Прекрасная мысль, — просто сказала она, видимо, испытывая большое облегчение.

Разговор перешел на другие темы. Трое мальчиков тоже участвовали в разговоре. Кларк умел сделать так, чтобы сидящие за столом гости чувствовали себя как дома. После обеда Белинда и Мелисса вызвались помыть тарелки. Джордан с загоревшимся от радостного ожидания лицом и Пейн получили разрешение присоединиться к Дэвиду и Дэну, которые

тащили санки к ближайшему ручью. Марти провела миссис Браун в гостиную и показала ей образцы тканей для одеял. Кларк и Джексон остались наедине. Кларк предложил ему сыграть в шашки, и Джексон с энтузиазмом улыбнулся.

Белинда видела, что Мелисса торопится быстрее разделаться с тарелками. Она не спрашивала, почему. Мелисса перестала хихикать и болтать о Джексоне, но Белинда знала, что молодой человек по-прежнему сильно ее интересуется. Белинда видела, как она робко ему улыбается и старается оказаться поближе.

— По-моему, я нравлюсь Джексону, — доверительно прошептала Мелисса Белинде, когда они мыли тарелки.

Белинда ничего не ответила.

— Ты заметила, как он на меня смотрит? — спросила Мелисса.

— Как? — удивилась Белинда.

Она не заметила разницы в том, как Джексон смотрит на ее подругу или на кого-либо еще, но не посмела этого сказать. Кажется, ее вопрос слегка разозлил Мелиссу. Несомненно, она надеялась, что Белинда просто скажет «да».

— Ну... ну... сразу видно, что я ему нравлюсь, — робко закончила она.

— Возможно, — заметила Белинда, не желая попадаться на эту удочку. — Но не могу сказать, что заметила что-то особенное.

— И мы так здорово прокатились сегодня вместе, — похвасталась Мелисса, меняя тему.

Белинда с трудом сдержала улыбку: она видела, как сидели гости, когда въехали к ним во двор. Вдруг ей стало жаль Мелиссу. Джексон очень ей нравится. Белинде он тоже нравился, но она понимала, что относится к нему по-другому. Что ж, она не будет мешать подруге. Белинда ее любит и ни в коем случае не хочет ее обидеть. Мелисса такая великодушная! Она делилась с ней книгами, платьями, переживаниями. Было бы чудесно просить ее поделиться первой любовью. Поэтому Белинда прикусила язычок и улыбнулась Мелиссе, желая ее подбодрить.

Когда они поставили в шкаф последнюю тарелку, Мелисса сняла передник, помазала кремом руки и направилась в гостиную. Белинда осталась на кухне, чтобы вытереть со стола и развесить полотенца. Она не видела, что происходит, но могла представить, судя по тому, что доносилось до нее через дверь.

Кажется, игра в шашки закончилась вничью. Кларк выиграл одну партию, Джексон вторую, а третья зашла в тупик.

— Ты хорошо играешь, парень! — тепло поздравил гостя Кларк, когда они отодвинули доску и поднялись с кресел.

— Отец часто меня тренировал, — объяснил Джексон.

— Тебе его не хватает...

— Да, — грустно, но спокойно ответил мальчик. — Да, конечно.

В разговор вмешалась Мелисса.

— Хочешь посмотреть, как мальчики катаются на санках? — спросила она Джексона.

— Конечно, — ответил он.

— Я принесу тебе пальто, — предложила Мелисса.

Она поспешила в кухню, к вешалке, и вскоре вернулась уже в верхней одежде. Пальто Джексона она перекинула через руку. Затем она опять прошла по кухне к боковой двери. Белинда все еще стояла на кухне. Она не сняла передника и деловито терла большую черную плиту куском газеты. Джексон остановился рядом с ней.

— Мы собираемся посмотреть, как мальчики катаются на санках. Хочешь с нами?

Белинда взглянула сначала на Джексона, потом на Мелиссу.

— Нет, я еще не закончила, — просто сказала она. — Идите без меня.

— Мы подождем, — предложил Джексон. — Времени много. Что тебе нужно сделать? Давай я помогу.

Сказав это, парень взял у Белинды газету и стал энергично тереть железную поверхность. Белинда беспомощно посмотрела на Мелиссу поверх его сгорбленной спины.

— Нет, видишь ли... я собиралась...

Белинда подняла крышку плиты и бросила туда использованную бумагу. Затем она достала несколько спичек, чтобы вновь зажечь огонь. Позже они будут пить чай или кофе, но пирог уже готов и стоит в кладовке. По правде говоря, делать ей нечего. Она не могла найти отговорку. Белинда улыбнулась Джексону.

— Кажется, все готово, — честно ответила она.

— Тогда снимай передник и надевай пальто, — велел Джексон и игриво потянул ее за ленту в косе.

Белинда отошла к вешалке как будто для того, чтобы повесить передник. На самом деле ей хотелось отойти подальше от него. Джексон снял пальто с крючка и подал ей. Она быстро накинула его на плечи, чтобы он больше не помогал ей. Она боялась посмотреть на Мелиссу. Все трое вышли на улицу, залитую солнечным светом, и зажмурились, ослепленные лучами на белейшем снегу. Они слышали доносящиеся от ручья веселый визг малышей и лай собак. Снег скрипел под ногами, мороз сковал воздух, но ветра не было, и потому казалось, что на улице не так уж холодно.

Белинда глубоко дышала. Ей нравилась морозная свежесть зимы. Особенно когда дома ждет горячая еда, и на ней теплое пальто... Она почему-то вспомнила лицо мальчика, который потерял руку. Она была уверена в том, что у него нет подходящей одежды, чтобы пережить холодную зиму. Девочка грустно вздохнула. Бедный мальчик, он так нуждается! А ведь она даже не знает, как его зовут. Но ей страшно хотелось ему помочь. Она молилась, как советовали ей родители, но до сих пор Бог не ответил на ее молитвы. Должно быть, Джексон слышал, как она вздыхает. Она почувствовала на себе его взгляд.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил он.

Щеки Белинды залились румянцем. Не умеет же он читать мысли?

— Нет... не-е-ет. Ничего не случилось. Мне нравится зима, вот и все. Я имею в виду, сейчас так...

— Мне тоже, — перебила ее болтушка Мелисса.

Видимо, ей не понравилось, что на нее перестали обращать внимание.

— Сейчас так чисто, свежо и красиво! Солнце светит ярко! По-моему, даже ярче, чем на Западе, — щебетала она. — Солнце такое... такое... сильное! Нет, на Западе оно тоже сильное, очень яркое и светит все время, но здесь оно какое-то другое.

Джексон посмотрел на Мелиссу, а затем опять оглянулся на Белинду.

— Тебе нравится зима, Джексон? — спросила Мелисса.

— Да, пожалуй, — ответил он, тихо рассмеявшись. — Никогда об этом не думал. Но, наверное, лето мне больше по вкусу.

— О, мне тоже! — восторженно заметила Мелисса. — Я так люблю лето, цветы и птиц! На Западе много цветов. Они растут на холмах. Весной я часто гуляю и собираю огромные охапки, — с энтузиазмом рассказывала она.

— Боюсь, я редко собираю цветы, — опять рассмеялся Джексон.

Мелисса задорно ему улыбнулась.

— Ну, я так и думала, — заметила она. — Мужчинам это не пристало.

Джексон слегка покраснел. Видимо, он прекрасно расслышал, что она назвала его «мужчиной». Белинда удивилась, почему Мелисса так сказала. Например, ее отец часто собирал цветы. Он часто приносил в дом разные букеты. *«И мама всегда радостно смотрит на него, — раздумывала она, — когда он их ей дарит»*. Братья тоже приносили матери цветы. Она сама это видела. Что же такого плохого в том, что мужчина собирает цветы, если ему этого хочется? Белинда молчала, размышляя, как вдруг Джексон неожиданно спросил ее:

— Тебе тепло?

— Мне хорошо, очень хорошо, — быстро ответила она.

Они подошли к ручью и стали смотреть на то, как малыши визжат, скользя и барахтаясь на любимой горке. Джексон улыбнулся.

— Кажется, им весело, — заметил он.

Белинда улыбнулась в ответ.

— Точно, — заметила она. — Я сама здесь часами пропадала.

— Правда?

Она кивнула.

— А у меня никогда не было санок, — признался Джексон. — В городе на них негде кататься.

— О, так ты не знаешь, как это весело! — воскликнула Белинда. — Это так здорово — лететь с холма так, чтобы в ушах свистело! Конечно, горка не очень высокая, но это... так... забавно.

— Может, попробуем? — предложил Джексон.

Белинда взглянула на свои юбки. Она прекрасно знала, что, когда катаешься на санках, невозможно хотя бы раз не перевернуться через сугроб.

— Пожалуй, у меня одежда неподходящая, — со смехом заметила она.

Но Джексон настаивал:

— Мы осторожно. Я буду сидеть впереди. А тебе нужно только крепче за меня держаться.

— Давай я с тобой покатаюсь! — предложила Мелисса.

Джексон и Белинда разом посмотрели на нее. Ее щеки зарделись, а в глазах горел вызов.

— Я поеду. Я не боюсь, — настаивала она.

Не ответив, Джексон вновь посмотрел на Белинду. Кажется, он безмолвно спрашивал ее, не передумала ли она.

— Отличная идея! — быстро согласилась Белинда. — Езжай с Мелиссой. Она впервые зимует в наших местах. И никогда раньше не каталась на санях с горки.

Белинда не добавила, что со стороны Мелиссы очень глупо думать о таких развлечениях: ведь она надела нарядную юбку! Дэн одолжил им санки. Джексон сел впереди и крепко взялся за веревку, при помощи которой ими можно было управлять. Мелисса примостилась позади него и без колебаний обвила его руками. Белинда, наблюдая за ними, засомневалась, не слишком ли сильно она к нему льнет, но, разумеется, ничего не сказала. Санки со свистом понеслись с горки. Джексон смеялся и кричал. Кажется, он был в восторге от нового развлечения. Он попросил мальшей прокатиться еще раз. Они опять скатились вниз. Мелисса по-прежнему крепко держалась за него. Джексон издал радостный вопль, когда санки быстро понеслись вниз по холму.

— Здорово! — крикнул он Белинде. — Не хочешь попробовать? Смотри, мы даже не упали. Это легко!

Белинда только рассмеялась и покачала головой.

— Еще раз, всего один раз, пожалуйста! — упрашивала мальчиков Мелисса.

Следующий раз был не таким легким, как представлял Джексон. На середине пути с холма у санок, кажется, появилось собственное соображение о том, куда следует ехать дальше. Они свернули с укатанной полосы и уткнулись в сугроб.

Потом дела пошли еще хуже: санки, подсакивая на ухабах, выехали на поле и налетели на камень. Джексон не успел направить их в сторону, и они остановились, завалившись набок. Оба пассажира слетели с них и очутились в облаке снежной пыли.

Малыши на вершине холма радостно завопили. Несомненно, эта сцена им понравилась. А Белинда с открытым от страха ртом смотрела на друзей. Она боялась, что они поранились, когда упали с санок. Но они оба, хотя и слегка неуверенно, поднялись на ноги, и она успокоилась. Более плачевно выглядела Мелисса, и все из-за одежды. Юбка нелепо свисала: на ней оказалась огромная дыра. Кроме того, она извалялась в грязном снегу. На пальто, тоже грязном, оторвались пуговицы. Джексон, робко улыбаясь, отряхивал снег со своего пальто.

— Ух ты! — крикнул он стоящей на холме Белинде. — Кажется, это довольно рискованно!

Белинда рассмеялась, радуясь тому, что никто не поранился. Джексон помог Мелиссе почистить одежду и спросил ее, все ли в порядке. Она сдержанно ответила, что прекрасно себя чувствует. По-видимому, она была смущена из-за того, что испачкала одежду. Джексон поднял санки и стал взбираться наверх.

— Ну что, поедешь со мной? — со смехом предложил он Белинде, медленно поднимаясь по холму и таща за собой санки.

— Нет, сэр, что-то не хочется, — весело ответила Белинда.

Мелисса стала рыться в снегу, отыскивая оторванные пуговицы, а потом быстро пошла домой, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Джексон отдал санки Дэну и тепло поблагодарил его.

— Я бы хотел еще как-нибудь покататься, — сообщил он мальчику, и Дэн заулыбался, радуясь тому, что ему удалось произвести впечатление на взрослого парня.

Белинда посмотрела вслед Мелиссе.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она Джексону. — Вдруг маме понадобится? Скоро она будет подавать кофе.

Джексон хотел ее догнать, но она махнула ему рукой.

— А почему бы тебе не остаться и не скатиться с горки еще пару раз? — предложила она. — Дэн не станет возражать. Мы вас позовем, как только накроем на стол.

— Ты уверена? — спросил Джексон, оглядывая холм.

— Уверена. Как знать, когда вновь представится такая возможность? В наши края весна приходит рано.

— Что, неужели до Рождества?

— По-разному бывает.

Джексон широко улыбнулся.

— Ну ладно, останусь тут, — сказал он. — Спасибо.

Белинда кивнула и поспешила к дому. Она собиралась проведать Мелиссу и надеялась, что ущерб нанесен только ее одежде, а не ее гордости и их дружбе.

Она нашла Мелиссу в ее комнате. Та сняла разорванную одежду, но еще не надела новую. Девушка лежала на кровати, закрыв лицо руками. Плечи вздрагивали от рыданий.

— Мелисса! — испуганно воскликнула Белинда. — Тебе что, больно?

Мелисса недовольно взглянула на Белинду. Ее глаза опухли от слез.

— Как будто тебя это волнует!

Белинда удивилась. Она подошла к кровати, села и положила руку на плечо подруги.

— Конечно, волнует, — настойчиво сказала она. — Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Мелисса поднялась и слезла с кровати.

— Даже не надейся, — бросила она Белинде. — Медсестра мне не нужна.

Эта перемена поразила Белинду. Она решила заговорить на другую тему:

— Скоро будем пить кофе. Я накрою на стол.

— Ну, а я не пойду, — отрезала Мелисса.

— Нет, ты *точно* поранилась! Где?

— Не поранилась я, — нетерпеливо повторила Мелисса. — Просто не собираюсь спускаться.

— Но почему? Что я скажу гостям? Все удивятся...

— Говори, что хочешь. Мне все равно. — Мелисса сердито отбросила волосы и потянулась за халатом.

Белинда поднялась, чтобы выйти из комнаты. Она недоумевала, что ей делать, и не понимала, что случилось. Ей казалось, что Мелисса все-таки поранилась, но не хочет признаваться. Вот если бы сюда пришел Люк!

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? — спросила она, искренне переживая за подругу.

Мелисса злобно посмотрела на нее:

— По-моему, ты и так немало сделала, тебе не кажется? — резко спросила она.

Белинда нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Да в чем она провинилась, что подруга вышла из себя?

— Что ты имеешь в виду... — передразнила ее Мелисса. — Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Ты целый день мешала мне и Джексону. Ты знаешь, что я ему нравлюсь, ты знаешь, что он нравится мне, и все-таки продолжала вмешиваться и все портить!

Длинная речь оборвалась. Мелисса горько заплакала. Белинда удивленно смотрела на раздраженную племянницу. Что за глупости она болтает? «Откуда Мелисса это взяла?» — отчаянно думала она. Ведь Белинда изо всех сил старалась ей не мешать. Чтобы не стоять у нее на пути, она отклонилась так далеко, как могла, чуть «мостик» не сделала... но Мелисса, очевидно, не в том настроении, чтобы ее слушать. Белинду позвала мать. Ничего не сказав, она выскользнула из комнаты. Но на сердце у нее было тяжело. Она спустилась по лестнице, чтобы помочь на кухне.

Пока гости были у них в доме, о Мелиссе не вспоминали. Но когда Брауны ушли, Марти захотела узнать, что произошло. Белинде было сложно ей это объяснить. Она не желала «доносить» на подругу, но не могла соврать матери. Наконец она рассказала то, что знала. Марти, округлив глаза, посмотрела поверх головы Белинды на Кларка.

— Ты уверена? — спросила она. — Уверена в том, что она считает, будто ты вмешиваешься?

Белинда кивнула.

— Она ревнует?

Белинда снова кивнула.

— В это сложно поверить, — заметила Марти. — Полагаю, завтра утром она будет думать по-другому.

Но утром ничего не изменилось. Она работала по дому и готовила уроки, но была не такой веселой и разговорчивой, как обычно. И старательно избегала разговоров с Белиндой.

— О Господи! — молилась Марти, глядя на то, как девочки идут по дороге в школу, держа друг от друга поодаль. — У нас возник любовный треугольник. И что нам делать?

Глава шестнадцатая

ГОРДОСТЬ

Приближалось Рождество. Соседи приносили Симпсонам корзины с едой, но их заворачивали от дверей. Все местные жители хотели помочь, но не знали, как это сделать. Даже священника Симпсоны не пустили в дом, когда он пришел с визитом. Кажется, семья не хотела помощи и утешения даже от Бога. Марти было больно думать о нужде и гордыне, которая их сокрушила, а Кларк тихо бормотал, что это обыкновенная глупость и упрямство, и больше ничего. Симпсоны не заплатили им за дрова и продукты, и Кларк с удовольствием счел бы это подарком им, но он знал, что соседи не согласятся на такое. Он понимал также, что, пока они не заплатят долг, он больше не сможет им помогать, и решил заехать к ним еще раз. Сначала он собирался взять с собой Марти. Потом подумал, что это похоже на приход в гости. Дома это

обсудили, и Кларк решил поехать один. Он хотел, чтобы его визит казался деловым.

По пути к Симпсонам Кларк пытался вспомнить, есть ли в его доме недоделанная работа, но так ничего и не вспомнил. Он задумался о плане, который они обсуждали с Марти. Ей он пришелся не по нраву. Конечно, им обоим будет нелегко. Он боялся, что они оба будут чувствовать себя так, словно кого-то обманули. Непросто сказать, что нуждаешься в помощи, если на самом деле это не так. Марти написала короткий список вещей, которые миссис Симпсон могла бы для них сшить. Там было одеяло, которое она обещала подарить на день рождения Мэри, дочери Нандри. Марти подумала, что помощь ей не помешает, хотя ей нравилось мастерить одеяла, и обычно она прекрасно справлялась с этой задачей в одиночку. И все-таки эта работа не займет много времени. Поэтому они пытались придумать для женщины еще какое-нибудь задание, но постоянно возвращались к шитью.

— Сколько у тебя ткани? — спросил Кларк.

— Четыре или пять отрезков, кажется, — ответила Марти.

— Ты не думаешь, что их можно как-то использовать?

— Я уже решила, что буду с ними делать, — сказала ему Марти, — но не сейчас. Из одного я сошью платье для Белинды. Правда, узор слишком взрослый для нее. С другой стороны, учитывая, как быстро она растет, ждать осталось не так уж долго, — быстро исправилась она. — Из второго я собиралась нашить передников для Кейт, третий нужен, чтобы подбить одеяло Эмми Джо, когда она окончит школу, а четвертый...

— Я поеду в город, — предупредил Кларк, — куплю там ткани. Просто так.

— А что я с ней буду делать? — запротестовала Марти.

— Не знаю. Что-нибудь придумаем. Может, сошьем тебе новое платье? — с улыбкой предложил Кларк и обнял жену.

— Кларк, но мне не нужны обновки! — не согласилась Марти.

— Тебе не нужны, а миссис Симпсон нужны, — мягко возразил он, и жена кивнула в знак согласия.

Кларк направился в город и купил там шесть метров ткани. Он (или приказчик?) выбрал красивые узоры, и Марти, весело блеснув глазами, не преминула его похвалить. Она добавила, что так и не придумала, на что их пустить. Да и как знать, а вдруг миссис Симпсон вообще не умеет шить и только испортит ткань?

Кларк пожал плечами.

— Ну, наделаешь из них тряпок, — небрежно бросил он, и его замечание не понравилось Марти.

Все было бы намного проще и требовало бы куда меньше затрат, если бы Симпсоны просто позволили соседям им помочь. Кларк думал об этом, когда гнал лошадей вперед. Он репетировал то, что им скажет. Удастся ли ему остаться честным и в то же время не обидеть их?

Кларк привязал лошадей и подошел к двери. Из-за протеза у него вновь разболелась нога. А может, причина в том, что на улице так холодно? Кларк и сам этого не знал, но зато чувствовал, как болезненные судороги поднимаются от культи до бедра.

Он громко постучал в дверь. Открыл мистер Симпсон. Кажется, он собирался, как обычно, отрезать: «Мы не принимаем милостыню», но Кларк быстро вставил:

— Я хотел узнать, когда вы заплатите долг за дрова и продукты.

Дверь открылась чуть шире, и мужчина отступил назад.

Женщина суетилась у плиты. Судя по запаху, наполнявшему комнату, Кларк понял, что она готовит на ужин жаркое. Пахло вкусно. Кларк одобрительно шмыгнул носом, улыбнулся и кивнул хозяйке. Он осмотрелся по сторонам, ожидая увидеть мальчика, но там был только младший сын Симпсонов. Он равнодушно играл с ниткой в углу комнаты. Мистер Симпсон указал на стул, но не попросил Кларка сесть и не предложил раздеться. Кларк все-таки сел и расстегнул пальто.

— Слушаю, — проворчал мужчина, оперев руки в бока.

— Я подумал, что вам, наверное, не терпится снять с плеч долой висящий на вас долг, — начал Кларк. — У меня есть для вас кое-какая работа. Можете заняться ею, если у вас есть время.

— Времени у меня полно, — мрачно ответил мужчина.

Кларк кивнул.

— Сколько дней понадобится?

— Не знаю точно. Два, а то и три.

— Этого мало, чтобы выплатить наш долг, — кисло заметил мужчина.

— Так вы заплатите за овощи, — ответил Кларк. — А взамен дров весной привезете нам лес.

Мистер Симпсон кивнул. Ну что ж, видимо, этого довольно, чтобы заплатить за овощи. Кажется, он решил, что разговор окончен.

— Моей жене нужно кое-что сшить, — продолжал Кларк, — и ей... требуется помощь. Может, это заинтересует миссис Симпсон?

— Но вы же сказали, что моей работы хватит, чтобы заплатить наш долг, — раздраженно заметил хозяин.

— Верно, — спокойно ответил Кларк. — Мы заплатим ей за шитье дополнительно.

Он увидел, что женщина у плиты вскинула голову, но приотворился, что ничего не заметил.

— А что, ваша жена не умеет шить? — с сарказмом спросил мужчина.

— Она замечательно шьет, — Кларк бросился на защиту Марти. — Но иногда помощь не помешает. У нас много внуков...

Мужчина что-то тихо пробормотал в сторону.

— А что вы дадите взамен? — спросил Симпсон.

— Думаю, мы могли бы заплатить наличными, — ответил Кларк. — Мы готовы поменяться, но не знаем, что вам нужно. А вот хороших помощников сейчас найти нелегко.

Мужчина прищурился. Предложение его явно заинтересовало. Он повернулся к женщине:

— Мать, ты согласна?

Кларку понравилось, что он спросил ее, а не приказал. Должно быть, несмотря на грубость, он хороший человек.

Женщина утвердительно кивнула.

— А сколько вы заплатите? — спросил Симпсон.

— А какую цену вы считаете справедливой? — ответил вопросом на вопрос Кларк.

— Десять центов в час, — ответил мужчина.

Кларк не торопился отвечать.

— А я думал, пятнадцать, — заметил он. — Мне бы не хотелось, чтобы люди говорили, будто я не хочу платить по справедливости.

— Ладно, пятнадцать, — согласился мистер Симпсон, и они пожали друг другу руки.

— Ну что ж, мне пора домой, — сказал Кларк, вставая со стула. — Сейчас рано темнеет, а у меня есть дела.

— Мы придем утром, чтобы вам помочь, — заявил хозяин.

— Тогда, пожалуй, я должен объяснить, как найти наш дом, — с легкой улыбкой сказал Кларк. Мрачное выражение лица Симпсона не изменилось. Кларк достал из кармана огрызок карандаша и кусок бумаги и стал рисовать простую схему. Склонившись над столом, он услышал, как дверь со скрипом открылась и вновь закрылась. Уголком глаза он уловил движение, но не поднял глаза.

В дом вошел старший сын. Кларк закончил рисовать карту и посмотрел вверх. Мальчик стоял у двери. Он так и не снял тонкое пальтишко. Один рукав был завязан в уродливый узел, чтобы тепло не выходило. Здоровой рукой он прижимал к боку ружье и держал пару кроликов и куропатку. Кларк кивнул в знак приветствия и спокойно его оглядел.

— Должно быть, ты меткий стрелок, — с искренней теплотой заметил он.

Мальчик тоже ему кивнул, бросил дичь в угол и повесил ружье на крючок.

— И что, всегда так везет? — улыбаясь, поинтересовался Кларк.

— Часто, — просто ответил парень и стряхнул с плеч пальто.

Кларк направился к двери. Он застегнул пальто, чтобы не замерзнуть, и повернулся, чтобы поднять шапку, которую уронил, сидя на стуле. Он заметил, что мальчик за ним наблюдает. Кларк взглянул на него, недоумевая, что он задумал. Затем он пошел к двери. Но вдруг мальчик заговорил:

— Вы вроде говорили, что у вас одна нога, — злобно сказал он.

Кларк посмотрел на свои ноги. Кажется, с ними все было в порядке. Штанины спадали на ботинки. Только если хорошо приглядеться, можно заметить, что ботинки разные.

— Нет, — с улыбкой сказал Кларк, — у меня две ноги. Одну я одолжил, признаю, но у меня их две.

Он наклонился и быстро закатал одну штанину, показав мальчику деревянную ногу с ремнями и цепочками. Он увидел, как женщина поморщилась и быстро отвернулась, а маленький мальчик, который тихо сидел в углу комнаты, вдруг подался вперед, изумленно округлив глаза.

— Она служит мне ничем не хуже старой, — продолжил Кларк. — Хотя нет, не совсем. Но Люк, мой сын, настоял на том, что она мне нужна. Сначала я сопротивлялся, но теперь не представляю, что бы я без нее делал. У меня руки свободны, — Кларк обеими руками взял шапку, — и все стало намного проще.

Мальчик ничего не сказал. Кларк надел шапку и повернулся к мужчине.

— Ну что ж, увидимся завтра утром, — сказал он и кивнул на прощание.

Он подошел к двери, плотно ее закрыл и похромал к нетерпеливым лошадям. Он так и не понял, удалось ему добиться какого-то успеха или нет. По дороге домой он усердно молился за всех членов семьи Симпсонов.

Глава семнадцатая

НАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ

Следующим утром, когда дети уже ушли в школу, Кларк и Марти сидели за столом и наслаждались покоем, попивая по второй чашке кофе. Вдруг Марти услышала, как лает собака. Она наклонилась и подняла занавеску. К ее удивлению, по дороге к дому шли два человека:

— Интересно, кто это решил нас навес-
тить в такой ранний час?

Кларк тоже подошел к окну.

— Должно быть, наемные рабочие! — воскликнул он. — Я и не знал, что у них нет ни лошадей, ни повозки.

Марти нахмурилась:

— Ты имеешь в виду Симпсонов?

— Ну да, это они.

— Ах, Кларк! — воскликнула Марти и от-
скочила от стола, стараясь быстро пригладить
волосы. — Я и не знаю, что мне им приказать.

У меня в жизни не было слуг. Я даже не умею отдавать приказы.

Кларк рассмеялся.

— Представь, что они — твои дети, — посоветовал он. — Тебе же нетрудно говорить им, что делать.

— Честно говоря, они не похожи на детей. А вдруг ей не понравится, что я командую? Ох, во что же мы ввязались...

— Ты подготовила бумагу? — спросил Кларк.

— Бумагу?

— Тебе нужно отмечать, сколько часов они отработали.

Мы будем платить миссис Симпсон повременно.

— Нет, — ответила Марти, качая головой. — У меня нет бумаги.

Кларк подошел к двери.

— Входите, — пригласил он и широко открыл перед гостями дверь.

Они медленно вошли внутрь и внимательно огляделись по сторонам. Никогда раньше Марти не испытывала стеснения из-за того, что так удобно и уютно устроилась. Почему Бог благословил ее достатком, тогда как многие люди терпят лишения?

— Повесьте пальто у двери, — предложил Кларк.

Марти достала из шкафа две чашки. Ей хотелось спросить, позавтракали ли они, но она не посмела.

— Мы собирались выпить кофе, прежде чем приступить к работе, — сообщил Кларк. — Не желаете к нам присоединиться?

Марти убрала тарелки, которые оставили Белинда и Мелисса, и вытерла для гостей стол. Точнее, не для гостей, а для

наемных работников. Кларк взял со стола семейную Библию и поставил ее на полку в углу.

— Хорошо, что вы так рано пришли, — продолжал он. — Я люблю людей, которые встают спозаранку. Думаю, начало удачное.

Марти налила кофе, а Кларк поставил на стол сливки и сахар. Симпсоны стали пить кофе. Сначала они явно стеснялись, но потом освоились.

— У нас не осталось рулетиков с корицей? — спросил Кларк Марти. — Я бы не прочь их отведать.

Кларк только что плотно позавтракал, но Марти сразу поняла, к чему он клонит, и быстро достала из кладовой рулеты. Она поставила их на стол и чуть не уронила тарелку, когда увидела, что Кларк схватил выпечку. Она удивилась, что он начал угощаться, даже не предложив рулет гостям.

— Берите, если хотите, — сказал Кларк, кусая рулет.

Тут Марти догадалась, почему он так поступил. Они оба понимали, что она поставила рулеты на стол, чтобы Симпсоны их попробовали. Но Кларк боялся, что они это заподозрят и не станут их пробовать, раз угощение предназначается только для них. Марти села за стол и тоже взяла рулетик, хотя ей ни капельки не хотелось есть. Симпсоны последовали их примеру и начали с аппетитом жевать.

Когда они пили кофе и ели выпечку, то почти не разговаривали. Новые соседи были не из болтливых. Кажется, они о чем-то беспокоились, им не терпелось приступить к работе. И Марти поняла, что они не хотят терять времени, раз им платят пятнадцать центов в час.

— Ну что ж, пора приступать, — наконец сказала Марти. — Не могли бы вы помочь мне помыть тарелки, чтобы освободить место и раскроить ткань?

Затем Марти достала кусок бумаги и написала сверху: «Четверг». Она посмотрела вверх, собираясь записать время с точностью до минуты, потому что глаза миссис Симпсон также были устремлены на часы.

— Сейчас семь часов сорок шесть минут, — сказала Марти. — Время пошло. — Она взглянула на плиту. — Ой, — заметила она, — мы так и не допили кофе, что налито в кофейнике, а я терпеть не могу выбрасывать продукты! Может, выпьете еще чашечку?

Не дожидаясь ответа, она поднялась со стула, взяла кофейник и наполнила чашки.

— Не будем терять времени, — успокоила она соседку, — сейчас я объясню вам, чем мы займемся.

Они стали медленно пить кофе. Марти и Кларк неспешно объясняли соседям, что им предстоит. Кажется, те были довольны.

Наконец Марти подумала, что больше не выдержит. Кларк почувствовал это, встал из-за стола и проследовал на кухню. Симпсон потянулся за пальто, но Кларк его остановил.

— Сейчас одеваться ни к чему, — заявил он. — Сначала вы прибьете полки в подвале. Там довольно тепло, можно работать и в рубашке.

Мужчина повесил пальто, взглянул на жену и последовал за Кларком. Марти металась по кухне, судорожно думая о том, что следует сделать: во-первых, убрать тарелки. Во-вторых,

подмести пол. Затем она собиралась замесить тесто для свежего хлеба. Можно ли доверить миссис Симпсон раскрыть ткань? А, ладно. В худшем случае она последует совету Кларка и пустит ткань на тряпки. Соседка заметила на крючке за плитой кастрюлю и подошла к ней.

— Вода там, в баке, — пояснила Марти и кивнула в сторону плиты.

Миссис Симпсон улыбнулась, довольная тем, что все так удобно устроено. Она стала ковшиком черпать горячую воду, пока кастрюля не наполнилась. Марти не мешала ей мыть тарелки. «Представь, что она — твоя дочь», — повторяла она себе, вытирая тарелки и расставляя их в шкафу. Она надеялась, что эта уловка поможет. Они мыли посуду молча. «*Ну что ж, от ее болтовни не устанешь*», — с легкой улыбкой сказала себе Марти. — *В жизни не видела такой молчаливой женщины*». Тут ей пришло в голову, что она сама все время молчит. Ничего, она это исправит.

— Я слышала, вы жили на Западе, — дружелюбно заметила Марти.

Женщина кивнула.

— Как долго? — продолжила расспрашивать Марти.

— Двенадцать лет.

— Вам там нравилось?

Миссис Симпсон посмотрела на Марти. Казалось, она хотела дать понять, что это никого не касается. Она плотно сжала губы и пожала плечами. Марти поняла, что не должна вмешиваться не в свое дело. Марти пошла за метлой, предоставив миссис Симпсон вытирать со стола. Собрав в кучу

крошки, оставшиеся после завтрака, она смела их в совок и открыла крышку плиты, чтобы бросить их туда. Она заметила, что в печке прогорели дрова, и подбросила еще несколько поленьев.

— Вы что, не гасите плиту, когда не готовите? — изумленно спросила миссис Симпсон.

Марти кивнула.

— Дров у нас много, — заметила она, — а печка обогревает почти целый дом.

Женщина ничего не сказала.

— Мне нужно замесить тесто, — заявила Марти. — Хочу покончить с этим до того, как мы начнем шить.

Миссис Симпсон кивнула. Довольно долго обе женщины молчали, занимаясь своими делами. Внизу, в подвале, послышался ритмичный стук молотка. Мужчины тоже принялись за работу. Они вытерли плиту, выплеснули воду, в которой мыли тарелки, а кастрюлю повесили на крючок.

— Что теперь делать, миссис Дэвис? — спросила женщина.

— Называйте меня Марти, мне так привычнее, — попросила хозяйка и торопливо добавила: — Начнем шить, как только я закончу месить тесто. Оно уже почти готово.

— А мне что делать? — спросила миссис Симпсон.

Марти хотела ответить: «Посидите спокойно», но не посмела. Она оглядела кухню в поисках задания — хоть какого-нибудь задания. Да, иметь наемного работника — не такая уж простая задача.

— Можете подмести на заднем крыльце, — наконец сказала она.

Женщина взяла метлу и совок и направилась на крыльцо. Марти надеялась, что на улице не очень холодно. Заднее крыльцо было закрытым, но все же там не так тепло, как в доме. Марти закончила месить тесто для хлеба, и тут вернулась женщина с метлой.

— Я принесу ткань, — объявила Марти и вышла из кухни. Она решила сначала принести только два отреза. Она не хотела, чтобы это выглядело так, будто она хвалится своим богатством. Она заметила, какая изношенная и заплатаанная одежда на миссис Симпсон. Она была чистой, но почти просвечивала в тех местах, где еще нет заплат.

— Я бы хотела начать с этого, — сказала Марти. — А вот выкройка. Швейная машинка в гостиной. Ножницы и нитки — в корзинке, она стоит рядом.

Марти не знала, что делать дальше. Она не хотела слоняться по гостиной, словно для того, чтобы следить за миссис Симпсон. Однако в настоящий момент ей нечем было заняться.

Она могла бы сбить масло, но сливок было очень мало, потому что она сбивала масло только вчера. Она могла бы что-нибудь испечь, но сейчас это было ни к чему. Несколько дней назад она начала шить ковер и собиралась продолжить сегодня, но глупо шить руками, когда ее помощница использует швейную машинку. Она могла бы...

Марти остановилась.

— Я пойду наверх, — сказала она. — Если что-то понадобится, просто позовите, — и она повернулась к лестнице, которая вела в ее спальню.

Марти уже застелила постель и убрала в комнате. Несколько минут она бесцельно расхаживала по ней, взбивая подушки и поправляя занавески. Затем села на край кровати. Наверху было прохладно.

«Как глупо! — сказала она себе. — Ужасно глупо! Я, взрослая женщина, сижу у себя в доме, словно в тюрьме». Ее мысли заметались: «Как я выдержу еще несколько дней? На какой срок Кларк их нанял? На что мне столько свободного времени?»

Марти вздрогнула. Наверху холодно, она здесь долго не выдержит. Она взяла со стула рядом с комодом теплую шаль и плотно закутала ею плечи.

«Можешь помолиться, — сказал у нее внутри тихий голосок. — Помнишь, ты всегда говорила, что хотела бы иметь больше времени для молитвы?»

Марти покраснела, хотя в комнате никого не было, — по крайней мере, она никого не видела.

Она встала на колени у кровати и серьезно задумалась о том, какие нужды стоят перед ее семьей и друзьями. Вскоре она откровенно заговорила с Богом из самой глубины сердца. Там же раздавались Его ответы. Благодаря молитве Марти почувствовала себя отдохнувшей и повеселевшей.

Она упомянула о каждом члене своей семьи: далеко живущих дочерях, зятях, внуках. Марти просила Бога за Нандри, Джоша и их детей. Она молилась за Кейт, Клэра и Эмми Джо, надеясь на то, что ее жизнь и художественный талант послужат тому, чтобы приумножить славу Господа. Она говорила о трех своих сыновьях, молила Господа помочь

Арни, Анне и их мальчишкам. Она молилась о том, чтобы Люк работал успешно, а также за Эбби и малышкой, ведь они так часто оставались одни. Марти особенно усердно молилась за Белинду, чтобы Господь направлял ее в ее планах на будущее и позволил ей послужить во славу Царства Божьего. Она просила Бога дать дочери мудрости, чтобы она дружно жила с Мелиссой, дочкой Мисси, которая уехала далеко от матери, а также просила о том, чтобы Бог дал ей мудрости и помог разрешить маленькое недоразумение, ставшее причиной ссоры. Марти молилась за соседей, за прихожан. Она попросила Бога позаботиться о новой учительнице, утешить ее во вдовстве и помочь поставить на ноги троих сыновей.

Марти со слезами на глазах помолилась за семью Симпсонов. Она надеялась, что их несколько неуклюжие попытки помочь пойдут на пользу. «Подскажи мне новые задания», — попросила она, а также выразила надежду, что Бог сумеет утешить молодого парня, потерявшего руку. Она молилась усердно, ведь ей не нужно было подсказывать и нестись, чтобы заняться то одной, то другой работой. И вдруг она вспомнила про тесто. «*Ой, у меня, наверное, тесто сбежало!*» — подумала она, быстро поднялась и, сбросив шаль, ринулась на кухню. Не стоило беспокоиться: миссис Симпсон все сделала, заметив, что тесто ползет вниз. А теперь она сидела за швейной машинкой Марти, и иголка плавно бежала по ткани, которую она ловко поправляла умелыми пальцами, делая аккуратные стежки. Марти от изумления чуть не протерла глаза. «*Должно быть, она профессиональная портниха!*» — изумилась она.

— Ого! — воскликнула она. — Да вы прекрасно шьете!
Женщина не подняла глаз.

— Я работала в магазине одежды на Востоке до того, как вышла замуж, — просто пояснила она.

— Вот это да! — еще раз воскликнула Марти.

Она наблюдала несколько минут, затем встала:

— Ну что ж, пора готовить обед. Ой, как быстро бежит время!

Марти заметила, что женщина тоже посмотрела на часы, которые стояли на полке, и почти услышала, как она считает: «три с половиной часа; пятнадцать центов в час; получается, пятьдесят два с половиной цента».

Марти решила испечь молочный пудинг. Он будет готов задолго до обеда, и у нее будет время его охладить. А еще она пожарит свинину и картофель. Кроме того, можно разогреть морковь. Хлеб скоро будет готов. Марти успокоилась и стала расхаживать по кухне, тихонько напевая себе под нос. Давно, ах как давно она позволяла себе так долго молиться. *«Пожалуй, иметь наемных работников не так уж и плохо в конце концов»*, — сказала она себе.

Глава восемнадцатая

ПРИВЫЧКА

Постепенно Марти привыкла к тому, что другая женщина вместе с ней занимается хозяйством в ее доме. Каждое утро, вымыв тарелки и закончив утренние хлопоты, Марти поднималась по лестнице в свою комнату, чтобы помолиться. У нее не всегда было столько времени, сколько в первое утро, но она радовалась тому, что может несколько минут постоять на коленях. Мало-помалу в умелых руках нанятой портнихи одежда приобретала форму. Марти была рада и приятно взволнована. Несомненно, жителям маленького городка давно не хватало портнихи! Марти не раз слышала, как женщины сетуют на то, как сложно найти того, кто сумеет правильно раскроить ткань и сшить одежду. *«Ну что ж, никто не станет жаловаться на мастерство миссис Симпсон»*, — думала она.

Марти даже вынула отрезки ткани, которые спрятала для будущих нужд, чтобы портниха что-нибудь из них сшила. «*Беречь их ни к чему*», — решила она. Девочки будут рады получить новые воскресные платья. Мистер Симпсон давно закончил работу, которую дал ему Кларк, и опять валил деревья в лесу недалеко от дома, так что его жена приходила к Дэвисам одна. Но Марти так и не узнала ее по-настоящему, хотя они много времени проводили вместе. Каждый раз, когда она видела, как соседка медленно идет по дороге холодным ранним утром или возвращается темным вечером, Марти вздрагивала. Но она не могла придумать, как это исправить. «*Если бы она не была такой гордячкой*, — говорила себе Марти, — *если бы она не была такой гордячкой, мы бы ей помогли*». Но миссис Симпсон была очень горда, так же, как ее муж, и Марти не смела предлагать ей ничего, что могло бы напомнить милостыню.

Марти собрала все ткани, которые были в доме, и отдала миссис Симпсон, чтобы та шила. Затем она отправилась к Кейт и забрала у нее одежду, которую нужно было зашить и залапать, — и куча получилась немаленькая, поскольку у невестки росло трое мальчишек. Они вместе с миссис Симпсон закончили коврики, которые она собиралась доделать зимой, и принялись за одеяла. Несмотря на то, что они работали бок о бок, они почти все время молчали, — у Марти быстро закончились темы для разговора, потому что ее напарница не желала их поддерживать. Но, как ни удивительно, она не испытывала неловкости. Когда они сшили одеяла, у Марти не осталось других задумок, и она предложила в последний раз выпить вместе чаю, пока она подсчитает, сколько денег должна заплатить. Марти

казалось странным, что они с миссис Симпсон теперь долго не увидятся, но она понятия не имела, что чувствует при мысли об этом ее соседка. Она привыкла к ее молчаливому присутствию в доме, ее общество было ей приятно. Она налила чай, нарезала пирог и взяла лист бумаги с вычислениями.

— Насколько я понимаю, — произнесла Марти, — я должна вам еще один доллар и десять центов.

— Верно, — к удивлению Марти, ответила женщина.

Она и понятия не имела, что миссис Симпсон тоже ведет учет, и обрадовалась, что у них не обнаружилось расхождений. Марти достала сумочку и отсчитала деньги. Миссис Симпсон быстро положила их в простую холщовую сумочку и спрятала в кармане платья.

— Знаете, я тут подумала, — осторожно начала Марти, — вы прекрасно справились с работой, а в городе множество женщин, которые нуждаются в услугах портнихи. Вам это интересно?

Женщина даже не дала ей закончить.

— У меня нет швейной машинки, — резко заметила она.

Но Марти продолжала:

— Можете взять мою.

Увидев выражение лица миссис Симпсон, она быстро добавила:

— Я дам вам ее напрокат за разумную цену.

Женщина немного успокоилась, но затем сказала:

— До города идти далеко. Как я буду искать заказы?

— Мы бываем в городе каждую неделю, — с притворной небрежностью заметила Марти. — Если хотите, поедemте с нами, а потом мы отвезем вас обратно.

— Мы живем от города дальше, чем вы, — напомнила женщина.

— Ну... мы же соседи. Может...

— Я могла бы подойти к вашему дому, — рассудила миссис Симпсон.

— Вот и хорошо, — стараясь говорить спокойно, ответила Марти. — Прекрасно.

Помолчав, она добавила:

— Мы собираемся ехать в город завтра. Пожалуй, я возьму пару образцов вашей работы и поспрашиваю знакомых.

— А какую цену вы назначите за прокат швейной машинки? — поинтересовалась соседка.

— Ну... дайте подумать. Пожалуй, десяти центов было бы достаточно.

— Десять центов в час. Так много не заработаешь, но все-таки деньги. Как вы думаете, люди готовы платить за шитье пятнадцать центов в час?

Марти не стала напоминать ей о том, что сама платила ей именно столько, причем миссис Симпсон использовала ее собственную швейную машинку.

— Я не имела в виду в час, — объяснила она, — я имела в виду в день. По-моему, ваша работа вполне стоит пятнадцати центов в час. Вы шьете быстро и хорошо. Вряд ли люди ожидают, что за услуги портнихи придется платить меньше.

Миссис Симпсон ничего не сказала, но ее глаза засияли.

— Ну что ж, договорились, — закончила Марти. — Посмотрим, что мне удастся для вас найти.

— Я вам очень обязана, — пробормотала женщина.

Наверное, она бы не могла сказать больше, признавая, что принимала помощь от других людей. Она поднялась, чтобы уходить. Марти тепло улыбнулась:

— Ну что ж, значит, прощаемся ненадолго, ведь вы будете приходить к нам, чтобы пользоваться швейной машинкой.

— Если все пойдет так, как вы придумали, — коротко заметила женщина.

— Да, если план сработает, — повторила Марти.

Женщина кивнула.

— Было приятно узнать вас поближе, — застенчиво добавила Марти, — работать с вами.

Миссис Симпсон опять кивнула.

— Мы были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам на церковной службе. Церковь у нас самая обыкновенная, но прихожане будут рады приветствовать вас и вашу семью...

Марти растерянно замолчала, когда глаза миссис Симпсон засверкали, и она махнула рукой, показывая на свое изношенное платье.

— Что, в этом? — прошипела она. — В этом платье мне ходить в вашу церковь? Нет, вряд ли кто-нибудь скажет: «Добро пожаловать!» человеку, который так дурно одет.

Не успела Марти ответить, как женщина схватила пальто с крючка, даже не надев его, толкнула дверь и выбежала на улицу.

Марти продолжала молча смотреть ей вслед. Она была поражена. Она не плакала, но в глубине души выкрикивала молитву: «О Господи, — молилась она, — прости нас, если мы, сами того не понимая, произвели на нее такое впечатление. С чего она взяла, что мы не будем рады видеть ее

такой, какая она есть? Я так старалась показать ей, что мы с удовольствием принимаем ее у себя в доме, так же, как Ты принимаешь детей Своих, но я подвела Тебя, Господи! Я опять Тебя подвела». И она заплакала.

Но вскоре у нее в душе раздался ответ. «Потерпи немного, — сказал ей нежный голос, — просто потерпи. Я никогда не оставлял тебя, и Я остаюсь рядом с Симпсонами, хоть они этого и не подозревают».

Когда Марти приехала в город, она не забыла спросить у знакомых, не нужна ли им портниха. Сначала она зашла в магазин галантереи и показала продавцу за прилавком работу миссис Симпсон, объяснив, что та с удовольствием шила бы и для других дам. Владелица магазина была довольна качеством шитья и заявила, что обязательно найдет заказчицу. Марти знала, что благодаря этому ей будет легче продавать ткани, так что услуги миссис Симпсон принесут доход и владелице магазина.

Она пообещала повесить объявление, на котором женщины, которым требуются услуги портнихи, смогут оставлять свои имена и информацию о том, что именно им нужно сшить. Марти собиралась проверить этот список, когда в следующий раз окажется в городе.

В следующий приезд она с радостью увидела длинный список имен. Похоже, швейная машинка будет занята несколько недель. Она забрала ткани, которые выбрали дамы, и выкройки и отвезла их домой для миссис Симпсон. Она придумает, как сообщить соседке о том, что ей удалось получить несколько заказов, в ближайшее время ее ожидает много работы.

Глава девятнадцатая

ТРЕУГОЛЬНИК

Отношения между Белиндой и Мелис-сой оставались прохладными. Марти наде-ялась на примирение и молилась об этом. Кларк убеждал ее, что самый легкий способ решить эту проблему — просто не обращать на нее внимания. По его словам, так они взрослеют. И если им не мешать, это скоро закончится. Что ж, похоже, на этот раз Кларк неправильно оценил ситуацию. Про-блема не разрешалась. Марти хотелось уса-дить перед собой двух девочек и серьезно с ними поговорить, но она не видела в этой ситуации никакой вины Белинды. А если Марти станет укорять Мелиссу, та решит, что к ней «придираются». Марти не вери-лось, что великодушная, милая, здравомыс-лящая Мелисса оказалась такой упрямой. Ну что ж, Кларк предупреждал их, что никто не идеален.

Из-за того, что ее отношения с Белиндой испортились, Мелисса постоянно пропадала в доме Кейт и проводила время с Эмми Джо и мальчиками. Она часами читала им книги, рисовала или делала аппликации. Мелисса была прирожденной учительницей. Ей нравилось брать на себя ответственность. Белинда, кажется, не сильно страдала из-за ее отсутствия. Она спокойно занималась своими делами и при каждой возможности уезжала к больным с Люком. Возвращаясь домой, она всегда подробно рассказывала все родителям. Марти даже подумала, что сама многое узнала о медицине. «*Неудивительно, что Люк и Белинда так любят свое дело*», — рассудила она про себя.

Марти беспокоилась, не думает ли Кейт, что Мелисса слишком много времени проводит у них в доме. Она решила сходить к невестке, выпить кофе и поговорить. Дэк встретил ее у двери.

— Бабушка, ты мне считаешь? — с надеждой спросил он, не успела Марти снять плащ.

Конечно, ему было скучно сидеть взаперти, пока братья учились в школе, и он очень обрадовался, когда увидел бабушку.

— Дэк, — упрекнула его Кейт, — дай бабушке хоть дыхание перевести. Она посмотрела на Марти: — Мелисса его ужасно разбаловала, и теперь он и от других ожидает того же.

Марти положила пальто, села за кухонный стол и стала рисовать пальцем по клеенке, пока невестка готовила чай. Кейт дала Дэку изюм.

— На вот, держи, — сказала она мальчику. — Может, устроишь для кукол званый вечер?

Дэк ушел, радуясь тому, что ему дали «официальное разрешение» поставить кукол Эмми Джо в ряд и поделиться с ними изюмом. «А потом он пройдет по ряду и съест изюм за каждую из них», — с легкой улыбкой объяснила Кейт.

— Ну что, портниха закончила работу? — спросила она, садясь за стол с двумя чашками чая.

Марти кивнула и улыбнулась.

— Знаешь, что самое удивительное? — робко призналась она. — Сначала я была недовольна, а теперь даже скучаю по ней.

Кейт тоже рассмеялась.

— Конечно, я скучаю не по нашим разговорам. В жизни не видела такой молчуньи.

— Да, ты говорила, — заметила Кейт. — Ох, сколько раз я мечтала о тишине и покое! Мне кажется, я буду очень рада, когда мой младшенький тоже начнет ходить в школу.

Марти понимающе улыбнулась.

— Во всяком случае, так я думаю сейчас, — добавила Кейт. — Я знаю, что со временем, когда дом опустеет, у меня, возможно, появятся другие желания.

Марти кивнула. Она знала, каково это — провожать в школу последнего ребенка.

— Продолжает ли Эмми Джо рисовать? — спросила Марти.

— Знаешь, мама, мне кажется, у нее действительно талант. Мы с Клэром иногда глазам своим не верим, когда она показывает свои работы. Ей очень помогают книги, которые дает Мелисса. Она многому благодаря им научилась. Какое счастье, что Мелисса такая щедрая! Надеюсь, мы не

перегибаем палку. Она часто у нас бывает, и мы очень этому рады. Но иногда я беспокоюсь: не кажется ли вам, что мы ведем себя слишком эгоистично?

— Нет, — ответила Марти, — как я могу сердиться на то, что вы хорошо проводите время?

Она помолчала.

— Но кое-что меня беспокоит, — озабоченно призналась она.

— Что именно? Мелисса?

— Да.

— Что-то случилось?

— Не знаю, — сказала Марти, — то есть, я не знаю: стоит переживать или нет. Кларк говорит, что лучше просто забыть об этом, но времени прошло немало, а проблема осталась.

— А в чем дело? — серьезно спросила Кейт.

— Ну, ты же знаешь про Джексона?

— Ты имеешь в виду того парня, по которому вздыхают наши девчонки?

— Да. Такое впечатление, что он — один-единственный парень на планете Земля.

— Я согласна с Кларком, — спокойно заметила Кейт, — со временем они повзрослеют и станут серьезнее. Все девочки в эту пору глупеют. У одних это проходит легче, у других тяжелее.

— Нет, дело не в том, что они вздыхают. По крайней мере, не только в этом. Есть кое-что еще. Мелисса ничего не говорила?

— Нет, мне она ничего не говорила. Может, делилась с Эмми Джо? Они вечно секретничают в комнате, хихикают

и вздыхают. Но я не обращаю на них внимания. Я помню, что со мной тоже такое было.

Марти улыбнулась. Возможно, такое было и с ней тоже, но это было очень давно.

— Но это еще не все, — попыталась объяснить она. — Похоже, Мелисса сильно влюбилась в Джексона. И она уверена, что он тоже в нее влюблен. Без ума от нее. Но когда мы пригласили в гости семью Браунов, Джексон больше внимания уделял Белинде, а не Мелиссе.

— Ах, вот оно что, — протянула Кейт.

Кажется, она наконец-то начала понимать:

— И как Мелисса это восприняла?

— Боюсь, ей это сильно не понравилось. Она обвинила Белинду в том, что та вмешивается, и с тех пор дует на нее.

— Понятно, — заметила Кейт и поднялась, чтобы налить еще чаю.

В это время в спальне Дэк бранил куклу за то, что та влезла без очереди. Женщины заулыбались.

— А ты говорила с Мелиссой? — спросила Кейт, поставив чайник на плиту.

— Нет. Я решила последовать совету Кларка и подождать, пока она успокоится.

— Но этого не произошло.

— До сих пор нет. Более того, когда вчера девочки вернулись из школы, Мелисса казалась еще более раздраженной, чем обычно. Она быстро переоделась и направилась к вам. В каком она была настроении, когда пришла сюда?

— Я не заметила ничего особенного. Но они с Эмми Джо сразу заперлись в ее комнате, — припомнила Кейт. — Ты узнала, что случилось?

— Я спросила Белинду. Она не хотела говорить на эту тему. Сказала, что Мелисса увидела, как Джексон в шутку подмигнул ей.

— А что Белинда думает о Джексоне?

— Ну, если он ей и нравится, она не дает воли чувствам, — ответила Марти. — Кроме того, у меня такое впечатление, что сейчас Белинду не волнует ничего, кроме визитов вместе с Люком к больным.

— Ей нравится этим заниматься, верно? — заметила Кейт. — А я страшно боюсь крови. И Эмми Джо такая же. Мы не можем даже забинтовать порезанный палец или вытащить занозу, потому что нас подташнивает. Приходится просить Клэра.

— Я тоже боюсь крови, — призналась Марти, — но я начинаю понимать, что так нравится Белинде.

— Как поживает тот мальчик, которому ампутировали руку?

— Мы довольно давно его не видели и ничего не слышали. Его мать каждый день работала у нас в доме, но она ни слова о нем не сказала, а я не решилась спросить. Она очень не любит, когда, как она это называет, лезут в душу.

— Надеюсь, он не отчаивается, — заметила Кейт.

Марти сказала невестке, что они с мужем часто молятся за бедного мальчика.

— Даже не знаю, как быть с Мелиссой, — сказала Кейт, возвращаясь к начатой теме.

— Я думала, вдруг она говорила о том, что произошло, пока была у вас в гостях, — объяснила Марти. — Возможно, это помогло бы мне решить, что предпринять.

— Нет, она и словом не обмолвилась. Мы с ней не так уж часто разговариваем. Она или шепчется с Эмми Джо, или читает и играет с мальчиками.

— Что ж, — заявила Марти, поставив чашку на стол, — я не хочу сваливать на тебя свои заботы. Может, все и правда пройдет само собой, как уверяет Кларк.

— Теперь, когда я это знаю, я стану внимательно слушать и наблюдать, — пообещала Кейт.

Марти остановилась у комнаты Эмми Джо, чтобы попроситься с Дэком. Он съел почти весь изюм, лишь рядом с последней куклой лежала маленькая кучка. Мальши обвиняющим жестом указал на нее.

— Она не хочет делиться, — объявил он, — а ведь это плохо!

Марти согласилась, что куколке следует поделиться, и Дэк сгреб оставшийся изюм и засунул пригоршню себе в рот.

— Ну вот! — победоносно крикнул он. — Теперь она знает, что нельзя жадничать!

Марти рассмеялась и обняла маленького крепыша.

— Я рада, что ты умеешь делиться, глупышка, — сказала она, назвав его ласковым прозвищем. — Может, поделишь завтра обед со мной и дедушкой? — пригласила она.

Дэк радостно вскрикнул и побежал на кухню, чтобы спросить разрешения у матери. Марти отправилась домой. На сердце у нее полегчало. Если Кейт ничего не знает о том,

из-за чего сыр-бор разгорелся, то, может, все не так уж серьезно. Несомненно, если не Мелисса, то Эмми Джо заговорила бы с Кейт о ссоре. Наверное, у Марти чересчур богатое воображение. Кларк, конечно, прав. В конце концов эта ссора просто забудется.

Но все не так просто решалось. Не успели девочки прийти домой в тот день, как Марти уже поняла, что случилось нечто такое, из-за чего положение только ухудшилось. Они даже шли порознь. Мелисса первой вломилась в дом. Она громко топала, словно желая показать, как она сердита. Она вбежала в дом, не обращая внимания на бабушку, взлетела вверх по лестнице и с шумом захлопнула дверь. Марти слышала, как, пробежав кухню, она заплакала.

— Вот это да! — воскликнула Марти, хотя никто ее не слышал. — Вот это да!

Через несколько минут в дом зашла Белинда. Ее щеки были влажными, как будто она плакала. А ведь никто бы не назвал ее плаксой. Она огорчалась только в том случае, если видела раненых птиц или животных. Марти недоумевала, стараясь сообразить, что произошло. Белинда поздоровалась с матерью, но и она тоже прошла бы мимо нее напрямик в свою комнату, если бы Марти ее не остановила.

— Подожди, — попросила она, — подожди минутку. Тебе не кажется, что я должна знать о происходящем?

Белинда колебалась. Затем в ее глазах вновь показались слезы.

— Все из-за тупицы Джексона, — простонала она.

— Тупицы Джексона? Я думала, он тебе нравится.

— Нет, не нравится, — отрезала Белинда, но быстро поправилась: — Ладно, нравится. Он мне нравится. Но... но намного меньше, чем Мелиссе. Она... она... а он... все портит!

— Портит? Как? — заинтересовалась Марти.

— Он... он... все время говорит всякую ерунду, а Мелисса на меня сердится.

— Да что он такого сделал?

— Вчера он хотел... хотел помочь мне с заданием по геометрии. Я сказала: «Нет, спасибо», потому что почти закончила. Позавчера он попросил меня сесть рядом с ним во время обеда, но я нашла отговорку, а сегодня... сегодня, мама, он спросил, не хочу ли я поехать с ним на пикник у церкви! — торопливо закончила она.

— Пикник у церкви? Но до него еще несколько месяцев.

— Знаю... Джексон объяснил, что решил пригласить меня заранее, чтобы никто его не опередил, — призналась Белинда, потупив взор.

— Понятно, — заметила Марти. — А Мелисса об этом узнала, да?

— Узнала? — всхлипнула Белинда. — Она стояла рядом со мной, когда он задал этот вопрос!

Ясно, что кто-то должен поговорить с Мелиссой. Кажется, этот кто-то — она, Марти. Она вытерла руки о передник и нерешительно поднялась по лестнице, мысленно умоляя Господа дать ей мудрости. Марти постучала в дверь, но ей никто не ответил, и потому она подождала минуту, а потом осторожно ее приоткрыла. Мелисса лежала на постели, уткнувшись лицом в подушку. Марти подошла к ней, опустилась

на кровать и протянула руку, чтобы пригладить длинные локоны девушки. Мелисса разразилась рыданиями. Марти не успокаивала ее. Когда она решила, что ждала достаточно, то медленно, осторожно произнесла:

— Тебе нравится Джексон, верно?

Мелисса кивнула и прерывисто вздохнула.

— Я помню, — задумчиво заметила Марти, — что в твоём возрасте мне тоже нравился один мальчик.

Никакого ответа.

— Я думала, что он самый умный, красивый и добрый мальчик, которого я когда-либо встречала. Да так оно и было.

— Ты говоришь о дедушке? — полузадушенным голосом спросила Мелисса, не отрываясь от подушки.

— О дедушке? Ах, нет! Я познакомилась с твоим дедушкой много лет спустя. И тогда я поняла: твой *дедушка* — самый умный, красивый и добрый мужчина, которого я когда-либо встречала.

Мелисса молчала. Марти ей не мешала.

— А что случилось с тем, с другим? — спросила она наконец, как и надеялась Марти.

— С Клифтоном? Да, его звали Клифтон. Ну, похоже, другая девушка нравилась ему больше, чем я. Он чуть не разбил мое сердце. Ее звали Черри, у нее были длинные светлые волосы и большие зеленые глаза. Она была старше меня, — может быть, на пару лет. В общем, они с Клифтоном были ровесники. Черри любила дразниться; хуже, чем мальчишка, честное слово! Сначала я думала, что Клифтон ей вовсе не нравится, и она флиртует с ним только для того, чтобы меня

позлить. И я злилась, уж будь уверена! Но... потом я поняла, что, наверное, Клифтон ей и правда нравится. И все-таки... я ее недолюбливала. Честно говоря, прошло много, очень много времени, прежде чем я смогла ее простить.

Марти опять подождала немного.

— Ну и что? — спросила Мелисса.

— В общем, она вышла замуж за Клифтона, эта Черри. Сначала я не могла с этим смириться. Стоило об этом вспомнить, как я начинала злиться. Но однажды я задумалась. Даже если я буду ныть и стонать, Клифтон все равно ко мне не вернется. А я только порчу молодые годы, сокрушаясь о нем. «Разве он того стоит?» — спросила я себя. — Неужели он стоит того, чтобы я испортила себе жизнь?» Тогда я решила, что нет, вытерла глаза, вышла из дому и хорошенько повеселилась.

— Так ты ее простила?

— Не-ет. Тогда нет. На самом деле мне потребовалось много лет, чтобы это сделать. Понимаешь, в юности я не была христианкой, и потому по глупости тащила на себе эту ношу. Только когда я повзрослела и твой дедушка помог мне принять Христа, я наконец-то одумалась и поняла, что мне не за что прощать Черри. Наоборот, это мне нужно просить у нее прощения.

— И что она сказала? — спросила Мелисса.

— Сказала? — удивилась Марти. — А, ты имеешь в виду, когда я попросила у нее прощения? Ну, это самое печальное. Я так этого и не сделала. Я приехала сюда, а Черри осталась в нашем родном городке. Я написала ей письмо. Оно ко мне вернулось. На конверте было написано всего одно слово: «Скончалась». Да, именно так: «Скончалась».

— Как это?

— Черри умерла. Потом я узнала, что она умерла во время родов. И я всегда жалела о том, что так и не смогла сказать ей, что очень сожалею о своем поведении. На самом деле Черри была ни капли не виновата в том, что Клифтон влюбился в нее.

Мелисса опять начала всхлипывать. Марти нагнулась и обняла девочку.

— Ах, бабушка! — рыдала она. — Он так мне нравится!

— Я знаю, — отвечала Марти, поглаживая ее волосы, — я знаю.

— Мне кажется, Белинде он даже *не нравится*, — продолжала Мелисса, задыхаясь от отчаяния.

— Он ей нравится, — промолвила Марти, — но не так, как тебе. И ее очень печалит то, что он продолжает говорить обидные для тебя вещи.

— Она так сказала? — спросила Мелисса, глядя на Марти опухшими глазами.

— Да, именно так.

— Наверное, мне следует с ней поговорить, — прошептала Мелисса и вновь залилась слезами.

— По-моему, это прекрасная идея, — сказала Марти.

— Как ты думаешь... она меня простит? — всхлинула Мелисса.

— Ох, ну конечно же! — уверила ее Марти. — Но вот что: может, прежде чем ты поговоришь с Белиндой, мы с тобой посоветуемся с Богом? Видишь ли, тут замешан еще один человек, о котором мы даже не упомянули.

Мелисса удивленными глазами смотрела на бабушку.

— Джексон! — сказала Марти. — Его это тоже касается. Он — прекрасный молодой человек, но мы не можем сознательно выбирать, кого любить. Сердцу не прикажешь. Похоже, сейчас Джексон думает, что его сердце выбрало Белинду. Что ж, время покажет. Вы еще очень молоды, и иногда... иногда сердце передумывает. Но сейчас... мы же не хотим обидеть Джексона, правда?

Мелисса опустила глаза и начала вертеть в руках носовой платок. Она покачала головой. Нет, она не хотела сделать ему больно.

— Значит, нам нужно помолиться... за вас троих. За Белинду, за тебя... и за Джексона. Пусть Бог поможет каждому из вас в том, что вы выбрали. Понимаешь, Он все видит! Он знает, как сделать так, чтобы все обернулось наилучшим образом. И если мы предоставим решать Ему, Он поможет.

Мелисса кивнула, всхлипнула, высморкалась в измятый платочек, и они вместе встали на колени у кровати.

Последующие дни проходили куда веселее для всех домашних, и Марти каждый час благодарила за это Бога. Конечно, иногда Джексон нечаянно ранил Мелиссу, потому что продолжал интересоваться Белиндой, а та ежилась и незаметно старалась перевести его внимание на подругу. Но хотя иногда Мелисса плакала в одиночестве в своей комнате, отчуждение между девочками исчезло. Они даже обсуждали создавшееся положение, а время от времени обращались за советом к Марти. И стоило им помолиться вместе, как дело шло на лад.

Глава двадцатая

ПОМОЩЬ ЛЮКУ

Белинда вернулась из школы в большой спешке. Ее щеки покраснели, она тяжело дышала, и Марти поняла, что она долго бежала. Как только она взглянула на ее хрупкую фигурку, летящую по дороге, то сразу поняла: что-то случилось. Но когда девочка, задыхаясь, произнесла первые слова, Марти сразу успокоилась.

— Люк заехал в школу, — выдохнула Белинда. — Он хочет поменять повязку маленькой дочке Уиллисов. Он велел мне ехать с ним. Возможно, ему понадобится моя помощь.

— Ты говоришь о той девочке, которая сильно обожглась?

Белинда кивнула. Она все еще не отдышалась.

— Поедешь в санях? — спросила Марти.

— Нет, оседлаю Коппера. Так быстрее.

И Белинда бегом помчалась вверх по лестнице. Марти знала, что как только она переоденется, чтобы сесть на лошадь, то сразу же спустится вниз. Схватив теплый свитер с крючка у двери, Марти направилась в конюшню. Она решила оседлать лошадь, чтобы помочь дочери. Коппер стоял в загоне у конюшни. Он вышел вперед, когда Марти потрясла ведерком с овсом. Другие лошади тоже овсом заинтересовались. Марти легко поймала Коппера, а вот избавиться от других рысаков было сложнее. Она повела Коппера в конюшню. Белинда появилась, когда она почти закончила его седлать. Девочка все еще прерывисто дышала. Марти не понимала, отчего она запыхалась: то ли от бега, то ли от волнения? Они вывели Коппера из конюшни, и Белинда взобралась на него.

— Смотри, не гони слишком быстро! — предупредила ее Марти. — Люк подождет.

Белинда кивнула, попрощалась и поскакала по дороге. Тут Марти вспомнила, что дочка даже не перекусила, а ведь дети всегда голодны, когда возвращаются из школы. Ну что ж, видимо, для Белинды медицина — хлеб насущный.

Белинда погоняла Коппера. Она помнила предостережение матери, но не хотела заставлять Люка ждать. Ее не было в тот раз, когда он оказывал ребенку первую помощь, но он подробно объяснил ей, как сильно обожглась эта девочка. Девочке было очень больно, но и это еще не все. Люк сильно беспокоился, что ожог воспалится, и это повредит руке. Поэтому Люк решил внимательно наблюдать за состоянием ребенка. Это значит, надо часто менять повязки, — а это сложный,

болезненный процесс. Из открытых ран сочилась кровь. Бинты прилипали к ранам иногда буквально намертво, и потому их приходилось долго, осторожно отмачивать. В это время требуется огромное терпение; только так можно уберечь пациента от сильной боли и нанести ранам наименьший вред.

Белинда не совсем понимала, что ее ждет. Раньше они с Люком никогда не лечили ожоги. От их вида у нее крутило в животе. Как-то в детстве она обожглась. Это был не такой уж страшный ожог, они даже доктора не вызвали, и мама сама ее лечила. И это было ужасно больно, несколько дней Белинда не могла пользоваться двумя пальцами. Она даже сомневалась, что они когда-нибудь заживут. Но, конечно, они зажили. Честно говоря, сейчас Белинде было нелегко вспомнить, какие именно пальцы она обожгла. Однако ожог у этой девочки, по словам Люка, — совсем другое дело: она пролила жир на всю руку. Немного попало и на грудь, но этот ожог был не очень опасным.

Белинде было страшно думать о том, что ждет ее впереди, но все же она подгоняла Коппера, насколько хватало духу, и быстро приближалась к соседней ферме. Она нужна Люку. Она нужна малышке. Они должны сделать все, что можно, чтобы спасти ее руку. Лошади Люка уже стояли во дворе, привязанные к перилам. Белинда пустила Коппера галопом по дороге. Она быстро слезла с него и крепко привязала вожжи к перилам. Если этого не сделать, лошадь отвязывалась и уходила домой без седока. Белинда поспешила к дому.

Ее встретила хозяйка. Девушка была едва знакома с этой семьей. У них еще не было детей школьного возраста. Лишь

иногда Белинда видела их в церкви или на улицах города. Она быстро кивнула женщине и осмотрела комнату в поисках пациентки. Люк сидел на диване, а на его колене примостилась маленькая девочка — не старше трех лет. На руке у нее была большая повязка. Он позволил ей поиграть с его стетоскопом. Она вставила его в уши, как это делают врачи, и проказливо улыбнулась Люку. *«Она не так уж плохо выглядит, — подумала Белинда. — Ого, да она даже улыбается!»* Белинда боялась услышать крики боли.

— Ну что ж, а вот и медсестра, — объявил Люк матери и малышке. — Пожалуй, нам пора заняться работой.

Женщина взяла у Белинды пальто, и Люк велел ей идти на кухню и тщательно помыть руки в раковине. Она знала, что после этого он потребует сполоснуть руки дезинфицирующим средством с резким запахом. Белинде этот запах не мешал, но одноклассники часто ее дразнили, потому что он не улетучивался несколько дней. Однако Люк всегда настаивал на том, чтобы она тщательно мыла руки, и она даже не думала спорить.

— Ну что ж, Мэнди, — сказал Люк девочке, — давай посмотрим твою ручку.

Малышка отпрянула от него. Она не хотела, чтобы он к ней прикасался. Она инстинктивно понимала, что ей будет больно. Рука девочки болела. Сейчас боль неприятна, но ее все-таки можно терпеть. Раньше было больнее. Она вспомнила, что испытала, и поэтому отшатнулась от доктора. Люк осторожно поднял Мэнди и поставил на хорошо освещенный стол. Ребенок заплакал. Люк попытался ее успокоить,

но слезы и крики только усилились. Он повернулся к матери.

— Может, вы сходите прогуляться, мэм? — мягко предложил он.

Глаза женщины уже были полны слез. Она надела теплое пальто, подняла с пола малыша и заботливо завернула его в одеяло.

— Если понадобится, я в амбаре, — пробормотала она.

Дверь тихо закрылась. Женщина и ребенок ушли.

— Вот что, — сказал Люк, не обращая внимания на крики ребенка, — я надеялся, что ты отвлечешь ее внимание, но этого не получится. Давай-ка поддержи ее, пока я сниму повязки. Сначала нужно все подготовить.

Люк налил в таз горячей воды из чайника, стоявшего на плите, и добавил дезинфицирующего средства с сильным запахом. Потом поболтал воду, чтобы очистить бока таза, прошел к двери и сделал несколько шагов по улице, чтобы выплеснуть воду. Когда он вернулся, то налил туда еще немного горячей воды и средства. Он поставил таз на стол, разложил стерильные салфетки и инструменты. Затем кивнул Белинде, которая держала девочку, стараясь ее успокоить и развлечь. Она опять поставила Мэнди на стол, и та заплакала. Вряд ли им удастся разговаривать во время процедуры. Люк кивнул Белинде, глядя на нее поверх головы ребенка, и она крепко ее обхватила.

Белинда никогда не думала, что в таком маленьком тельце столько силы. Она с трудом удерживала девочку. Первые несколько слоев бинта сошли легко и быстро, но затем стало

сложнее. Люк вымачивал и разрезал бинты, и объем повязки быстро уменьшался. Все время, пока они работали, девочка кричала и сопротивлялась.

Белинде хотелось, чтобы Люк поторопился. Она уже устала. Ее поражало, откуда в малышке столько силы, чтобы вырваться в течение всей процедуры. Но Люк не спешил. Он осторожно, очень осторожно снимал слой за слоем. Когда он добрался до последнего слоя повязки, Белинда покрылась потом. Все тело болело. Накладываемые повязки были чистыми и стерильными, а теперь стали тяжелыми от крови и жидкости, которая выделялась из открытого ожога. Стоял странный запах от смеси телесных выделений и медицинских препаратов, которые раньше использовал Люк. Несколько минут Белинде казалось, что ее стошнит, но она твердо боролась с этим позывом. Для проявления слабости момент неподходящий. Она крепко держала девочку.

— Выглядит плоховато, — услышала она, несмотря на детские крики, голос брата.

Белинда посмотрела на обожженную ручку. У нее свело в желудке, она закрыла глаза и стала считать, стараясь не глядеть на рану, которая выглядела ужасно.

— Нужно ее почистить, — Люк почти кричал, чтобы она его услышала. — Я не хотел давать хлороформ такой маленькой девочке, но, видимо, это понадобится.

Белинда смотрела на то, как Люк капнул хлороформом на чистую салфетку. Затем он быстрым, но спокойным жестом прикрыл нос и рот ребенка. И Белинда почти сразу почувствовала, как маленькое тельце обмякло в ее объятиях. Люк

осторожно положил девочку на чистую простыню, покрывающую кухонный стол.

— Нужно поторапливаться, — сказал он. — Я не хочу давать ей много хлороформа. Ты должна внимательно за ней следить. Как только я сделаю знак, проверяй пульс и наблюдай за тем, как она дышит. Я постараюсь закончить как можно быстрее.

Сказав это, Люк взял ножницы и стал отрезать обожженную мертвую плоть. Белинда радовалась, что ей было чем заняться, вместо того чтобы просто смотреть на Люка. Она проверила слабый пульс девочки, обрадовавшись тому, что он ровный. Дыхание тоже не менялось. Белинда подняла веки и проверила реакцию на свет. Кажется, с малышкой все в порядке.

— По-моему, действие хлороформа заканчивается, — сообщила она Люку, заметив, что веки девочки затрепетали. — Может, дать еще немного?

— Я почти закончил. Постараюсь успеть. Я бы не хотел давать ей больше хлороформа, если этого можно избежать.

Люк снимал последние ошметки зараженной плоти, когда девочка заворочалась. Несколько секунд она недоуменно осматривалась по сторонам, а затем опять закричала. Люк посадил ее, а Белинда крепко обняла, стараясь успокоить. Сильный запах лекарства на повязке, казалось, пропитал все вокруг. Белинда чувствовала, что ее ноги превращаются в резину. Она держала крохотную ручку, пока Люк осторожно накладывал на ожог стерильные бинты и вновь забинтовывал. А девочка все кричала. Белинда не понимала, почему она кричит: из-за боли, страха или гнева? А может, из-за всего вместе?

Наконец работа была закончена, и Люк взял малышку на руки. Он мягко разговаривал с ней тихим голосом, расхаживая по комнате, осторожно покачивая ее на руках и шепча нежные слова утешения.

Мало-помалу девочка успокоилась. Люк продолжал ворковать с ней. Он снова и снова повторял, что она уже совсем большая, смелая девочка, и вскоре она выздоровеет. Он повернулся к Белинде, которая без сил повалилась в кресло.

— Пожалуй, можно сказать матери, чтобы она вошла, — предложил он.

Белинда потянулась за пальто. «*Свежий воздух!*» — с облегчением подумала она, потом вышла из дома и направилась к амбару.

Женщина ничком лежала на сене. Рядом с ней, плотно укутанный, чтобы защитить его от холода, лежал младенец.

— Мэм, — позвала Белинда, склоняясь над несчастной матерью, — мэм!

Женщина пошевелилась и повернула к Белинде заплаканное лицо.

— Все готово. Можете идти в дом.

— Слава Богу! — пробормотала женщина.

Белинда внимательно посмотрела на нее. Что она имела в виду? Это не похоже на благодарственные молитвы, какие произносили мама и папа. Нет, это прозвучало совсем по-другому. Белинда растерялась, не зная, что сказать.

— Да, мэм, — решила она. — Мы благодарим за это Бога. Только Он способен сделать так, чтобы лекарство помогло и рука зажила.

Женщина очень странно посмотрела на Белинду, затем поднялась с сена, взяла спящего младенца и поспешила в дом. Когда они пришли на кухню, Люк уже успокоил девочку. Он вытер заплаканное личико теплой тканью и откинул со лба взъерошенные волосы. Если бы не ее опухшие глаза, никто бы не догадался, что она перенесла такое тяжелое испытание.

Девочка потянулась к матери, и та быстро положила младенца, чтобы взять дочь на руки.

— Я приеду снова через пару дней, — предупредил Люк.

— Сколько... сколько раз нам придется еще пройти через это? — спросила молодая мать.

В ее глазах застыл мучительный страх.

— Сложно сказать, — честно ответил Люк. — Сейчас ожог выглядит не очень хорошо. Нам придется бороться, чтобы предотвратить заражение. Нужно внимательно следить за состоянием девочки. Но я надеюсь... надеюсь, что скоро начнется процесс заживления. Как только это произойдет, малышка быстро выздоровеет. Так часто бывает с детьми, — уверил он мать, погладив девочку по голове.

Люк улыбнулся матери.

— Мы сделаем все, что от нас зависит, — пообещал он.

Она кивнула. Она была слишком измождена, чтобы хотя бы поблагодарить его, и Люк это понял. Он собрал свои вещи, бросил грязные бинты в плиту на кухне, чтобы женщина не увидела то, что напомнит ей о страданиях дочери, и потянулся за пальто. Когда они вышли на улицу, Люк положил Белинде руку на плечо.

— Спасибо, — сказал он. — Без тебя я бы не справился.

Она слабо улыбнулась.

— Ты не возражаешь прийти сюда еще несколько раз, чтобы помочь мне?

— Нет, не возражаю. Я помогу.

— Не очень приятно, да?

— Не очень, — признала Белинда.

— Работать с детьми всегда намного сложнее, — сказал Люк, качая головой. — И я надеюсь и молюсь о том, чтобы мне никогда не пришлось лечить своих собственных. Я не знаю, как с этим справлюсь. Это касается и других детей из нашей семьи. Это было бы ужасно. Бедные малыши просто не понимают, за что им эта боль и для чего нужно лечение.

Люк покачал головой. Белинда поняла, что он тяжело переживает.

— Ты нормально себя чувствуешь? — искренне спросил он, заглядывая ей в лицо.

— Нормально, — ответила Белинда.

— Там ты казалась немного бледной.

Белинда улыбнулась:

— Да и настроение у меня было так себе.

Люк быстро ее обнял и повернулся, чтобы отвязать лошадей.

— Мне нужно ехать к Уильямсам. Они думают, что ребенок заболел корью. Давай встретимся у них в четверг сразу после того, как у тебя закончатся занятия в школе, хорошо?

— Хорошо, — сказала Белинда, — я приду.

— Может, в следующий раз будет не так тяжело, — заметил Люк, — но... ничего не обещаю.

Белинда кивнула и взобралась на Коппера. Ей не терпелось добраться домой.

Глава двадцать первая

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?

Белинда не стала понукать Коппера, надеясь, что он сам выберет, с какой скоростью бежать домой. Хорошо, что лошадь сама знает дорогу. Белинда не обращала на нее особого внимания, потому что по-прежнему раздумывала о том, чему только что стала свидетельницей. Белинда считала, что операция по ампутации руки Симпсона была ужасной, самой страшной вещью, которую она видела в жизни. Но ожог у маленькой девочки, несомненно, занимал почетное второе место. Он выглядел отвратительно. Думая о том, какую сильную боль испытывает малышка, Белинда сама корчилась от боли.

«Похоже, медсестры из меня не выйдут», — испугалась она. Она слишком болезненно воспринимает чужие страдания. Наверное, ей стоит последовать примеру

Мелиссы и выучиться на школьную учительницу. Художницей, как Эмми Джо, она, конечно, не станет, — у нее совершенно нет таланта. Но потом Белинда вспомнила о Люке, о том, как он предан своему делу служения людям. Она представляла, как он носил малышку по кухне, нашептывая нежные слова, чтобы ее успокоить. «Люк нуждается во мне», — подумала она. Он говорил, что медсестер не хватает, а врачи не в состоянии справляться с работой в одиночку. Им не обойтись без помощников. В глубине души Белинда понимала, что это ее мечта, призвание. Конечно, ей больно видеть, как страдают люди. Конечно, многие вещи кажутся ей отвратительными и печальными. Но кто-то должен работать для того, чтобы бороться с болью и страданиями, как это делает Люк. Он не бросит свое дело, и, с Божьей помощью, она тоже не бросит.

Коппер иноходью бежал домой, и Белинда задумалась о Джексоне. Он ей нравился, но ей не удавалось объяснить ему, что *любит* она медицину. Сейчас она не собиралась думать о мальчиках. Она слишком молода, хотя иногда, как и всякой молодой девушке, ей нравилось пококетничать. Но, откровенно говоря, Белинда не находила ничего хорошего в этих заигрываниях. Если парень на них ответит, то все станет еще сложнее. Белинда понимала: если она собирается стать медсестрой, то ей придется посвятить несколько лет получению образования. И что в таком случае она будет делать со своим женихом?

Кроме того, Джексон очень нравился Мелиссе. Она тоже молода, то есть слишком молода, чтобы серьезно задумываться

о мальчиках. Но, тем не менее, она о них думала, и положение не становилось легче, оттого что она решила, будто ей нужен именно Джексон и никто другой. Все было бы не так плохо, если бы он придерживался того же мнения. Но, очевидно, его куда больше интересовала Белинда, а ей от этого было не по себе. К счастью, Эмми Джо была увлечена рисованием, и потому Белинда не беспокоилась хоть об этой племяннице. Она радовалась тому, что следующей осенью Джексон больше не будет учиться в их школе. Жить станет легче.

И вдруг воздух пронзил воющий звук. Не успела Белинда понять, что случилось, как Коппер, испугавшись, запрокинул голову и резко прыгнул в сторону. Белинда схватилась за седло и вожжи, но не смогла справиться с лошадью или удержать равновесие. В ужасе она осознала, что взлетела вверх. Казалось, время замерло. И... она с тошнотворным глухим стуком упала на землю, ощутив, что воздух в одно мгновение вылетел из тела. Белинда в беспмятстве лежала на земле. Коппер опять испуганно вскинул голову и галопом умчался домой.

Охотник за кустом у дороги, должно быть, услышал шум. Только что он застрелил кролика. Вокруг ничего не было видно или слышно, иначе он нипочем не стал бы стрелять. Но когда он услышал шум на дороге, то испугался, что его выстрел причинил кому-то вред. Он быстро побежал на звук, чтобы проверить. Сначала он увидел убегающую лошадь, которая, повернув голову, старалась не наступать на волочащиеся за ней вожжи. Затем охотник посмотрел в другую сторону и заметил

на дороге безжизненное тело. Он испуганно вскрикнул и поспешил к нему.

Это была девочка. Она лежала комом, словно выброшенный мешок. Охотник опустился рядом с ней на колени, беспокойно вглядываясь, нет ли сломанных костей или других повреждений. Что делать? Куда бежать за помощью? Как жаль, что убежала лошадь. Он посмотрел на дорогу, надеясь, что животное остановилось, но оно уже исчезало за вершиной холма.

Девочка тихо застонала. Он повернулся к ней, отчаянно надеясь, что она не сильно поранилась, и даже осмелился прикоснуться к ее лицу и пригладить волосы. «*Что мне делать?*» — сокрушался он. Она опять застонала и пошевелилась. Охотник внимательно посмотрел в ее лицо: «*Кто она такая? Где живет?*» Следует позвать на помощь. Найти ее родителей. Но он не может оставить ее одну. Молодой человек осторожно приподнял ее голову. «*А вдруг она сломала шею?*» — в ужасе подумал он. Мысли проносились, путаясь и сбивая друг друга. Девочка опять зашевелилась. Он заметил, как затрепетали ее ресницы. Она приходит в себя? С ней все в порядке? «*О, прошу Тебя, Господи, пожалуйста!*» — молился он Тому, Кого никогда не знал и не понимал.

Белинда с трудом возвращалась из нереального мира, в который так стремительно вошла: «*Что случилось? Где я?*» Она старалась наполнить сдавленные легкие воздухом. Ей было больно. В груди саднило. Постепенно ритм дыхания восстанавливался. Боль утихала, и мысли начали проясняться.

Она заставила себя открыть глаза. Кто-то склонился над ней, ласково поглаживая лицо, словно уговаривая жизнь вернуться в тело. Она напряглась, чтобы заставить мир, который кружился у нее перед глазами, остановиться. И тут она увидела карие глаза и темные волосы. Она сразу поняла, кто это. Тот самый мальчик с одной рукой. Белинда изо всех сил пыталась отдышаться и сесть. «*Да что случилось?*» — хотела спросить она.

— Тихо, — мягко произнес он, — тихо. Постарайся не двигаться.

— Что? Что? — вновь начала Белинда, но голос ей отказывал.

Она опустила голову на руку, которой он ее поддерживал, и закрыла глаза в надежде, что мир перестанет вращаться. Что случилось? Где она находится? Почему она здесь? Медленно, очень медленно она восстанавливала последовательность событий. Она помогала Люку. Они все сделали... закончили бинтовать руку маленькой девочки. Она поехала домой. На лошади...

— Коппер, — позвала Белинда, стараясь приподнять голову. — Где Коппер?

— Тс-с, — шикнул мальчик, — тихо. Все будет хорошо. Просто подожди несколько минут.

— Коппер! — повторила Белинда.

— Коппер? — переспросил мальчик, удивляясь бормотанию Белинды.

Но потом до него, видимо, дошло:

— Ты говоришь о лошади?

Белинда посмотрела на него. Ее голова по-прежнему кружилась: *«Конечно, о лошади. Моей лошади. Коппер должен быть здесь... где-то здесь»*.

— Боюсь, Коппер ускакал домой, — произнес мальчик.

— Ах, нет! — простонала девочка, склоняя голову набок.

В голове у Белинды прояснилось, и она начала понимать, что это значит. Кажется, у мальчика отлегло от сердца.

— Нет! — жалобно повторила Белинда. — Мама будет в ужасе.

— Что? — спросил парень.

— Мама... Она страшно испугается, если лошадь придет без меня. Я должна добраться домой... как можно быстрее.

Белинда напрягла все силы, чтобы подняться на ноги, но мальчик ее удержал. Она была удивлена тем, какая сила заключена в одной его руке.

— Не надо, — сказал он. — Пока не надо. А вдруг ты поранилась... Сломана кость или еще что-нибудь. Двигаться опасно.

— Все хорошо, — запротестовала Белинда. — Правда!

— А мне так не кажется, — настаивал парень. Он уставился на ее лицо. Его щеки покраснели от волнения. — Вдруг ты поранилась? Мы же не знаем.

Белинда удивилась, что мальчик так переживает, но не стала об этом раздумывать. Она беспокоилась о матери. Белинда понимала, что, если Коппер прискачет домой без нее, Марти вообразит самое худшее. Она должна добраться домой, и быстро, но сначала полежит минуту, чтобы убедиться в том, что с ней все в порядке. Мальчик прав. Она закрыла

глаза и расслабилась. Деревья перестали кружиться у нее перед глазами, дышать стало легче, и боль в груди исчезла. Наверное, кое-где на теле остались синяки, но боль не назывешь невыносимой. Ничего удивительного, что она испытывает неприятные ощущения. Наверно, они не пройдут еще несколько дней. Но Белинда была уверена, что ничего не сломала. Мысленно она проверила все члены своего тела. Нет, все в порядке, она уверена. Белинда вновь взглянула на мальчика. Он беспокойно разглядывал ее. Его лицо побледнело. Она решила не сопротивляться руке, которой он ее держал, и четко и последовательно проговорила:

— По-моему, я уже могу встать. Уверена, что ничего не сломала. Хотя, если честно, от испуга чуть не испустила дух.

— Точно? — он все еще не отпускал ее.

— Точно, — убеждала Белинда. — Будь так добр, помоги мне подняться...

— Только осторожно, — предупредил он. — Скажи, если вдруг тебе станет больно.

Он поднялся и осторожно потянул ее за собой. Перед глазами все вновь закружилось, но девочка вцепилась в его руку и прикрыла глаза, пока все не встало на свои места.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросил мальчик.

— Прекрасно. Еще минуту, и будет просто замечательно. Нет... боли не чувствую... возможно, есть несколько синяков.

Белинда попыталась улыбнуться. Это было едва заметно, но мальчик ответил ей улыбкой. Его глаза засияли.

— Ты здорово скакала, — смущенно сказал он.

Белинда тихонько хихикнула.

— Здорово скакала? — переспросила девочка. — Ну, знаешь, я не думала, что так получится...

— Видимо, — сказал парень, — это моя вина. Прости.

Его глаза потемнели от огорчения.

— Твоя вина? — удивилась Белинда. — Как это?

— Я не заметил тебя на дороге. Я выстрелил в кролика, и лошадь испугалась. Я не знал, что ты рядом, пока не услышал шум. Я... я... но уже было слишком поздно. Твоя лошадь понеслась вперед, а ты лежала...

Белинда не дала ему договорить.

— Ты убил кролика? — мягко спросила она.

Он посмотрел на нее, словно недоумевая, не дразнит ли она его. Белинда улыбнулась, и они рассмеялись вдвоем.

— Не знаю, — честно ответил он. — По-моему, да.

— Тогда сходи, посмотри, — предложила она. — Не хотелось бы его потерять.

— Ты серьезно?

— Он был где-то поблизости, верно?

— Да, здесь, за кустами.

— Так проверь. А я пока отряхну грязь. А потом мне лучше всего бежать домой.

Вскоре мальчик вернулся с кроликом. Улыбаясь, он показал его Белинде, и та убедилась, что выстрел был верным. *«Должно быть, он умеет обращаться с ружьем»*, — подумала она.

— У кроликов вкусное мясо, — сообщил ей парень. — Уж мне ли этого не знать! Мы их всю зиму ели.

Белинда кивнула. Она деловито пыталась отряхнуть с одежды мокрый снег и дорожную грязь. Мальчик протянул руку и осторожно провел по ее волосам.

— В снегу запачкались, — мягко объяснил он.

Белинда попыталась сделать шаг. Ноги не подкосились, но парень быстро подошел к ней и протянул руку.

— Наверное, сначала нужно от этого избавиться, — сказал он, показывая на ружье и лежащего у ног кролика.

Белинда подождала, пока он отнесет их к соседнему дереву и спрячет оружие и трофей в ветвях.

— Заберу по дороге домой, — сообщил он. — Ну что ж, поспешим к тебе, пока твоя мать не всполошилась.

Сначала они шли медленно. Он осторожно поддерживал ее. Больно Белинде не было, но она подумала, что ей не помещает себя осмотреть. Завтра она наверняка будет чувствовать себя разбитой. К счастью, идти не очень далеко.

— Все хорошо? — то и дело спрашивал он, и каждый раз она упорно твердила, что все прекрасно.

Пройдя некоторое расстояние, они услышали быстрый лошадиный топот. На соседнем холме появился Кларк, галопом направлявший Коппера. Как только он добрался до них, то остановил лошадь и ловко спешился.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросил он дочь.

— Да, — успокоила она отца, — всего несколько синяков.

— Что случилось?

— Старина Коппер испугался и сбросил меня на землю.

— Это моя вина, — объяснил мальчик. — Я стрелял в кролика.

— И он в него попал! — с восхищением вставила Белинда.

Парень покраснел и смущенно отвел глаза в сторону. Кларк смотрел то на одного, то на другую. Мальчик поддерживал ее, словно защищая.

— Ну что ж, я рад, что с тобой все в порядке, — спокойно произнес Кларк. — Надо мать успокоить. Мы не знали, что думать, когда лошадь прибежала без тебя. Я пытался объяснить ей, что ты, должно быть, забыла ее привязать, и она опять отправилась восвояси, а тебя бросила. Но мы решили тебя поискать.

— Я хорошо его привязала, как ты велел, — сообщила ему Белинда.

— Ну что ж, взбирайся на лошадь, — предложил Кларк.

— Нет, поезжай ты, папа, — заупрямилась Белинда, думая о больной ноге отца.

Но он словно не расслышал. Белинда взобралась в седло, и они поспешили домой. Никто не спросил и не сказал о том, что мальчик должен поехать с ними. Он мог бы вернуться туда, где лежало ружье и кролик, а потом пойти по своим делам. Но он почему-то не ушел, и Кларк с Белиндой приняли его присутствие как должное.

Как только они вошли в дом, Марти поспешила им навстречу.

— Что случилось? — спросила она, встревоженно округлив глаза.

— С ней все в порядке, — быстро успокоил ее Кларк. — Просто упала с лошади. Ты же знаешь нашего Коппера. Он такой пугливый.

Кларк снял Белинду с лошади и повел Коппера в конюшню. Мальчик снова взял ее за руку, Марти суетливо поддерживала дочь с другой стороны, и они вошли в дом. Когда они уселись за кухонный стол и Белинде налили кружку горячего чаю, Марти повернулась к мальчику.

— Так вы наконец познакомились? — заметила она. — Похоже, вас свел вместе счастливый случай.

У мальчика был слегка недоуменный вид.

— Похоже, Белинде есть что рассказать тебе о своем опыте работы медсестрой, — тихо хихикнув, проговорила Марти. — Она была у вас тем вечером, когда с тобой случилось несчастье, и помогала Люку. Но, полагаю, ты уже об этом знаешь. А сегодня она помогала девочке, которая сильно обожглась.

Мальчик повернулся к Белинде, широко раскрыв глаза и вопрошающе глядя на нее. Так значит... *она* — та самая медсестра, которая была у них, когда ему отрезали руку?

Глава двадцать вторая

НАПРЯЖЕНИЕ

Белинда сразу узнала парня и потому предположила, что он тоже понял, кто она такая. Но, разумеется, он этого и не подозревал. Все время после несчастного случая, пока она была с ним, он не приходил в сознание. Белинда заметила, что его глаза погрузтели. Он недоуменно смотрел на нее. Он приоткрыл рот, словно собираясь заговорить, но затем поджал губы и отвернулся. Парень не выбежал из дома, как она боялась. Он схватился за край стола, и костяшки его пальцев побелели. Его лицо побледнело еще сильнее, чем когда он склонился над ней на дороге. Белинда хотела что-то сказать, хотя бы что-нибудь, но не могла ничего придумать.

В кухню вошел Кларк, и его появление помогло снизить напряжение. Он, понятное дело, не подозревал о том, что произошло,

и потому просто повесил пальто на крючок и подошел к столу.

— Похоже, весна не за горами, — добродушно заметил он, как полагается хорошему соседу. — Дни становятся длиннее, и воздух потеплел. Вот будет здорово, когда и погода наладится! Я уже по горло сыт зимой.

Сидящие за столом промолчали. Марти поставила перед подростками сэндвичи и молоко. Белинда осторожно посмотрела на мальчика. Станет ли он есть? Она боялась, что он откажется. Но нет, он вежливо пробормотал слова благодарности и взял сэндвич.

— Как идут дела с рубкой дров? — спросил Кларк мальчика. Тот поднял глаза от тарелки и посмотрел на Кларка.

— Прекрасно, — ответил он, но ничего к этому не добавил.

— Я очень рада, что твоя мама приходила к нам шить, — вставила Марти. — С ней приятно иметь дело.

Мальчик кивнул. Кларк подвинул стул и тоже сел за стол. Белинда молчала. У нее было тяжело на сердце. Она не могла объяснить, что случилось, но ей было не по себе. Задеты ее чувства, и это куда болезненнее, чем ушибы и синяки, которые она набила во время падения. Что-то пошло не так. Она надеялась, что этот парень свикнется с мыслью, что у него больше нет одной руки, научится обходиться без нее, поймет тех людей, которым пришлось ее отрезать, чтобы спасти ему жизнь. Но, судя по мрачной туче в его глазах и нахмуренным бровям, это вовсе не так.

«Неужели он до сих пор гневается на Люка из-за того, что тот сделал ему операцию?» — думала Белинда. — Видимо,

так». Ее мать что-то сказала, и все посмотрели на нее. Белинда поняла, что вопрос был адресован ей.

— Прости, что? — ответила она, тихонько встряхнув головой.

— Ты не поранилась? — повторила Марти и подошла к девочке, чтобы потрогать ее лоб.

— Нет-нет, все хорошо, правда, — поспешно ответила Белинда.

На секунду в глазах мальчика появилось беспокойство, но оно тут же исчезло, сменившись ожесточением.

— Все хорошо, — повторила Белинда, — просто задумалась. Вот и все.

— Я спросила, как чувствует себя малышка.

— Мэнди?

— Так ее зовут?

— Да. Мэнди...

Вдруг Белинда поняла, что забыла ее фамилию. Она запаниковала. Может, она и впрямь что-то повредила? Или головой ударилась? Но тут она вспомнила.

— Уиллис, — уверенно произнесла она, испытывая большое облегчение. — Мэнди Уиллис.

Марти вопросительно взглянула на нее. Белинда заторопилась:

— Она... она...

Девушка хотела сказать, что малышка чувствует себя хорошо, но вместо этого призналась:

— Она сильно обожглась. Люк боится, что начнется заражение. Мы опять к ним поедem во вторник.

Марти обеспокоенно нахмурилась.

— Ожоги — страшная вещь, — заметила она. — Особенно если речь идет о ребенке.

Белинда кивнула.

— Ты ничего не ешь, — упрекнула ее Марти. — Ужинать не стала, а теперь...

— Просто я не голодна, — сказала девочка и отодвинула тарелку.

— Тебе нужно... — начала Марти, но ее перебил Кларк.

— Может, ей лучше не набивать сейчас желудок?

Марти убрала тарелку.

— Так что вы делали? — спросила она.

Белинда непонимающе взглянула на мать.

— Ты помогла брату?

— О! Я... я держала Мэнди, пока Люк снимал старую повязку и... потом я... следила за тем, как она спит, чтобы убедиться в том, что с ней все в порядке... и все такое.

Пока они говорили, мальчик, не отводя глаз, смотрел на ее лицо. Она не понимала, что значит выражение его глаз, и ей не очень хотелось это узнать. Может, он ненавидит ее за то, что она имела косвенное отношение к его трагедии? Белинде хотелось убежать в свою комнату. Тогда он уйдет домой.

— Пожалуй, хватит говорить о медицине, — заметил Кларк, и Белинда с облегчением вздохнула.

Кларк медленно, задумчиво опустил руку, чтобы потрогать больную ногу. Он словно не замечал, что делает, в отличие от гостя. *«Неужели его нога до сих пор болит?»* — подумал мальчик. — *«Может, нога горит огнем, как будто она еще на месте, хоть и сильно изранена?»* Правда ли, что боль никогда

не прекратится? Это называется „фантомные боли“. Ну, фантомные или нет, они очень сильные». Мальчик поморщился, вспомнив о них.

— По-моему, я забыл спросить, как тебя зовут, — заметил Кларк. — Мы так и не представились друг другу. Меня зовут Кларк Дэвис, это моя жена Марти и младшая дочь Белинда. Но с ней ты уже знаком.

«Нет. Не знаком. Не совсем», — подумал мальчик в ответ на слова Кларка. Он пробормотал, что очень рад знакомству. Когда ему представили Белинду, его глаза сверкнули, встретившись с ее глазами, но отчуждение между ними не исчезло.

— А тебя как зовут? — поинтересовался Кларк.

— Дрю. Дрю Симпсон. На самом деле меня называли Эндрю, но все зовут меня Дрю.

Белинда повторила про себя его имя: «Дрю». Имя ему подходит.

— Ну что ж, Дрю, мы рады, что наконец познакомились. Спасибо, что позаботился о Белинде.

— Это моя вина...

— Ты здесь ни при чем, — перебил его Кларк. — Глупая лошадь ужасно пуглива. Даже не знаю, как приучить Коппера к выстрелам. Он всегда таким был. Ну ладно, просто будем внимательнее за ним следить, вот и все.

Дрю допил молоко и доел сандвич. Марти предложила ему песочного пирога, но он вежливо отказался.

— Мне пора возвращаться домой, а не то родители начнут беспокоиться, — объяснил он и потянулся за шапкой. — Я и не заметил, что уже темнеет.

Кларк и Марти поблагодарили его и пригласили снова заходить в гости. Дрю не сказал, когда собирается воспользоваться приглашением. На секунду его грустные глаза встретились с глазами Белинды, но он тут же отвернулся. Она хотела поговорить с ним, поблагодарить за доброту, но слова застряли у нее в горле. Дрю ушел, плотно прикрыв за собой дверь. Марти принялась мыть тарелки. Она сказала:

— По-моему, он прекрасный молодой человек. Надеюсь, он не слишком сильно горюет из-за руки.

Белинда извинилась и вышла. Ей хотелось побыть одной у себя в комнате.

Весну быстро сменило лето, и, когда занятия в школе закончились, Белинда почти все свободное время проводила, сопровождая Люка в поездках по больным. Они очень переживали из-за обожженной руки Мэнди. Был момент, когда Люк даже испугался, что она ее потеряет. Но он боролся, — о, с каким упорством он боролся! И в конце концов рука начала заживать. На руке навсегда останутся уродливые шрамы, но ее сохранили.

Белинда больше не виделась с Дрю, хотя часто вспоминала о мальчике. Наверное, он до сих пор переживает из-за руки. Его мать каждый день приходила к ним шить. Пролетали дни, недели, и Марти видела, что отчаяние во взгляде этой женщины сменялось смирением, надеждой, обновленной верой в жизнь. Да, семья переживала нелегкие времена, но вскоре они обретут независимое положение. Точнее, они всегда были независимы, но, похоже, скоро займут в обществе то место,

которое, как они считали, принадлежит им по праву. Теперь женщина носила новое платье. Видимо, она сама его сшила. Изменилась даже ее походка: в ней стало больше уверенности, ведь больше ей не приходилось носить заплатанное рубище. Иногда они с Марти даже болтали по-соседски, когда делали небольшие перерывы, чтобы выпить чаю. Они обсуждали погоду, огород, события, происходившие поблизости. Марти узнала, что у миссис Симпсон двое сыновей, которые никогда не ходили в школу — ни одного дня за всю жизнь. Однако оба родителя понимали, как важно образование, и учили их всему тому, что знали сами, приносили книги, чтобы те не отставали от ровесников. Марти с удивлением узнала, что мистер Симпсон окончил колледж, а его жена одно время вела занятия по английскому языку для иммигрантов. Марти поняла, почему соседи горделиво отвергали «милостыню».

Хотя Белинда часто виделась с миссис Симпсон, она не спрашивала ее о Дрю. Нельзя сказать, что ее не интересовало, как он поживает. Однако она боялась задавать вопрос, потому что ответ мог оказаться совсем не тем, какой бы ей хотелось услышать. Джексон по-прежнему не оставлял ее в покое. «От него невозможно избавиться!» — жаловалась Белинда матери. Хотя летом занятия не проводились, она каждое воскресенье видела его в церкви, и он вечно слонялся поблизости, чтобы чем-нибудь ей услужить или позвать на веселое собрание. Белинда вела себя вежливо, но твердо, а Джексон словно не понимал намеков.

Мелисса все еще вздыхала, мечтая о том, чтобы Джексон обратил на нее внимание. Другие мальчики с удовольствием ухаживали бы за ней, но она их словно не замечала. «*Какие*

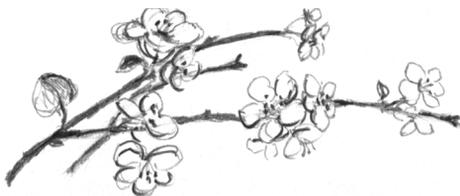
же мы глупые! — размышляла Марти, наблюдая за ними со стороны. — *Вечно хотим того, что невозможно получить».*

С приходом осени Джексон собрал вещи и уехал в городскую школу. Он надеялся, что у них с Белиндой состоится откровенный разговор, и он спросит ее, будет ли она его ждать, но такая возможность ему так и не предоставилась. Белинда вечно была занята. Он никогда не встречал девушки, которая так увлечена своей работой. Поэтому уезжал он с тяжелым сердцем, более тяжелым, чем его чемодан. Они разлучаются на целый год, а это очень долго. Белинда так быстро взрослеет! Он всей душой надеялся, что она будет так же увлечена медициной и не станет заглядываться на молодых людей, которые вертятся вокруг нее.

Начался новый школьный год. Марти было не по себе при мысли о том, что Белинда и Мелисса заканчивают учебу. Но когда она наблюдала за тем, как они вместе идут в школу, то радовалась, видя, что они весело болтают. *«В этом году будет легче, — успокоившись, подумала Марти, — ведь Джексон в двухстах милях от них!* — Она вздохнула и покачала головой: — *Бедняга!*» Ей было жаль его. Ведь он замечательный молодой человек. Но девочки еще так молоды. У них полно времени, чтобы найти себе женихов. Наверное, Мисси молится о том, чтобы Мелисса ни в кого не влюбилась, пока учится на Востоке. Ей так же не хочется оставлять дочь на Востоке, как Марти не хотелось отпускать Мисси на Запад.

Она снова вздохнула и отвернулась от окна. Ей было страшно подумать о том, что год пролетит слишком быстро.

Глава двадцать третья
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Марти всего один раз взглянула на Кларка и сразу поняла, что лошади бегут рысью, резвее, чем обычно. Но она не стала спрашивать его об этом. Они возвращались домой в прекрасный июньский день, и он погонял лошадей, а не сдерживал, как обычно. Марти повернулась, любуясь кустами шиповника, которые росли на обочине. Очень красивые цветы, но ее мысли были заняты другим.

«Странно», — заметила про себя Марти, но вслух ничего не сказала. И все-таки кое-что казалось ей необычным.

Сегодня Марти все время думала о наступившем дне ее рождения. И, хотя Кларк не подавал виду, что тоже об этом помнит, она была уверена, что он не забыл. За все годы их брака Кларк ни разу не запомнил, что у нее день рождения. Возможно,

из-за того, что сегодня у нее праздник, он быстро увез ее из дому, объяснив это тем, что «надо подбодрить Ма Грэхам». Это показалось ей довольно натянутым объяснением. Марти согласилась сопровождать Кларка к Ма Грэхам. Она думала, что Ма окажется одинокой и несчастной, но та была такой же веселой, как прежде. Она угостила их чаем и клубничным пирогом, а потом рассказала о последних достижениях многочисленных внуков.

Кларк оставил Марти поболтать с подругой, а сам направился в город. Марти решила не мешать его плану, в чем бы он ни заключался, но она то и дело взглядывала на часы и сокрушалась, что время тянется так медленно. Кларк вернулся не так быстро, как обычно, и Марти уже не терпелось оказаться дома. Когда он наконец приехал, она попрощалась с Ма Грэхам и с помощью Кларка забралась в повозку.

В ее день рождения они всегда устраивали семейный обед. Дети по очереди становились хозяевами праздника. Марти и не пыталась вспомнить, где он проходил в последний раз и чья очередь пришла теперь. Дети всегда это знали, они общались о готовящемся событии Кларку, и тот привозил Марти в условленное место. Обычно она наслаждалась этой маленькой игрой. Она специально старалась не думать, кто пригласит ее на этот раз, чтобы насладиться «сюрпризом». Кларк погонял лошадей, а Марти вспоминала, как проходили праздничные обеды в последние годы.

В прошлом году обед устраивали Арни и Анна, а в позапрошлом — Нандри и Джош. А до того? Марти пришлось напрячься. Ах, да! Клэр и Кейт. Но и в этом году, должно

быть, праздник состоится у них, а не то они опоздают на обед. Кроме того, они, судя по всему, направлялись в сторону дома. Сегодня будний день, а значит, праздник состоится вечером. Они всегда собирались вместе за обедом, если день рождения выпадал на середину недели, но и в таком случае им приходилось торопиться. Марти встревоженно посмотрела на небо. Уже поздно. Скоро нужно будет доить коров. Марти беспокойно заерзала на сиденье. Она терпеть не могла делать все в спешке. Ей всегда не хватало времени, проведенного с семьей.

«Должно быть, праздник состоится у Клэра и Кейт, — заключила она. Времени для того, чтобы добраться до других детей, не осталось. — Наверное, я ошиблась. Это было не три года назад. Тогда мы собирались у Люка. Впрочем, нет! — перебила себя Марти. — Я точно помню, что Кейт приготовила курицу и клецки».

Видимо, по какой-то причине Люк и Эбби не смогут принять семью в этом году, и потому они уступили очередь Кейт. Размышления Марти сменились беспокойством: *«Может, Эбби плохо себя чувствует? А мне никто не сказал...»*

— Ну что, достала поболтала с Ма? — прервал ее мысли Кларк.

Марти удивленно моргнула и посмотрела на мужа. Он со спокойным лицом крепко сжимал вожжи, направляя лошадей по проселочной дороге. Почему он спрашивает о Ма, хотя она думает о дне рождения? Но тут Марти поняла, что если ее мысли полностью поглощены праздничным обедом, то вовсе необязательно, что и у Кларка тоже. Наверное, он и правда

забыл. *Наверное...* Марти почувствовала легкий укол разочарования. Ну что ж, это *первый и единственный* раз за все годы брака. Разумеется, она простит его за это.

— О, да... да... — запинаясь, промолвила Марти. — Мы прекрасно поговорили. Ма держится очень бодро. У нее столько планов! Она рассказывала мне о внуках... — Она засомневалась: — С чего ты взял, что ей грустно? — спросила она, поворачиваясь на сиденье, чтобы посмотреть Кларку в лицо.

— Грустно? — повторил Кларк. — Не помню, чтобы я говорил такое.

— Но ты же сказал, что ее нужно навестить, чтобы разве-селить.

Кларк улыбнулся плутовской улыбкой:

— По-моему, твои визиты всегда поднимают у Ма настроение. Просто благодаря тому, что ты к ней приезжаешь.

Но Марти была не в том настроении, чтобы слушать. Все пошло не так, как ей мечталось. Даже немного обидно. Неужели родные забыли о том, что сегодня у нее день рождения? Когда лошади замедлили шаг перед поворотом на дорогу, ведущую к ферме, она наклонилась вперед. Марти смотрела на перила, надеясь увидеть лениво отгоняющих мух лошадей Арни, Люка и Джоша, но там никого не было. «*Значит, забыли,* — вздохнула Марти. — *Все до единого. Все забыли*».

Кларк помог ей спуститься с повозки. Она ощущала непривычную слабость. Неужели это старость? Раньше она этого не замечала. Да, теперь она стала все делать медленнее: работать в огороде, развешивать белье. Вот сегодня она

целый день ничего не делала и все-таки устала. Точнее, она ничего не делала, кроме того, что забавляла Ма Грэхам. Марти повернулась к входной двери. Она почти дошла до нее и вдруг заметила, что Кларк, который обычно сразу вел лошадей в конюшню, последовал за ней. Не обращая внимания на ее удивленный взгляд, он открыл ей дверь, и она вошла на большое заднее крыльцо. Марти задумалась, что приготовить. Уже поздно. Что подать на ужин? Сегодня вечером она не собиралась суетиться на кухне. Ведь родственники должны были устроить торжественный праздничный обед. Она не планировала...

— Сюрприз! С днем рождения! — раздалось со всех сторон, когда она открыла дверь в кухню.

Марти ахнула. Кларк поддержал ее под руку.

— Вот это да! — воскликнула Марти, смущенно отступая, слегка испугавшись шума. — Вот это да!

Там были все. Все до единого. Они предусмотрительно спрятали лошадей и повозки. Поездка к Ма была уловкой, которую придумала соседка. Кларк отправился в город и прогуливался там до того часа, когда было уговорено везти Марти домой. В этот раз сюрприз устраивали девочки: Белинда, Мелисса и Эмми Джо. Они убедили членов семьи в том, что наступила их очередь устраивать праздничный обед для Марти. Они отпросились у школьной учительницы, чтобы весь день заниматься подготовкой к празднику. Они сами приготовили все блюда, от начала и до конца. Марти множество раз радостно восклицала, обнимая дружную троицу, и старалась сдерживать слезы, которые застряли у нее в горле.

Стол украшал маленький букет полевых цветов. Его заботливо поставили в хорошенькую фарфоровую вазочку. Все было готово, и Кларк пригласил родственников садиться за стол. «Чтобы ничего не остыло», — настаивали девочки. После молитвы, произнесенной главой семьи, матери положили в тарелки еду для самых маленьких. Дети постарше сделали это сами. Они с шумом и радостным смехом направились в любимое место — на веранду. Когда стало тише, взрослые приступили к еде. Белинда, Мелисса и Эмми Джо суетились поблизости, подавая на стол и наливая кофе.

Подливка была немного комковатой, печенье чуть подгорело, а жареная курица слегка суховата, но Марти угощение показалось восхитительным, и она много раз похвалила девочек.

— Ты удивилась? Или ты знала? — то и дело спрашивала Эмми Джо.

— Я понятия не имела, — заверила ее Марти.

Она не призналась, что немного опечалилась, подумав, что родственники забыли о празднике.

— И вы все сами сделали? Все?

Девочки весело рассмеялись, довольные тем, что их план удался, и Марти так удивлена их достижениями.

— Мы готовили вместе, — объяснила Мелисса. — И Эмми Джо тоже. Она сварила картошку и сделала салат из капусты.

— Мелисса пожарила курицу и испекла печенье, а Белинда сварила овощи, — быстро вставила Эмми Джо, не желая преуменьшать заслуги подруг. — Кроме того, Белинда испекла пирог, — по размышлению добавила она.

— Твой любимый, с пряностями, — заявила Белинда.

Когда обед подошел к концу, детей позвали с веранды, и вся семья спела: «С днем рождения!» Маленьким не терпелось приступить к вручению подарков. Марти преподносили заботливо выбранные или собственноручно изготовленные подарки, и она снова и снова радостно восклицала.

Девочки вручали подарки, когда все члены семьи закончили это делать.

— Бабушка, я хочу подарить тебе вот это, — заметила Мелисса, передавая ей аккуратно упакованный в нежно-голубую бумагу сверток.

Марти распаковала его и нашла внутри книгу «Путешествие пилигрима» в прекрасном переплете. Она поняла, что Мелисса выбрала эту книгу из собственной библиотеки, и оттого она стала ей еще дороже.

Следующей была Эмми Джо. Ее подарок был упакован не так аккуратно, но она выбрала яркую и пеструю бумагу. Марти начала разворачивать подарок, заметив, что у нее от волнения трясутся руки. Она сняла бумагу и вдруг увидела глаза Мелиссы. Оказывается, Эмми Джо попыталась нарисовать ее портрет. Ей и правда удалось передать сходство! Конечно, способности Эмми Джо требуют долгих лет учения и тренировки, но Марти была поражена тем, что у нее так хорошо получается.

— Ого, Эмми Джо! Ты молодец! Картина замечательная! — воскликнула Марти, и все родные столпились вокруг нее, чтобы полюбоваться работой девочки. Все поздравляли ее и восхищались, и Эмми Джо сияла от удовольствия.

Когда волнение утихло, Белинда сделала шаг вперед и подала Марти небольшой сверток.

— Помнишь кружевной воротничок, который тебе понравился? — пробормотала она. — У меня не было денег, чтобы его купить, но я нашла похожий узор и связала его для тебя. Он, конечно, не такой красивый, но...

Марти вытащила из бумаги кружевной воротничок. Белинда постаралась. Марти провела кончиком пальца по цветочному рисунку.

— Да нет же, он еще красивее! — нежно произнесла она.

В ее глазах отразилась благодарность, которую она не могла выразить словами:

— Спасибо, Белинда. Всем спасибо! Знаете, это самый прекрасный день рождения в моей жизни!

Кларк рассмеялся.

— Слушай, мать, — заметил он, — по-моему, ты говоришь это каждый год.

— И каждый раз это правда, — заверила его Марти.

Все посмотрели на Кларка. Родственники знали, что, по традиции, он преподнесет подарок последним.

— Ну что, моя очередь? — заметил Кларк, вставая.

У него в руках ничего не было.

— Честно говоря, — медленно произнес он, — в этом году у меня нет подарка.

Он помолчал. Все смотрели на него, не произнося ни слова. Кларк откашлялся. Никто из детей ни на минуту не поверил в то, что он не подготовил подарка для Марти.

— Во всяком случае, с собой, — продолжал он. — Мой подарок на улице. В саду. Если вам интересно посмотреть, пошли со мной.

Никто не остался в доме. Кларк шел впереди. Он взял Марти под руку и провел ее в дальнюю часть сада. Все остальные следовали за ними, стараясь угадать, что за подарок он подготовил. Марти слышала смех и шутки, но она тоже пыталась отгадать, что преподнесет ей Кларк.

— Вот он, — заметил Кларк, останавливаясь у небольшого саженца.

Дерево доходило до пояса. Казалось, в нем нет ничего особенного, но Марти понимала, что это не так. Она протянула руку и потрогала ярлычок, который висел на ветке, покачивающейся в такт дуновениям легкого вечернего ветерка.

— Яблоня «Джонатан», — вслух прочитала она и восторженно обняла Кларка. — Ах, дорогой, где ты ее нашел? Я так долго искала, но никто...

— Я специально заказал саженец, — объяснил Кларк, сжимая ее в объятиях. — Вчера украдкой пронес в сад и посадил. Ужасно боялся, что ты меня поймаешь.

Марти оглядела родных и заключила в объятия трех девочек. Все подарки казались ей восхитительными и созданными специально для нее! Семья хорошо ее изучила. Она была бесконечно счастлива: она купалась в их любви. В ее глазах показались слезы.

— Ладно, — с улыбкой заметила она, — смейтесь, сколько хотите. Но это и правда — *правда!* — самый лучший день рождения в моей жизни!

Глава двадцать четвертая

ПОСЕТИТЕЛЬ

Весной и летом Дрю боролся с отчаянием. Почему так случилось, что он потерял руку? Если Бог заботится о нем, то почему Он позволил, чтобы это случилось? Почему доктор не дал ему умереть? Он бы предпочел смерть. Во всяком случае, он так *думал*. Да, иногда такое бывало, хотя Дрю глубоко вдыхал свежий весенний воздух, любовался ярко-голубым летним небом и задирал голову, чтобы насладиться пением птиц.

Он почти каждый день вспоминал о Беллинде. Эти мысли беспокоили его. Он не понимал, что означают чувства, которые он испытывал к этой девушке. Почему она так интересуется медициной? Как она может смотреть, когда ее брат режет людей? Неужели у нее совсем нет жалости? И хотя ее желание стать медсестрой казалось ему странным, в то же время он ею восхищался.

Дрю был уверен, что не смог бы сохранять спокойствие в ситуациях, с которыми сталкивалась Белинда. «*Как она это делает? Почему?*» — эти вопросы приводили его в замешательство. Он ее не понимал. Вся ее семья со странностями. И Дрю не знал, как быть с чувствами, которые разрывали его на части.

В каком-то смысле он упивался жалостью к себе. И все-таки было что-то такое, что не поддавалось отчаянию. Он как будто воевал сам с собой. Дрю не понимал, почему он сопротивляется ощущению несчастья. Но как только ему казалось, что он готов забыть о гневe, культия напоминала о себе. Волна боли накатывала на руку, от кончиков несуществующих пальцев до плеча. Задыхаясь от муки и страха, Дрю прятал голову в подушку или, раздавленный злобой, бежал из дому. Так он боролся с собой. Он то забивался в раковину боли и негодования, то сдавался на волю желания примириться с судьбой, которая так круто с ним обошлась. Еще кое-что удивляло Дрю. Он чувствовал, что с его матерью что-то произошло, замечал некие легкие изменения, которые нелегко передать словами. Неужели ему померещилось, или это на самом деле так?

Несколько последних лет мать Дрю закрывалась при помощи молчания и жалости к себе. Она не хотела ехать на Запад, сопротивлялась этому всеми силами. Нет, она ничего не говорила. Это не в ее стиле. Но все они знали, что она думает. Это было видно по ее поджатым губам, напряженным позам, мрачным глазам. Ее и раньше нельзя было назвать веселой или болливой, но теперь она ушла в себя, как будто не желая делить сырую халупу с другими членами семьи.

Она вела себя холодно и отчужденно даже когда общалась с детьми. Лишь одна вещь, кажется, оживляла и интересовала ее — уроки. Если мальчики отказывались учиться, ее темные глаза начинали метать молнии. Она упрямо выдвигала вперед подбородок, заявляя, что не собирается тащить за собой неграмотных детей — ни на Запад, ни с Запада. Их отец тоже следил за тем, чтобы они каждый день читали книги и учились. В начале нового школьного года Дрю наблюдал за тем, как его младшего брата Сидни провожали в школу. Теперь у него была красивая одежда, и мать настояла на том, чтобы он получал знания в настоящей школе, как и должно быть. Дрю видел, с каким волнением она прощалась с младшим сыном. «*Как он поладит с другими детьми?*» Дрю понимал, что она беспокоится об этом. А что, если в учебе они продвинулись далеко вперед? Но первые отзывы миссис Браун об успехах брата были полны восхищенной похвалы. Мальчик знал куда больше, чем его ровесники, утверждала она, и сердечно поздравляла Симпсонов с тем, что они так хорошо позаботились об образовании малыша.

Дрю знал, что матери хотелось бы и его послать в местную школу. Она бы обязательно настояла на этом, если бы не его возраст и не его рука. Она ничего не говорила, но Дрю знал, что материнское сердце, измученное и разбитое житейскими неурядицами, болело за него. Она понимала, что ему будет трудно в этом мире. Отцу Дрю, кажется, было неловко в его присутствии. Он никогда не вспоминал о несчастном случае, ставшем причиной его увечья. Более того, он вообще редко разговаривал с сыном. Но он ясно дал понять: он не хочет,

чтобы Дрю опять вместе с ним валил деревья. Даже Сидни быстро отводил глаза от пустого рукава. У Дрю появилось чувство, что, наверное, всю жизнь люди будут делать вид, что не замечают его. Но у него было ружье, и он целыми днями пропадал в лесу. Наверное, ему было бы сложнее пережить эти месяцы, если бы он не знал, что семья нуждается в мясе, и только он может его добыть.

Однако в последние недели Дрю чувствовал, что его мать оживилась. У нее появилась надежда. Нет, она по-прежнему говорила мало и никогда не смеялась, но выражение ее глаз стало другим. Она казалась... более теплой, менее отчужденной и отрезанной от других членов семьи. Может, у нее внутри что-то изменилось? *«Но если так, то почему?»* — удивлялся Дрю. Неужели все дело в том, что ей удалось победить в борьбе за выживание? Нет, они, конечно, нуждались, как и раньше, но избавились от долгов. Они потеряли почти все, что имели. Чужакам не на что было претендовать. Но сейчас они лучше одеты и едят не только рагу из кролика. Мать даже посадила овощи в огороде, и в следующем году они не будут зависеть от соседей. Неужели только по этой причине в ее глазах затеплилась надежда? Или это как-то связано с семьей Дэвис? Она три, а то и пять раз в неделю работала в доме у миссис Дэвис. Может, на мать подействовал оптимистичный настрой этой женщины?

Дрю внимательно наблюдал за матерью, всем сердцем надеясь, что изменения не исчезнут и она начнет больше с ним разговаривать, как и положено матери. А может, они даже обсудят несчастье, которое с ним приключилось. Каждый день,

когда она возвращалась с фермы Дэвисов, он внимательно всматривался в нее. Дрю не понимал соседей. Но чувствовал, что они отличаются от его семьи. Он никогда не встречал такой чувствительной и заботливой женщины, как миссис Дэвис. Дрю мечтал увидеть столько любви и заботы в глазах собственной матери. *«Если бы только... только... — плакало его сердце, — если бы только мы поговорили! Если бы мама откровенно рассказала, что она чувствует, и спросила меня об этом».*

А мистер Дэвис? Мужчина с одной ногой? Как это с ним случилось и как он с этим смирился... а теперь даже *шутит* над своим несчастьем? Почему он такой добрый и щедрый? Дрю быстро разгадал его прошлогодние хитрости. Он понял, что Дэвис изобретал разные способы, чтобы помочь его семье пережить первую зиму. Он видел, сколько у них дров. Он видел ферму. Дрю понимал, что Кларк — не из тех людей, которым требуется помощь, чтобы навести порядок. *«Откуда у него берутся силы, в конце концов?»* — спрашивал он себя. Все это было выше его понимания. Дрю не мог себе этого представить. Он старался держаться от Дэвисов подальше.

Однажды, когда осенний ветер шелестел желтыми и красными листьями деревьев, а над головой кричали дикие гуси, Дрю заметил, что направляется к ферме Дэвисов. Ружье он подоткнул под ампутированную руку. Он всегда так его носил. Благодаря этому он чувствовал, что его рука, какой бы она ни была, кое на что еще сгодится. Но сегодня он забыл о ружье. Он бы не стал стрелять даже в том случае, если бы прямо на дороге появился кролик или тетерев. В глубине души Дрю решил, что ему необходимо найти ответ. С внезапной

решимостью он ускорил шаг, направляясь к единственному человеку, который мог ему помочь.

Дрю с облегчением обнаружил, что Кларк убирал из ручья упавшие листья. Ему не хотелось подходить к дому. Он боялся повстречаться с Белиндой.

— Дрю! — тепло приветствовал его Кларк. — Я вижу, ты снова охотишься. Что, не везет?

Дрю отложил ружье в сторону. Его щеки слегка зарумянились. На самом деле он не искал дичь.

— Пока нет, — ответил он.

— Побудем здесь еще минуту, — попросил Кларк, — а потом зайдем в дом и посмотрим, что Марти приготовила поесть.

Дрю наклонился над журчащим ручьем и правой рукой вынул из течения листья.

— Ты правша или левша? — к его удивлению, спросил Кларк.

— Правша, — ответил Дрю.

— В этом преимущество ампутации ноги, — серьезно заметил Кларк, — никакой разницы. — Он рассмеялся, и Дрю улыбнулся ему в ответ.

— Как идут дела у твоего отца? Он рубит лес? — продолжил расспросы Кларк.

— Да, все хорошо, — ответил Дрю. — И еще он купил мула и очень им доволен.

— Да, с мулом намного проще, — рассудил Кларк. — Даже не представляю, как он справлялся без него прошлой зимой.

— О, они с мамой цепляли бревна за крючки и тащили их к дому. Я уговариваю отца, чтобы он снова позволил мне ему помогать, — сказал Дрю.

Кларк внимательно посмотрел на мальчика.

— Он не хочет, чтобы ты работал в лесу? — спросил он. Дрю покачал головой:

— Не разрешает мне даже приближаться к нему. С тех пор как произошел несчастный случай. Наверное, винит во всем себя. Но это нелепо! Никто не виноват. Просто так случилось.

Кларк помолчал минуту, черпая мокрые листья и отбрасывая их в сторону:

— Что ж, я понимаю его чувства.

Дрю кивнул. Он тоже понимал отца, но ему казалось глупым, что тот отказывается от помощи.

— Ну, — заметил Кларк, выпрямляясь, — по-моему, пока достаточно. Почисти его еще пару раз до наступления морозов.

В небе с грустным криком пролетела стая канадских гусей. Кларк и Дрю задрали головы.

— Мне всегда казалось, что крик гусей — самый печальный звук на свете, — заметил Кларк. — Ты тоже так думаешь?

Дрю серьезно кивнул. Так оно и есть. Хотя он не понимал, почему.

— Даже не знаю, отчего, — продолжал Кларк, — но от него мороз по коже.

Дрю заметил, что он и впрямь задрожал.

— Пойдем в дом, согреемся, — предложил Кларк. — Марти наверняка что-нибудь приготовила.

Дрю затаил дыхание. Если он согласится, то никогда не наберется смелости опять заговорить с мистером Дэвисом:

— Простите, можно с вами поговорить?

Лицо Кларка потеплело. Он опустился на мягкие листья и кивнул мальчику, чтобы тот продолжал.

— Я... мне бы не хотелось занимать у вас время, но...

— Времени у меня больше, чем чего-либо другого, — заверил его Кларк.

— Ну, я... я заметил, то есть я подумал... понимаете, я подумал, что если есть человек, который знает, что происходит, когда тебе ампутируют конечность, то этот человек — вы.

Кларк сломал веточку и выбросил ее в воду. Течение несколько раз перевернуло ее и понесло вниз.

— Я всего лишь потерял ногу, парень, — мягко произнес Кларк. — А ты — руку. Не буду притворяться, что нет никакой разницы.

Мальчик с трудом сглотнул. Кларк не боялся говорить о собственной утрате. Дрю серьезно посмотрел на Кларка:

— Я полностью уверен, что если бы я потерял ногу, то вряд ли бы спокойно к этому отнесся, — заметил он.

Кларк кивнул.

— Когда это случилось? — спросил Дрю.

— Уже давно, — ответил Кларк, облокотившись на ствол дерева. — Очень, очень давно. Еще до рождения Белинды.

— Как это случилось?

По лицу Кларка пробежала тень, и это сказало Дрю больше, чем можно было бы выразить словами.

— Двое ребятишек забрались в старую шахту, — начал Кларк, — и она обрушилась. Я полез туда, чтобы их вытащить. Их завалило чуть ли не с головой. Когда я полез за вторым, вновь произошел обвал. На меня упали тяжелые балки.

— Как же вы выбрались? — спросил Дрю.

— Люди, друзья, которые жили на ранчо моего зятя, выкопали меня.

— А вы... вы давали разрешение врачу? Я имею в виду отрезать ногу?

— Ну, нет! — ответил Кларк. — Я и понятия не имел. Кроме того, я не сразу потерял ногу. На много миль вокруг ранчо не было ни одного доктора. Так все думали. Марти сама пыталась очистить и дезинфицировать рану. Мне сказали, что она выглядела ужасно. Началась гангрена. Тут появился доктор — чудом нашелся среди соседей, — и он отрезал ногу, когда я был без сознания от лихорадки.

Дрю стало не по себе, хотя Кларк рассказывал об этом спокойно, без особых эмоций. Он слишком хорошо представлял сцены, описываемые Кларком. Они долго молчали.

— Что вы подумали... когда?..

— Когда я пришел в себя и увидел, что произошло? — закончил за него Кларк.

Мальчик громко сглотнул и кивнул. Ему было трудно говорить.

— Ну, сначала... сначала я подумал, что мир рухнул. Я не верил, что смогу вновь почувствовать себя мужчиной. Боялся, что не сумею позаботиться о семье. Вот что я думал. Некоторое время, правда, недолго... я сожалел о том, что не умер. Во

всяком случае, мне казалось, будто я *хотел* этого. Но недолго. Вскоре Бог напомнил мне о том, что у меня есть ради чего жить. Меня любят родные и будут любить, с одной ногой или двумя, и Бог меня не забыл. Он по-прежнему со мной и ведет меня по жизни. На это потребовалось время, но Он помог мне принять случившееся. Честно говоря, мне не так уж сильно не хватает второй ноги.

— Но она до сих пор болит, верно?

Кларк вскинул голову.

— Почему ты так думаешь? — спросил он, внимательно глядя на Дрю.

— Я видел, как вы ее массировали. Я знаю... знаю, какая это боль! Даже когда ее отрезали, все равно...

— Фантомные боли, — закончил за него Кларк.

Мальчик кивнул.

— Они сильно тебя беспокоят?

— Иногда. А иногда все не так уж плохо.

Кларк с пониманием кивнул.

— Как долго это у вас? — начал Дрю.

— Протез? Уже лет пять, кажется. Отличная вещь. Очень удобная, даже не знаю, как бы я без него обходился. Это Люк, мой сын, уговорил меня его примерить.

— А у них нет... протезов для рук?

— Конечно, есть! Но не такой. Он снабжен крюками и разными штуками, но об этом лучше спросить Люка.

Кларк замолчал, потому что Дрю вдруг уткнулся в здоровую руку и зарыдал, содрогаюсь всем телом. Кларк быстро положил на его плечо руку и притянул к себе:

— Поплачь, — дрожащим голосом произнес он, — не стесняйся, поплачь. Я так делал. Да, поверь мне, я плакал. Кричи, если хочешь. Ты должен все выплакать. Случилось то, что стоит твоих слез. Плачь, парень.

Дрю дрожал от рыданий.

— Я этого не вынесу! — кричал он. — Не вынесу! У меня нет руки. Бог оставил меня. У меня *ничего* нет.

Кларк не отпускал его. Он передал парню большой клетчатый платок, чтобы тот высморкался. Все еще обнимая его, Кларк спокойно заговорил.

— Сынок, — заметил он, — я не могу вернуть тебе руку, но... но я знаю, что ты найдешь Бога.

Дрю посмотрел на него. Больше он не стыдился своих слез.

— Его даже не нужно искать, — продолжал Кларк, — дело в том, что Он Сам ищет тебя. Он тебя любит, сынок. Он тебя любит. И Он хочет прийти в твою жизнь, излечить раны и подарить истинную причину, чтобы жить.

Дрю покачал головой:

— Я... я делал много дурного. Не думаю, что Бог захочет...

— Это самое прекрасное, — продолжал Кларк, — что Он не ждет, пока мы освободимся от скверны. Если бы это было нужно, Он бы ждал вечно. Все мы совершаем ошибки. Об этом говорится в Библии, и у нас нет способа изменить свою греховную природу. Но за грех полагается страшное наказание — смерть.

Он замолчал и посмотрел на заплаканное лицо Дрю.

— Но в Библии также говорится о том, что, несмотря на то, что мы — грешники, Иисус Христос так сильно нас любит,

что пошел ради нас на смерть, — сильным, уверенным голосом продолжал он. — Значит, Он заплатил жизнью за все наши дурные поступки, за грехи. И мы благодарим Его за благодеяние и принимаем новую жизнь, которую Он предлагает. Это все, что от нас требуется. А затем Он делает то, что в Его власти. Он прощает наши грехи... и дарит утешение и мир, которые мы ищем. Все очень просто.

Дрю не верил своим ушам. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Как... как это сделать? — спросил он.

— Просто помолись... поговори с Отцом Небесным. Ты когда-нибудь молился, сынок?

— Только один раз, — признался Дрю. — Во всяком случае, мне казалось, что я молюсь. Это случилось, когда Белинда упала с лошади. Я так испугался, я...

— И Бог ответил на твои молитвы, правда?

— Ответил ли Он? — Дрю помолчал и задумался: — Вы покажете, как это делается? — спросил он.

Кларк крепче обнял его за плечи.

— Буду очень рад, — заверил он.

Глава двадцать пятая

ВСЕ УТРАСЛОСЬ

В этот вечер в доме Дэвисов все радовались хорошей новости, которую принес Кларк. Он предложил родным помолиться за юного Дрю, и, как только все остальные закрыли глаза, Марти не стала сдерживать слезы. Когда слова Кларка услышала Белинда, лицо ее просияло, но она почти ничего не сказала. Наконец ей удалось незаметно ускользнуть, она прокралась в свою комнату и упала рядом с кроватью. Белинда зарыдала. Она сама не знала, почему плачет. Ее обуревали разные чувства. Она благодарила Бога за то, что Он ответил на ее молитвы. Она надеялась, что Дрю примирится сам с собой. Она молилась о том, чтобы отчаяние покинуло его. Белинда понимала, что его ждут нелегкие дни, но, с Божьей помощью и поддержкой друзей, он справится; она знала, что справится.

Сумеет ли он ее простить? Она молилась о том, чтобы он понял, что они с Люком сделали то, что нужно. Они каждый день оплакивали его потерю. Прошло много времени, прежде чем у Белинды полегчало на душе, и она стала готовиться ко сну. Она забралась на теплые фланелевые простыни, думая о том, увидит ли когда-нибудь Дрю. Конечно, увидит, сказала она себе. Отец говорил, что Дрю пообещал, что вместе с ними поедет в церковь в воскресенье. Неизвестно, почему, но от этой новости ее сердце радостно подпрыгнуло. Как это будет? Что они друг другу скажут? Улыбнется ли он ей? Белинда легла спать, полная радостных надежд. Она верила, что время, оставшееся до воскресенья, пролетит быстро.

На следующий день, в четверг, Люк остановился у школы, чтобы спросить Белинду, хочет ли она вместе с ним поехать на роды. Жена Лу Грэхама вновь собралась рожать, и она сказала Люку, что не возражает против присутствия Белинды.

Девушка радостно вскрикнула и побежала домой, чтобы переодеться. Они договорились с Люком, что встретятся в доме Грэхамов.

— Не задерживайся, — предупредил он, — никогда не знаешь, сколько времени осталось (или, может, и совсем не осталось?), когда ждешь рождения ребенка.

Белинда рассмеялась и пообещала поторопиться. Она едва успела добраться до Грэхамов. Роды были самым удивительным из событий, которым она до сих пор становилась свидетелем. Она снова и снова вспоминала историю, которую рассказывала ей мать: как Элли в одиночку помогала ей, Белинде, появиться на свет. Интересно, волновалась ли сестра

так же, как она? Ребенок был уже на подходе, и потому роды прошли быстро. Белинде, под строгим надзором Люка, доверили позаботиться о новорожденной. Она завернула ее в теплые фланелевые пеленки и осторожно вложила в руки Мэри. Женщина просияла, увидев ребенка.

— Познакомьтесь, это Аманда Джейн, — сказала Мэри, — Аманда, это Белинда, медсестра. Она прекрасно справилась, верно?

Ма Грэхам подошла, чтобы посмотреть на новую внучку, и не успела Белинда отойти от кровати, как в комнату посыпались члены семьи. Они шумели, толкались и спорили за право подержать новорожденную сестру.

Белинда в прекрасном расположении духа взобралась на Коппера и направилась домой. Ей хотелось быстрее рассказать родным о том, что случилось. *«Да, эта история понравится даже неженке Мелиссе»*, — думала она.

Белинда так увлеклась своими мыслями, что вернулась на землю только тогда, когда Коппер навострил уши и посмотрел в сторону. Она крепче сжала поводья. Возможно, в кустах сидело какое-то животное. Но из зарослей вышел Дрю. Под мышкой у него было зажато ружье, и он тихо насвистывал. Похоже, увидев Белинду, он удивился не меньше, чем она. Они молча смотрели друг на друга. Они могли бы многое сказать, но слова не шли из горла. Наконец Дрю прервал молчание.

— Не беспокойся, — начал он, — я не буду стрелять.

Белинда тихо рассмеялась.

— Это хорошо, — ответила она.

Дрю отложил ружье (Коппер дернулся, просто взглянув на него), а затем приблизился к Белинде.

— Я надеялся повидаться с тобой до воскресенья, — откровенно сказал он.

Белинда посмотрела ему в глаза. Они были глубокими, темными, но в них не было заметно ни грена скорби. Она ждала, когда Дрю заговорит снова.

— Ты помогала брату? — спросил он.

Белинда кивнула и улыбнулась.

— Кому на этот раз?

— Мы были у Грэхамов. У Лу Грэхам. У них родилась девочка. Я впервые присутствовала при родах.

Дрю беззаботно улыбнулся ей:

— Наверное, это приятнее, чем ампутировать руку, да?

Она опустила глаза.

— Ты спешишь? — быстро любопытствовал он.

Наверное, пожалел о том, что пошутил о несчастном случае.

— Нет... не совсем.

— Не возражаешь, если мы немного поболтаем?

Белинда покачала головой. Дрю посмотрел на нее и рассмеялся:

— Может, слезешь с лошади, пока я не растянул себе шею?

Теперь засмеялась она. Белинда передала парню поводья и спешила. Дрю не мог держать лошадь и одновременно помогать ей, но она сама прекрасно справилась.

— Я его привяжу, — предложил он.

— Только крепко-накрепко, — попросила Белинда. — А то он любит отвязываться и уходить домой.

— Похоже, у этой лошади полно дурных привычек, — пошутил Дрю, и Белинда опять рассмеялась.

Она стояла неподвижно, пока Дрю не подошел к ней.

— Давай присядем? — предложил парень и провел Белинду к обочине дороги, где одно дерево упало на другое, так что образовалось удобное место для сидения. Белинда не успела возразить, как он уже снял пальто и постелил его на бревно, чтобы она села.

Белинда не знала, о чем говорить, и потому решила послушать, что скажет Дрю.

— Наверное, отец рассказал тебе, что случилось недавно, — начал он.

Белинда кивнула. Дрю точно подумает, что она немая. Надо начать реагировать не только при помощи жестов.

— Не знаю, как это получилось... но получилось. Правда... теперь я чувствую себя по-другому. Я как-то... просто... я понимаю, что Бог действительно существует, и Он и правда меняет тебя, если ты просишь об этом.

— Знаю, — улыбнулась Белинда, — меня Он тоже изменил.

— Видишь ли... я мало знаю о Боге, — продолжал Дрю. — Я слышал, как люди говорили о Нем. В основном сквернословили. Но... в тот день, когда ты упала с лошади, я страшно испугался, и что-то подсказало мне, что на самом деле есть Бог, Которому я могу помолиться. Я так и сделал. Я даже не знал, как это делается, что нужно говорить, но я молился за тебя.

Глаза Белинды наполнились слезами.

— Я тоже молилась за тебя, — призналась она.

Дрю быстро повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Правда? — изумленно спросил он.

Она опять кивнула.

— С того самого дня... с того самого... я молилась за тебя, когда ты лежал в кровати. Сразу после того, как мы... отрезали руку. Люк взял... то, что осталось, а я... смотрела на тебя и молилась.

— О чем же? — спросил Дрю.

— Чтобы ты выздоровел и... все выдержал. Не стал отчаиваться.

Дрю замолчал. Он смотрел на сжатый кулак своей единственной руки, потом медленно разжал его. Наконец он произнес:

— Наверное, тебе кажется, что Бог не услышал твоей молитвы, да?

— Иногда требуется время, — просто ответила Белинда. — Нам нужно учиться терпению, когда мы молимся. Па всегда так говорит.

— Мне нравится твой отец, — заметил Дрю.

— Мне тоже, — с чувством ответила Белинда и улыбнулась.

— Пожалуй, это заняло больше времени, чем должно было. Если... если бы я не был таким упрямым. Но ты должна знать, что Бог услышал твои молитвы. Все молитвы.

— Я очень рада, — ответила Белинда, и ее глаза опять затуманились.

Они сидели тихо. Каждый думал о своем.

— Тебе нравится заниматься медициной, верно?

Белинда кивнула.

— Почему? — спросил Дрю. — Ведь ты такая молодая... и... и...

— Я всегда очень переживала, когда видела, что кто-то страдает, — объяснила Белинда. — Даже когда была совсем маленькой. Я находила птиц и животных... и старалась их вылечить. Иногда я относила их к Люку. Он мне помогал. Мы делали все, что в наших силах, чтобы их вылечить. Люк, он... тоже ненавидит смотреть на то, что кто-то страдает. И он готов на все... на все, чтобы помочь людям.

— Забавно, — заметил Дрю. — Долгое время я совсем другому думал о вас обоих.

— Знаю, — заметила Белинда. — Очень жаль.

Она говорила тихо, почти шепотом.

— Нет, это мне очень жаль. Я... был глупцом, вот и все. Жалел только себя и... злился. Я должен был благодарить вас за то, что вы для меня сделали, а я вел себя, как ребенок.

— Ах, нет! — возразила Белинда. — Я знаю, каково это. Я имею в виду, папа тоже прошел через это, и мы знаем...

Дрю коснулся ее руки. Она почувствовала кожей его тепло. Белинда чувствовала себя защищенной, хоть и не понимала, почему возникло это ощущение. Они молча сидели несколько минут, а затем Дрю опять заговорил, но сменил тему.

— Ты учишься в школе последний год? — поинтересовался он.

Она кивнула.

— А потом что? — спросил парень.

— Люк хочет, чтобы я работала в его кабинете в городе. Он будет меня учить, и я буду вместе с ним ездить по визитам. А дальше не знаю.

Дрю молчал.

— А ты что собираешься делать? — спросила Белинда.
— Ну, я бы тоже хотел продолжать учебу, — сказал он ей. — Конечно, будет нелегко, но я собирался стать адвокатом.

Белинда широко раскрыла глаза:

— Адвокатом?

— Да, я бы тоже хотел помогать людям. Но в другом смысле.

— А как? — любопытствовала Белинда.

— Мой отец не потерял бы все, что имел, если бы его защищал адвокат. У его противника не было законных доказательств, но он был влиятельнее и богаче, чем отец. Он разорил одного владельца ранчо за другим.

Белинда кивнула, показывая, что понимает, о чем он говорит.

— А почему ты говоришь, что «собирался стать»? — спросила она.

Он опустил глаза на пустой рукав. Белинда проследила за его взглядом.

— Это было бы нелегко даже в том случае, если бы я... если бы у меня было две руки, а теперь я... никогда... никогда не смогу...

Белинда всего секунду смотрела на его руку. Она перевела глаза на его лицо.

— А какая разница? — смело заметила она. — Разве для того, чтобы думать, нужно две руки? Ведь адвокаты в основном думают и говорят. И тебе ничто не мешает это делать.

Дрю с сомнением смотрел на нее.

— Конечно, можешь! — продолжала Белинда. — У тебя ясная голова, такая же, как у твоего брата. И что с того, что ты не ходил в школу? Подумаешь, ты не сидел в школьном классе. Зато тебя учили родители. И очень хорошо учили.

Твои мама и папа научили вас обоих тому, что вам требуется знать. Учителя вечно восхищаются тем, как много знает Сидни. Готова поспорить, ты знаешь еще больше, и ты способен продолжать учебу. Ты будешь учиться. Не понимаю, почему ты не можешь стать адвокатом, если тебе этого хочется?

— Ты... правда думаешь, что я смогу? — запинаясь, про-
бормотал он.

— Конечно!

Он крепко схватил ее за руку, и Белинда почувствовала, что он тронут — то ли ее словами, то ли еще чем-то. Она сама этого не понимала. Они сидели тихо. Белинда слегка покачивала ногой. Она глубоко погрузилась в свои мысли, думая о том, как помочь Дрю воплотить свою мечту в жизнь.

Он прервал ее мысли.

— У тебя есть жених?

Белинда моргнула.

— Есть?

Она с глупым видом отрицательно покачала головой.

— Я... я... — начал он.

Но Белинда быстро перебила его:

— Сейчас мне жених ни к чему. Понимаешь, учиться медицине придется долго. И я думаю, несправедливо просить какого-нибудь парня, чтобы он меня подождал.

Дрю втянул в себя воздух.

— Верно, — наконец сказал он. — Мне тоже потребуется немало времени, чтобы выучиться на адвоката.

Белинда кивнула. Услышав его слова, она очень разволновалась. «Он снова поверил в себя!» — обрадовалась она.

— Так что мы оба можем подождать, правда? — спросил Дрю.

— По-моему, да, — ответила Белинда.

В ее улыбке было еще больше надежды, чем в словах. Они опять замолчали. В этот раз первой заговорила Белинда. Она встала и посмотрела на Коппера.

— Я рада, что мы поговорили, — честно сказала она, застенчиво улыбаясь. — Я немного беспокоилась из-за воскресенья. Я... имею в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — ответил Дрю. — Я тоже переживал.

— Что ж, мне пора домой, — помолчав, сказала Белинда. — Меня будут искать.

— Я приведу лошадь, — предложил Дрю.

Он подвел Коппера к дороге. Белинда следовала за ним. Она собралась взобраться на коня, и он передал ей поводья. Белинда поняла: он жалеет о том, что у него нет второй руки, чтобы помочь ей. Она замерла, прежде чем поставить ногу в стремя, и Дрю подошел к ней ближе.

— Спасибо, Белинда! — прошептал он, и она повернулась, чтобы взглянуть на него.

Она и не думала, что он стоит так близко. Она и не догадывалась, каким зовущим взглядом он на нее смотрит. Дрю, не сводя с нее глаз, сделал еще один шаг вперед. Потом он положил руку ей на талию, потянул к себе, наклонил ее голову и поцеловал — уверенно, но мягко.

Белинда задохнулась. Она и не представляла ничего подобного. Так ласково, так нежно! Это был ее первый поцелуй.

Оглавление

Семья Дэвис	7
Глава первая	
Белинда	9
Глава вторая	
Доктор Люк	23
Глава третья	
Воскресенье	39
Глава четвертая	
Визиты на дом	49
Глава пятая	
Сюрприз	59
Глава шестая	
Планы	73
Глава седьмая	
Мелисса	83
Глава восьмая	
Знакомство	93
Глава девятая	
Двоюродные сестры	109
Глава десятая	
Школа	121
Глава одиннадцатая	
К привычной жизни	137
Глава двенадцатая	
Чрезвычайное происшествие	145

Глава тринадцатая	
Новые соседи	161
Глава четырнадцатая	
Признание	171
Глава пятнадцатая	
Воскресный обед с учительницей	183
Глава шестнадцатая	
Гордость	203
Глава семнадцатая	
Наемные работники	211
Глава восемнадцатая	
Привычка	221
Глава девятнадцатая	
Треугольник	227
Глава двадцатая	
Помощь Люку	241
Глава двадцать первая	
Несчастный случай?	251
Глава двадцать вторая	
Напряжение	263
Глава двадцать третья	
День рождения	271
Глава двадцать четвертая	
Посетитель	281
Глава двадцать пятая	
Все утряслось	293